

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 1 (67). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

Свидетельство о регистрации СМИ - ПИ № ФС 77 – 61823
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций от 18 мая 2015 года

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р. филос. н, проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С..	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на Дону)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Катунин Ю. А.	д-р ист. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т. А.	д-р гос. упр., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф. КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Иванова Р. А.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В., к. полит. н., доц. КФУ им. В. И. Вернадского
Гаспарян М. В., к. полит. н., доц. КФУ им. В. И. Вернадского

Контакты с редакцией:

Адрес: 295007, г.Симферополь, ул. Ялтинская, 20
Тел.: +7 978 707 21 32 Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: alegros@mail.ru

Подписано в печать: 28 декабря 2015 г. Формат 70x100 1/16
13 усл. п. л. Заказ № НП/29
Тираж: 50 экз.

Журнал доступен в электронной версии: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>
Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 4. С. 3–12.

УДК 338.23:658

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРУДНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Кузьмин С. П.

В статье предпринята попытка анализа содержательных компонентов гражданского общества. На основе изучения ряда работ, прежде всего, российских исследователей, излагаются черты современного российского гражданского общества. Показано влияние на становление гражданского общества типа политической системы, политической культуры, господствующей модели взаимоотношений государства и гражданского общества. Обосновывая роль гражданского общества, указывается на нецелесообразность идеализации его влияния на общественные отношения. Рассматриваются противоречия и трудности развития российского гражданского общества. Фундаментальной проблемой становления гражданского общества можно считать реальности, возникшие после 1991 г.; утверждающиеся олигархически-бюрократические капиталистические отношения; высокий уровень коррупции; медленное развитие «среднего класса»; высокие показатели бедности населения. Показано противоречивое состояние духовного фактора, соединяющего в себе ориентации как на новые, так и на ценности прежней советской системы, превалирование ценностей авторитарно-патерналистского типа.

Ключевые слова: гражданское общество; черты российского гражданского общества; взаимоотношения государства и гражданского общества; духовные ценности и ориентации.

Актуальность сформулированной выше проблемы обусловливается, прежде всего, потребностью развития демократии в современной России, налаживания цивилизованных отношений между государством и структурами гражданского общества. Российская общественно-политическая практика свидетельствует, что становление отношений между институтами государства и существующими общественными, общественно-политическими организациями и движениями протекает болезненно. Формирующемуся российскому государству на современном этапе свойственны авторитарность, высокая степень закрытости процесса принятия

решений, отчужденность от потребностей и интересов большинства общества. Возникшие ячейки гражданского общества не обладают пока опытом эффективной работы, их деятельность часто носит не постоянный, а эпизодический характер. Многие общественные организации существуют лишь на бумаге, встречая безразличие, а нередко и противодействие со стороны органов государственной власти, проявляют нерешительность, а иногда просто прекращают свою деятельность.

Вхождение Крыма в состав России, с одной стороны, расширяет пространство российского гражданского общества, а с другой – ориентирует структуры гражданского общества Крыма на повышение как их качественных характеристик, так и общественной активности в интересах граждан крымского социума. В этих условиях является важным осмысление проблемы развития гражданского общества в России, взаимодействие государства и гражданского общества, разработка механизма взаимодействия рассматриваемых основополагающих составляющих социальной системы.

Целью статьи является анализ процесса становления и развития гражданского общества в России, выявление проблем и трудностей, существующих на современном этапе этого становления.

Новизна статьи заключается в обобщении точек зрения отечественных исследователей и рассмотрении трудностей развития российского гражданского общества в современных условиях.

Информационно-теоретической и эмпирической основой подготовки статьи являются работы С. А. Басова, О. В. Гаман-Голутвиной, И. А. Ильина, Л. И. Никовской, В. С. Комаровского, Р. Т. Мухаева, Л. В. Сморгунува, А. И. Соловьева, Л. Н. Тимофеевой, Ф. Шмиттера и других исследователей.

Несмотря на наличие исторической традиции в исследовании гражданского общества, вопрос о его происхождении, сущности, формировании в современных условиях остаётся дискуссионным. Хотелось бы выделить несколько характеристик, которых придерживаются исследователи, давая толкование этого понятия.

Во-первых, гражданское общество отличается негосударственным характером. В словосочетании «гражданское общество» само понятие означает «негосударственное общество». В имеющихся в литературе определениях основное внимание обращается как раз на то, что гражданское общество – это особая часть общества, которое имеет негосударственный характер.

Подчеркнём, что понятие «общество» и «гражданское общество» не синонимы. Общество, как известно, - это совокупность людей, объединённых исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. Гражданское общество отличается от общества в том, что вовлекает массы граждан в публичную сферу, чтобы выразить свои интересы, желания, достичь общих целей, потребовать чего-либо от государства и контролировать деятельность государства.

Во-вторых, данное общество является самоуправляющимся, что закономерно следует из его первой особенности. Раз оно в некоторых вопросах и в определённых исторических условиях выходит из непосредственной опеки государства, то вынуждено брать на вооружение принципы самоуправления. Самоорганизация – это

различные формы активности, возникающие не по указанию властей, а как результат проявления устремленности, активности и воли самих граждан. Это не «наведенная» сверху активность, а вырастающая «снизу» на федеральном, региональном и местном уровне за счет организации общественного диалога.

В-третьих, гражданское общество имеет направленно групповой характер, т. е. осуществляет управление и реализацию не индивидуальных, а именно групповых интересов людей.

В литературе нередко высказывается мнение, что основное назначение гражданского общества – защита «частных» (индивидуальных) интересов людей. Но человек, как известно, не может существовать вне общества, вне определённой группы сам по себе. Его развитие осуществляется всегда в составе какой-либо социальной общности. Поэтому реализация и защита индивидуальных интересов происходит как реализация и защита интересов той организованной группы, в составе которой человек находится.

В-четвёртых, гражданское общество только тогда достигает своей зрелости, а следовательно, и социальной действенности, когда приобретает системный характер. Данная системность носит не субординационный, а координационный характер. Здесь организованные по интересам группы не соподчинены друг другу, а взаимодействуют в соответствии с принятыми межгрупповыми социальными нормами.

Если обобщить изложенные особенности гражданского общества, то можно согласиться с точкой зрения Р. Т. Мухаева, что гражданское общество – это совокупность межличностных отношений, которые развиваются вне рамок и без вмешательства государства, а также разветвленная система независимых от государства общественных институтов, реализующих повседневные индивидуальные и коллективные потребности [6, с. 273]. Это сфера общения, взаимодействия, самоорганизации и самоуправления свободных индивидов на основе добровольно созданных ассоциаций, которая защищена необходимыми законами от прямого вмешательства и регламентации со стороны государства и в которой преобладают гражданские ценности.

Указывая, что гражданское общество представляет собой систему внегосударственных общественных отношений, подчеркнем, что это не просто система отношений, но система отношений на основе высокой гражданственности населения

Сущность гражданского общества – в том, что главным действующим лицом его признается человек как личность, а не безликий народ. Этот человек имеет определенную систему потребностей, интересов и ценностей. Наличие возможностей реализации этой системы превращает человека в главную действующую силу общественного развития.

Отметим, что гражданин принципиально отличается от подданного, для которого характерным является постоянное ожидание от государства какого-либо благодеяния и который связывает свои надежды не с собственными возможностями и своим трудом, а исключительно с деятельностью государства. Гражданин – это человек, обладающий гражданским мужеством и достоинством, готовый встать на

защиту ценностей открытого общества, а также собственных конституционных прав и свобод. Развитая гражданская позиция личности – это важное условие самосохранения, самозащиты, саморазвития общества.

Главной причиной становления гражданского общества является объективная необходимость формирования организаций (объединений) людей, которые способствовали бы реализации накопившегося в обществе потенциала развития на основе создания условий для самостоятельности и инициативы. Гражданское общество воплощается в трех основных формах: 1) свободной самостоятельности граждан; 2) разнообразных негосударственных организациях; 3) негосударственных (т. е. установленных вне и помимо непосредственного участия государства) общественных отношениях: семейных, экономических, политических, духовных и т. д. [8, с. 17].

К институтам, которые образуют внутреннюю структуру гражданского общества, можно отнести добровольные общественные объединения: экономические, культурно-художественные, образовательные, научные, защиты прав граждан, благотворительные и др.; общественные движения и политические партии (последние – на первых стадиях своего развития, пока они еще не задействованы в структурах власти); независимые СМИ, которые обслуживают общественные потребности и интересы, формируют и обнародуют общественные настроения; выборы и референдумы как способ гражданского волеизъявления и защиты интересов; зависимые от общественности элементы судебной и правоохранительной системы (суды присяжных, народные милицейские подразделения, казачьи подразделения и т. д.).

Не ставя своей задачей раскрытие изложенных компонентов, необходимо отметить, что важной составляющей гражданского общества выступает местное самоуправление. Местное самоуправление: а) это специфический (публичный) институт гражданского общества, обеспечивающий самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью; б) форма самоорганизации локальных сообществ в городских, сельских поселениях и на других территориях; в) право и реальная возможность граждан и их органов формировать, утверждать и исполнять местный бюджет, устанавливать местные налоги и сборы, осуществлять охрану общественного порядка, а также решать иные вопросы местного значения [см.: 5, ст. 130 – 133].

О принадлежности тех или иных учреждений (институтов) к гражданскому обществу нельзя судить по одним лишь формально-организационным признакам. Эта принадлежность устанавливается при учете их конкретной общественной роли и реальных функций. Направлены ли они на удовлетворение общественных потребностей или имеют прогосударственный либо, наоборот, антиобщественный смысл.

Суть и роль гражданского общества осознаются полнее через его функции. К основным из них можно отнести следующие функции: социализация индивидов; самоорганизация граждан и самоуправление во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни; защита интересов и потребностей граждан, их объединений

от незаконного вмешательства в их жизнедеятельность государства и его органов; интеграция общества через систему горизонтальных связей и каналов информации, функционирующих на базе данной социально-культурной общности; создание базовых форм межличностной солидарности, основанной на общности или близости частных интересов, выработка механизмов согласования расходящихся интересов и урегулирования конфликтов; стимулирование правового нормотворчества выдвижением требований юридического закрепления тех гражданских и политических прав и свобод, осознание необходимости которых вначале происходит в лоне гражданского общества.

Важная роль гражданского общества как промежуточного звена в процессе взаимодействия власти и граждан порождает соблазн его идеализации. В литературе можно встретить точку зрения, авторы которой рассматривают гражданское общество как определяющее условие решения всех острых социально-политических проблем, развития демократии в современных обществах. Гражданское общество, по существу, становится синонимом «хорошего общества», рассматривается как панацея от всех зол. Между тем эта точка зрения не выдерживает сопоставления с действительностью, о чём пишут известные учёные. Так, Р. Дарендорф, отмечает, что гражданское общество не может претендовать на совершенство, а временами даже оно бывает не всегда законно. Л. Даймонд уверен, что сегодня требуется пересмотреть прежние упрощенные взгляды на гражданское общество и осмыслить не только тот вклад, который оно вносит в становление демократии, но и те противоречия и напряженности, которые оно создаёт. Подобные взгляды разделяет также Ф. Шмиттер и др. исследователи [См.: 8, с. 106 – 110].

Конкретизируя эту точку зрения, отметим, что в широком историческом плане развитие гражданского общества, несомненно, позитивно влияет на функционирование общественного организма. Но нужно иметь в виду, что любое гражданское общество является слепком своего времени, слепком конкретного общества. В фундаменте его организаций лежат частные интересы, среди которых есть и такие, которые расходятся с интересами общества в целом и даже противостоят им. Поэтому в любом гражданском обществе могут возникать очаги «частного эгоизма», отторгающие демократические начала общественной жизни. Так, в кризисных ситуациях, когда государство ослаблено, возможно стихийно-разрушительное давление гражданского общества, которое в состоянии подорвать способность власти решать свойственные ей задачи. В такие периоды гражданские институты склонны брать на себя не входящие в их функции властные полномочия. Власть, оказавшись в руках стихийного или неправового гражданского общества, лишившаяся государственного контроля, может стать носителем не столько общенациональных, сколько групповых интересов.

В гражданском обществе могут возникнуть и действовать различного рода экстремистские, террористические, преступные группировки. Их лидеры склонны навязывать рядовым членам не правовые нормы поведения, ущемляющие их индивидуальные права и свободы. В подобных случаях возникает потребность защиты как индивида, так и общества в целом от незаконной или антиобщественной гражданской ассоциации.

Изучение и анализ ряда работ отечественных ученых [см.: 2, 3 4, 6, 9] позволяет автору говорить, что для России характерен сложный и противоречивый процесс становления гражданского общества.

Исследователи указывают на следующие его черты:

- пока не сложилась целостная система гражданских структур, существует большое количество фрагментированных образований, слаба юридическая защита граждан и ассоциаций; в стадии формирования находится правовая база российского гражданского общества;

- аморфная социальная база гражданского общества – относительно небольшой средний класс (от 16 до 20 % граждан); социум расколот по линиям: бедные и богатые, элиты и народ, чиновники и все остальные, центр – периферия и др.;

- недостаточно выражены и укоренены интегративные, объединяющие культурные ценности (доверие, солидарность, согласие, социальная ответственность, уважение к жизни личности, достоинству и др.);

- слабо структурированные интересы и отсутствие ясно выраженной идентификации индивидов с соответствующими группами препятствуют формированию гражданских объединений, организации групповых действий;

- характерны пассивность и низкий уровень участия граждан в общественно-политической жизни, за исключением судьбоносных или принципиально важных событий для страны, региона, города, селения;

- слабое или неэффективное воздействие организаций гражданского общества на структуры власти;

- на облик формирующегося гражданского общества в России оказывают воздействие его исторические свойства: длительная авторитарная полоса генезиса России, распространенный недемократический менталитет и др. Внутри гражданского общества существуют как неправовые группы, так и организации, выражающие интересы ряда зарубежных стран [2, с. 118].

Фундаментальной проблемой и трудностью становления гражданского общества в России можно обозначить реальности, возникшие после 1991 года в социально-экономической сфере. Большинство граждан не стали владельцами частной собственности. В обществе пока не утвердились цивилизованные рыночные отношения. Сложившиеся олигархически-бюрократические капиталистические отношения характеризуются латентностью, корпоративностью, неразвитой спецификой правомочий собственности. Социальный результат рыночных преобразований можно выразить следующими характеристиками. Во-первых, значительно деформировалась социальная стратификация. По существу, произошло расслоение общества на элитный слой, обладающий материально-финансовыми, политическими, информационными ресурсами, и неоднородное большинство населения, ущемленное в своих реальных правах и свободах. Трудно представить себе достижение и поддержание национального согласия в этих условиях.

Во-вторых, всевластие и фактическая бесконтрольность и безответственность бюрократии порождает коррупцию, резко снижая эффективность всей системы управления. Ежегодный доход коррупционеров, как отмечает Л. И. Никовская, – около 300 млрд. долларов, что составляет примерно четверть ВВП страны. В

мировом рейтинге восприятия коррупции за 2013 год Россия - на 127 месте из 177 стран [7, с. 8].

В-третьих, высокие показатели бедности в России. 59 % населения характеризуется тремя основными параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности» (16%), «на грани бедности» (16%), «в состоянии малообеспеченности» (27%) [4, с.198]. Увеличение бедных больше всего среди людей пожилого возраста, их доля к концу 2015 г. вернулась к уровню 2009 г. Именно для этих категорий населения характерна этакратическая модель развития, основанная на всевластии государства.

По индексу человеческого развития Россия в 1992 г. занимала 34 место, в 1999 – 55 место, сейчас – 66 место.

По качеству образования СССР входил в тройку ведущих государств, сейчас Россия занимает 41 место. Согласно данным Левада-Центра, 2/3 населения страны не могут позволить себе качественной медицинской помощи [7, с. 50].

В-четвертых, рассматривая проблемы развития российского гражданского общества, нельзя не отметить влияния на их возникновение противоречивых тенденций, проявляющихся в общественном сознании россиян. В литературе констатируется, что в настоящее время (в последние 10-12 лет) в России на смену неудавшемуся либеральному проекту пришел консерватизм, заполнив тем самым возникший политико-идеологический вакуум. Анализ российской истории позволяет нам говорить, что в своих глубинных основаниях консерватизм достаточно органичен политической культуре России. Президент Российской академии политических наук О. Гаман-Голутвина пишет: «Консерватизм может быть и потенциалом русской общественной политической мысли, и социально-экономической, этической категорией, ресурсом развития» [см.: 9, с. 197].

К этому можно добавить, что рассматриваемая проблема требует согласованной позиции политической, экономической и интеллектуальной элиты, понимания ею сущности происходящих процессов, а главное – действий, реальных усилий, направленных на построение и развитие системы патриотического воспитания. Решение этой проблемы, представляется нам, в условиях становления российской государственности будет способствовать повышению эффективности деятельности институтов и структур гражданского общества.

Есть основание предположить, что без качественных изменений в индивидуальном, коллективном и общественном сознании, которые приводят к повышению интеллектуального и морально-психологического уровня граждан, их общей и политической культуры, развитие общественной самоорганизации, становление гражданского общества будет затруднено.

Повышению зрелости духовного фактора в России будет способствовать: осознание человеком себя в качестве самостоятельного субъекта деятельности, свободного и ответственного гражданина; осознание ценности объединенных усилий, общественной солидарности; развитие группового, профессионального, других форм индивидуального сознания; осознание необходимости борьбы за реализацию конституционных прав и свобод. Изложенные выше мысли о духовном

факторе позволяют констатировать, что ключевую роль в нем играет конкретный индивид, интегральной характеристикой которого является гражданственность.

Переходя к выяснению трудностей политического характера в становлении гражданского общества, отметим, что значение политического фактора определяется тем, что благодаря ему все другие факторы формирования и развития гражданского общества приобретают более действенный характер.

К числу важнейших проблем политического характера, влияющих на становление гражданского общества в России, следует отнести отсутствие демократического механизма взаимоотношений между государством и возникающим гражданским обществом. Опросы свидетельствуют о существовании отчужденности между властью и гражданами. Немногие верят в возможность влиять на действия властей – даже на местном уровне. Большинству приходится полагаться в основном на себя. Интересы власти и общества не совпадают. Власть далека от народа, она «чужая» – такая оценка стала высказываться чаще, чем в последние советские годы. Одни считают, что власть контролирует действия граждан, по мнению других, ни власть, ни граждане не контролируют друг друга [1, с. 74 – 83].

Среди правящего класса, а также среди интеллектуалов пока не достигнуто согласие о предпочтительной модели взаимодействия государства и гражданского общества. Реальная общественно-политическая практика показывает, что гражданское общество и государство в нашей стране – это не партнеры и даже не оппоненты, а скорее – антиподы.

Составляющей трудностей политического характера является также то, что российские политические партии, в т. ч. и парламентские, не выполняют функции артикуляции и агрегирования интересов больших социальных групп. Партийная элита оторвана от своих избирателей и их потребностей. Лидеры и актив партий широко используют популизм, манипулятивные политические технологии как способы влияния на электорат. Партии не имеют своего четкого идеологического лица. Актуальность этой проблемы возрастает в настоящее время в связи с разворачивающейся предвыборной кампанией в России. Как известно, осенью 2016 года состоятся выборы в Государственную Думу. Партии, если они являются подлинными, должны максимально исключить в процессе избирательной агитации мало реалистичные, но подчас привлекательные для электората лозунги, ведь граждане становятся другими, уровень их политической культуры сегодня выше, чем это было 25 лет назад.

Серьезной проблемой является несовершенство нормативно-правового обеспечения деятельности организаций гражданского общества. Анализ данного аспекта показывает, что законодательство России о гражданском обществе является в известной мере устаревшим (многие нормативные акты приняты еще в начале 1990-х гг.), непрозрачным и несогласованным. Вследствие этого возникают многие трудноразрешимые или же не разрешимые сегодня противоречия, связанные с реализацией прав и свобод граждан.

Суммируя, можно сказать, что дальнейшее становление гражданского общества в России будет тесно связано с повышением зрелости как государства, так и

структур гражданского общества. Важно определиться с моделью взаимоотношений государственных институтов и институтов гражданского общества. Далее, необходимой предпосылкой развития гражданского общества является прогрессивное развитие рыночных экономических отношений, создание экономических предпосылок, необходимых для качественных изменений в социальной сфере. Актуальной задачей выступает формирование демократического правового государства, государственных институтов, предрасположенных к диалогу и сотрудничеству с гражданским обществом, способных адекватно учитывать плюрализм социальных групп, их социокультурные и национальные предпочтения.

Список литературы

1. Басов С. А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла / С. А. Басов // Социс.- 2012. – № 2. – С. 74 – 83.
2. GR – связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие / Под. ред. Тимофеевой. – М. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеева. – М.: РОССПЭН, 2012. – 407 с.
3. Ильин И. А. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность /И. А. Ильин // Мир России. – 2005. – № 2. – С. 10 – 12.
4. Исаев Б., Баранов Н. Современная российская политика: Учебное пособие. Для бакалавров. – СПб.: Питер, 2013. – 448 с.
5. Конституция Российской Федерации. – М.: Издательство «Омега-Л», 2014 – 64 с.
6. Мухаев Р. Т. Политология: Учебник. – М.: Проспект, 2015. – 640 с.
7. Никовская Л. И. Трансформация российского общества: проблемы и вызовы / Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. – Москва: Ключ-С, 2015. – С. 42–53.
8. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии /Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16-28.
9. Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. – М.: Ключ. – С, 2015. – 542 с.

Kuzmin S. P. The Civil Society of Modern Russia: Problems of Formation and Development // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 3-12.

This article makes an attempt to analyze the content of the civil society components. Basing on the study of a number of works, especially by Russian researchers, the features of the modern Russian civil society are described in the article. The impact on formation of the civil society as a political system, political culture and dominating model of relations of the government and the civil society is shown. Outlining the role of civil society, it is pointed at inexpediency of idealizing its impact on social relations. The contradictions and difficulties of development in the Russian civil society are studied. The realities that emerged after 1991 are considered to be the fundamental problem of the civil society formation: establishing oligarchic-bureaucratic capitalistic relations; high level of corruption, slow development of “middle-class” population; high rates of population poverty. A contradictory state of spiritual factor that combines orientations of contemporary values and former soviet system values, and dominating values of authoritarian and paternalistic type is shown.

Key words: civil society; features of the Russian civil society; relations of the government and the civil society; spiritual values and orientations.

References

1. Basov S.A. Civil society and civil relations: a search of sense / S.A. Basov // Sotsis.2012. – № 2. – Pp.74-83
2. GR – contacts with the government: theory, practice and mechanisms of business and civil society cooperation with the government. Manual / Edited by L.N. Timofeyev. – M.L.V. Smorgunova and L.N. Timofeyeva. – M.: ROSSPEN (Russian Political Encyclopedia), 2012. – 407 p.
3. Il'in I.A. Consumer society: theoretical model and Russian reality / I.A. Il'in // World of Russia. – 2005. – № 2. – P.10-12.
4. Isayev B., Baranov N. Contemporary Russian politics: manual for Bachelor degree students. – Spb.: Piter, 2013. 448 p.
5. The Constitution of the Russian Federation. – M.: Publishing house “Omega -L”, 2014. – 64 p.
6. Muhayev R.T. Politology: Manual. – Moscow: Prospekt, 2015 – 640 c.
7. Nikovskaya L.I Transformation of the Russian society: problems and challenges / social and political transformation in contemporary Russia: a search of the steady development model: A book of Abstracts / Institute of sociology, RAS; [editorial board: L.I. Nikovskaya (executive editor), V.N. Shevchenko, V.N. Yakimets]. – Moscow: Klyuch – S, 2015. – P. 42-54.
8. Shmitter F. Reflecting on the civil society and consolidation of democracy / F. Shmitter // Polis. – 1996. – №5. – P. 16-28
9. Social and political transformation in contemporary Russia: a search of the steady development model: A book of Abstracts. M.: Klyuch – s, 2015. – 542 p.

УДК 316.66; 323.11

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Филатов А.С.

В статье анализируются общественно-политические процессы в Крыму, которые оказывают влияние на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений. Обобщаются главные тенденции, содержатся рекомендации по достижению межнационального согласия, упрочения российской гражданской идентичности, стабилизации общественного развития. Автором показано, что в рамках российской социокультурной среды в Крыму созданы условия для этнокультурного самовыражения всех этнических групп, проживающих на полуострове.

Ключевые слова: этнокультурные отношения, субэтнос, демография, этнические группы, российская социокультурная среда.

С формально-статистической точки зрения, в Крыму существует три основные этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. Истоки подобной этнической дифференциации следует видеть в демографических моделях, которые использовались коммунистической властью СССР в 20 – 30-е годы XX века, когда проводились кампании украинизации на Украине и татаризации в Крыму [См.: 1, 2]. С учётом того, что в Крыму политика украинизации открыто и в определенной степени открыто реализовывалась только в период 1991 – 2013 гг. (нахождение полуострова в составе независимого украинского государства, возникшего вследствие распада СССР) [См.: 3,4], глубоких различий между этническими русскими и метричными (записанными по метрике) украинцами отметить весьма сложно. Скорее, наоборот, в бытовой культуре, менталитете, мировоззренческих ориентациях, языке восприятия и общения, духовной культуре, конфессиональной принадлежности русские и украинцы в Крыму являются единым сообществом. По этой причине правильнее будет видеть в Крыму две основные этнокультурные (а не этнические) группы: русскую (русскокультурную) и крымско-татарскую.

Отмеченная проблематика определяет межэтнические отношения в Крыму как предметное поле исследования. С учётом того, что объектная направленность исследования видит социокультурное пространство Крыма в целом.

В пользу объединения в одну этнокультурную группу русских и украинцев в Крым говорят не только факты, полученные благодаря использованию метода наблюдения, фиксирующие общую для них этносоциальную платформу, в т. ч. лёгкость перехода из одной субэтнической позиции в другую, но и данные переписи крымского населения осенью 2014 г. О данных переписи поговорим позже, а сейчас стоит привести вполне реальный пример этнического транзита из русского в украинца и обратно. В конце 30-х годов прошлого столетия известный борец Иван Поддубный, поддавшись влиянию кампании по украинизации, поменял свою этническую принадлежность, объявив себя украинцем. Однако к концу жизни он вновь осознал себя русским казаком. Этот пример показателен для многих крымчан, которые во время украинской переписи 2001 г. обозначали себя украинцами по причине политической целесообразности и благодаря «украинским оттенкам» в своих фамилиях.

Результаты переписи 2014 г. в Крыму показали, что около 80% метричных украинцев родным языком назвали русский. Это является весомым свидетельством их русскокультурной самоидентификации. Но ещё большим свидетельством этнокультурной общности русских и украинцев в Крыму является в настоящее время полное отсутствие желания родителей обучать своих детей в украинских классах общеобразовательных учреждений. В этом же разряде следует рассматривать отсутствие выбора украинского языка для сдачи единого экзамена в школе даже в условиях украинского статуса Крыма. Также мониторинг и социологические опросы показывают, что на бытовом уровне украинский официальный язык, созданный в конце позапрошлого столетия и утверждённый во времена Советского Союза, фактически не используется. Украинцы в Крыму разговаривают либо на русском языке, либо на малороссийском наречии русского языка. Процент людей, разговаривающих в быту на официальном украинском языке, к тому же латинизированном и американизированном за последнюю четверть века, до осени 2014 г. исчислялся в Крыму тысячными долями за счёт инкорпорированных сюда в годы украинской независимости так называемых «свидомых» (сознательных) украинцев, главным образом – с Западной Украины. Практически все они после воссоединения Крыма с Россией уехали на Украину.

Если говорить об этническом выборе по переписи 2014 г. в сравнении с переписями 2001 г. (украинской) и 1989 г. (советской), то мы можем зафиксировать, что по последней переписи процент украинцев резко сократился. Если переписи 1989 и 2001 гг. показали приблизительно одинаковые проценты украинцев в крымском обществе – 25,75% и 24,01% соответственно, то в 2014 г. процент украинцев в Крымском федеральном округе опустился до 15,08. По переписи 1989 г. русских в Крыму было 67,05%, в 2001 г. – 60,4%. А в 2014 г. процент русских поднялся до 65,31. При этом процентное соотношение крымских татар по украинской переписи 2001 г. в сравнении с советской 1989 г. значительно изменилось в сторону увеличения по причине переселенческой политики в 90-е годы XX века – с 1,58% (1989 г.) до 10,22% (2001 г.). В количественном выражении русские в 2001 г. по отношению к 1989 г. потеряли чуть более 179 тыс., а украинцы

– всего 49 тыс. Такие же показатели в соотнесении 2014 г. и 2001 г. дают уменьшение украинцев на 232 тыс. и увеличение русских почти на 42 тыс.

Имеющиеся пропорции показывают, что перепись 2001 г. зафиксировала «перетекание» русских в украинцев, а перепись 2014 г. обратный процесс – «перетекание» украинцев в русских. Потому что объяснить резкое падение процента русских в 2001 г. по сравнению с 1989 г. и практически сохранение процента украинцев в этих показателях увеличением численности крымских татар и изменением таким образом пропорций населения невозможно, именно по причине отмеченных несоответствий уровня падения численности между русскими и украинцами. Равно как и сравнительный анализ результатов переписи 2014 г. с 2001 г. в ещё большей степени демонстрирует такое крымское явление этнического транзита русских и украинцев, уже без какого-либо влияния демографического фактора крымских татар, процент которых даже уменьшился в 2014 г. по сравнению с 2001 г. : 10,17 к 10,22.

Переписи населения в отношении самоидентификации русских и украинцев показывают, что многие из них определяют свою этничность по стране проживания: если на Украине, то украинцы, если в Российской Федерации, то русские; в зависимости от политической конъюнктуры: совершают этнический транзит в расчёте на социальные дивиденды; ориентируясь на господствующие моральные стандарты в обществе: обретение этнического статуса по соображениям конформизма и этнических приоритетов государственной власти. Отмечаемая мобильность этнических перемещений русский – украинец показывает, что между этими субэтническими позициями не существует принципиальных этнокультурных различий и они располагаются на одной этнокультурной платформе, которую мы обозначаем как русскую или русскокультурную этнокультурную группу, или сообщество, Крыма. Этнокультурная общность русских и украинцев в Крыму в значительной степени объясняется и тем, что Крым в меньшей степени затронул процесс искусственного образования украинской нации как нерусской, начавшийся в конце XIX века в Галиции, подконтрольной Австро-Венгерской империи [См.: 5] и реализуемый в СССР, где украинство по инициативе В. Ленина получило возможность огосударствления в виде Украинской Советской Социалистической Республики.

Ещё один важный момент необходимо отметить, когда мы анализируем общее этнокультурное пространство русских и украинцев в Крыму. Речь идёт о высокой степени лабильности этих субэтнических групп в рамках данного пространства: русские меняют этническую (но не этнокультурную) ориентацию на украинцев (как правило, по политическим мотивам), а метричные украинцы без каких-либо глубоких внутренних психологических переживаний становятся русскими (причём не только по политическим мотивам). Последний тип перехода наиболее распространён, и мы это видим в сравнительном анализе данных переписей 2001 и 2014 гг. Особо хотелось бы отметить, что подобное явление свойственно не только для Крыма, но и для всей территории общего проживания русских и украинцев, в т. ч. и для современной Украины в её нынешних границах. Подобные свойства субэтнического транзита в рамках одной этнокультурной общности –

русскокультурной – характерны и для белорусов, как в отношении с этническими русскими, так и с этническими украинцами.

Что касается политической установки, то здесь общность русских и украинцев в едином этнокультурном пространстве Крыма проявляется ещё более наглядно. Достаточно сослаться на результаты крымского референдума 16 марта 2014 г., подтвердившего установку на воссоединение с Российской Федерацией. И если политики Европы и Северной Америки ещё пытаются поставить под сомнение это знаменательное для Крыма и всей России событие, то практически все ведущие мировые исследовательские центры признают достоверность крымского референдума [См.: 6].

В соответствии с результатами референдума в Крыму в марте 2014 г. в нём приняли участие: в Автономной республике Крым – 83,1%, в Севастополе – 89,5% избирателей. Сравнительный анализ процедур голосования в современных обществах показывает, что средняя степень абсентеизма составляет 10 – 15 %. Собственно говоря, это те лица, обладающие избирательным правом, которые в силу своей субъективно-психологической мотивации отказываются принимать участие в голосовании¹.

Таким образом, выходит, что в Севастополе процент абсентеистов полностью соответствует сложившейся мировой практике. В АРК он несколько выше за счёт того, что в преддверии крымского референдума активную агитацию против волеизъявления крымчан проводили члены нелегальной крымско-татарской организации «курултай-меджлис» и телеканала АТР, позиционирующего себя как «первый крымско-татарский телеканал». Однако эти усилия не привели к массовому игнорированию крымскими татарами референдума в Крыму: количество абсентеистов из их числа вряд ли превысило 20 процентов. И это с учетом так называемых традиционных абсентеистов, вне зависимости от этнической принадлежности.

Возвращаясь к характеристике русскокультурного сообщества Крыма, состоящего из этнических украинцев и русских, мы можем отметить, что в нём была продемонстрирована общая политическая установка и на участие в референдуме, и в выборе воссоединения с Российской Федерацией, за что проголосовали в Автономной республике Крым 96,77%, а в Севастополе 95,6% голосовавших избирателей. В настоящее время именно пророссийская позиция русского этнокультурного сообщества (включая метричных украинцев, как было отмечено выше) является основополагающей и доминирующей в системе политических установок данной социальной группы крымчан. Все другие политические установки – партийные, отношение к органам власти, оценки экономической и культурной политики – выступают как вторичные.

¹ Естественно, что при данном анализе мы не рассматриваем общества с тоталитарными политическими режимами и с обязательным участием в голосовании, принятом в ряде европейских и азиатских государств. И ещё: в данном случае речь идёт об участии в референдумах и плебисцитах, решающих жизненно важные вопросы для общества, но не о выборах органов власти, где, особенно на местном уровне, процент участвующих в голосовании значительно ниже.

Вторая из основных этнокультурная группа в Крыму – крымские татары. Хотя в процентном отношении крымские татары значительно уступают русскокультурному сообществу Крыма – 12,14% против более 82%, – тем не менее по целому ряду признаков эта группа должна быть обозначена как вторая основная этнокультурная группа Крыма. Во-первых, ближайшая по численности к крымским татарам этническая группа армян в Крыму столь незначительная (0,48%), а общая численность этнокультурных групп (около 20), за исключением русской и крымско-татарской, составляет 7,8%, что выделяет крымско-татарское этнокультурное сообщество на их фоне и требует отдельного анализа в контексте этнической структуры Крыма.

Во-вторых, крымские татары позиционируют себя в качестве сугубо крымского этноса и претендуют на особый статус в Крыму как коренной народ. На основе этого строится высокая социально-политическая активность крымских татар. В-третьих, крымско-татарское сообщество начиная с конца 80-х годов прошлого века находится под пристальным вниманием различных западных (главным образом – из США) учреждений, служб, организаций и фондов, которые стремятся в своих политических и геополитических интересах использовать активность крымских татар.

В системе этнокультурных ориентиров крымских татар следует выделить четыре вектора, два из которых являются достаточно заметными и в определённой степени природными, социогенетическими. Два других – скорее, моделируемые, искусственные и слабо присутствующие в социальной реальности.

Доминирующим вектором в этнокультурном пространстве крымских татар является ориентация на уникальность этноса, особенность его не только среди тюрков, но и среди всех татар, отличие, прежде всего, от волжских (казанских) татар. В пользу таковой особенности приводят аргументы этнографического и антропологического характера. Известно, что в состав крымских татар входят три субэтнические подгруппы: южнобережцы (ялыбойлу), горцы (таты) и степняки (ногаи). При этом все они относятся к разным антропологическим расам. Ялыбойлу, традиционно проживающие на Южном берегу Крыма (главным образом в районе Судака), относятся к южноевропейской или средиземноморской расе, таты, или татлы, принадлежат к средневропейской и северокавказской расе, а для ногаев характерны черты монголоидности с преобладающей европеоидностью. Именно такое разнообразие этнографического материала создаёт, с точки зрения сторонников уникальности крымско-татарского этноса, особую этнокультурную среду крымских татар. Вследствие такого подхода возникает, возможно, как побочный эффект, состояние если не самосегрегации, то этнокультурной сепаративности крымских татар.

Сепаративный вектор этнокультурной ориентации крымских татар усиленно внедрялся в этом сообществе последнюю четверть века, чему способствовал и ряд псевдонаучных исследований. Детально рассматривать эту проблему не предполагается в данной статье, потому мы ограничимся лишь констатацией этого факта. Но следствием его стало и то, что крымские татары в массе своей перестали связывать свою историю с Золотой Ордой, государствами Чингизидов и самим

Чингисханом. В различных крымско-татарских этнических изданиях, в публицистических работах, политических заявлениях обозначалась ориентация на культурное наследие древних крымских этносов: тавров, скифов, готов... [См.: 7].

Во многом такая трактовка этногенеза стала доминирующей в крымско-татарской среде по причине стремления добиться этнической государственности или, как минимум, автономии в Крыму. Эта политическая цель могла быть обоснована статусом коренного народа. Правда, зачастую сторонники крымско-татарской этнической автономии на территории всего Крыма (м б., за исключением Севастополя) обращались в поисках обоснования своих намерений к периоду существования Крымской АССР² 1921 – 1945 гг. в составе РСФСР. Иногда подобные ссылки можно встретить и у поборников образования крымско-татарского этнического государства на территории Крымского полуострова и юга Херсонской области, в частности у представителей т. н. «меджлиса крымско-татарского народа». Однако такие притязания имеют не больше оснований, нежели попытки определить социокультурную связь современного крымско-татарского сообщества с историческими общностями тавров, скифов, готов и понтийских греков. И дело тут не только в названии автономной Советской социалистической республики – Крымская, которое не несло в себе этнического смысла, а имело сугубо территориальную привязку.

Основной аргумент в пользу того, что Крымская АССР была не просто территориальной, а русской автономией, мы находим при анализе существования национальных районов в СССР в 20-30-е годы прошлого века. Так вот, национальные районы создавались в национальных республиках для нетитульных этнических групп. Русские национальные районы, например, создавались в союзных и автономных национальных республиках и округах – УССР, Каз.ССР, Татарской АССР, Башкирской АССР и др. т. п. Украинские национальные районы были на территории РСФСР (на Урале). Какие же национальные районы существовали на территории Крымской АССР? Их было несколько – ни одного русского. Два еврейских (Лариндорфский и Фрайдорфский), два немецких (Биюк-Онларский и Тельмановский), один украинский (Ишуньский/Красноперекопский) и шесть (!) крымско-татарских (Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Куйбышевский, Судакский, Ялтинский). Русских национальных районов в Крымской АССР не было по той же причине, что и в Оренбургской или Воронежской областях, которые входили в состав РСФСР, которая рассматривалась как союзная республика с титульной русской нацией. В пользу русской территориальной автономии Крымской АССР говорит и тот факт, что по такому же принципу была создана в 1923 году Нагорно-Карабахская автономная область как армянский этнический анклав на территории Азербайджанской ССР. Крымский полуостров, исходя из отделённости его от территории РСФСР Керченским проливом, также подпадал под статус этнического анклава – русского.

Тем не менее представления об уникальности крымско-татарского этноса и отличие его от других татар – поволжских, сибирских, астраханских – являются

² До 1929 г. Автономная Крымская ССР в составе РСФСР.

наиболее распространёнными в современном крымско-татарском сообществе и определяют сепаративный этнокультурный вектор. В процентном выражении от общего количества крымских татар сторонников уникальности и особенности крымско-татарского этноса в привязке к крымскому культурному ландшафту будет более 80%. Другим заметным вектором этнокультурной ориентации является интеграционный, и связан он с самооценками и самоидентификацией крымских татар как части целостного татарского этноса. В этом случае степень поддержки данного вектора среди крымских татар определить можно более точно, на основе этнической самоидентификации при переписи населения. В 2001 г. во время украинской переписи в Крыму было зафиксировано 13062 человека, которые определили свой этнический статус как татары. Это составило 5,25% от общего количества татар в Крыму, если исходить из того, что количество волжских татар в Крыму весьма незначительно, а сибирских и астраханских нет вовсе. В 2014 г. уже в результате переписи населения в российском Крыму татарами себя идентифицировали 44996 человек, что составило 16,22% среди всех татар в Крыму, включая крымских.

Даже количество татар в 2001 г. невозможно объяснить массовой миграцией в Крым поволжских или астраханских татар. Органы статистики в 90-е годы прошлого века ничего подобного не фиксировали. Точно так же не было массовой миграции татар с материковой России или других регионов планеты в период с 2001 по 2014 г. Единственное, что мы можем предположить с достаточной степенью вероятности – это то, что сами крымские татары всё больше осознают себя частью целостного татарского этноса. Только этим можно объяснить рост численности татар в Крыму среди крымских татар более чем в три раза за 13 лет. Такой метод анализа, учитывающий при определении общей численности крымских татар в Крыму и тех, кто идентифицирует себя как татары, вполне обоснован, и его правомерность объясняется как динамикой роста общей численности татар в Крыму (крымских татар и татар) – с 258 893 в 2001 г. до 277 336 в 2014 г., так и снижением численности просто крымских татар – с 245 291 в 2001 к 232 340 в 2014 г. С учётом того, что естественной демографической убыли крымско-татарского населения за этот период не зафиксировано органами статистики Крыма, скорее, наоборот, то объяснить такой «разгул» цифр можно только корректировкой этничности самими крымскими татарами.

Нельзя исключать, что интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар стимулирован и воссоединением Крыма с Российской Федерацией. Осознавая себя частью большой страны, крымские татары стремятся интегрироваться и идентифицировать себя с родственным большим этнокультурным сообществом, каковым являются российские татары.

Следующие два вектора этнокультурной ориентации крымских татар слабо проявляют себя в нынешнем сообществе. Мы их обозначаем как моделируемые, потому что турецкий вектор моделируется исходя из определённых исторических аналогий, когда Крымское ханство с некоторыми автономными правами входило в состав Османской Порты, а южное побережье и район Керчи были под юрисдикцией Порты в статусе вилайета. Однако все этносоциологические

исследования фиксируют чрезвычайно низкий уровень влияния турецкого вектора на этнокультурное пространство крымских татар, а различные социологические опросы, при разнообразных методиках операционализации понятий, выстраивании переменных и использования индикаторов, демонстрируют приверженность крымских татар турецкому вектору в своей этнокультурной ориентации в границах статистической погрешности. Причём усилия этому вектору не придают ни крымско-татарская диаспора, существующая в Турции (представителей которых, правда, именуют крымскими турками, а не татарами), ни в целом турецкое общество и государство, которые за последние двадцать пять лет «блуждания» крымских татар в государственном устройстве Украины никак не воспользовались создавшейся ситуацией, ни сами крымские татары, которые в отмеченный период имели возможность к более чёткому позиционированию себя в рамках турецкого вектора.

И, наконец, четвёртый моделируемый вектор этнокультурной ориентации крымских татар является не просто искусственно образованным, но и чрезвычайно политизированным. Он представлен некоторыми политическими проектами, направленными на включение крымских татар в этнокультурную среду украинства. С учётом того, что само этнокультурное пространство украинства является искусственным образованием, поддерживаемым лишь политическими институтами и, прежде всего, государством (Австро-Венгерской империей, СССР и независимой Украиной) и в силу этого неустойчивым и аморфным в социокультурном измерении, то практически невозможно представить, как бы украинский вектор этнокультурной ориентации крымских татар смог воплотиться в социальной реальности. Единственными персонализированными его носителями за время, когда Крым находился в составе Украины, были некоторые деятели «меджлиса» и активисты этнических крымско-татарских организаций, существовавших на гранты из США и Евросоюза. Да и то вся их украинская векторность выражалась лишь в умении изъясняться на украинском языке.

Понятно, что два последних этнокультурных вектора в ориентации крымских татар являются в большей мере условными, равно как и условными в нынешней ситуации становятся любые связанные с ними политические установки. Примечательно, что ни одна из инициатив изгнанных из Крыма вождей «курултая-меджлиса» М. Джемилева и Р. Чубарова не нашла какой-либо очевидной поддержки среди крымских татар. Им даже не удалось сформировать подразделение из числа крымских татар для участия в карательной экспедиции украинских войск на Донбассе в 2014 г. Вначале такое подразделение было задекларировано как крымско-татарский батальон, затем, к моменту его «выхода» на публику, оно стало просто сотней и, в конце концов, к началу 2015 г. вовсе пропало из поля зрения, так и не продемонстрировав в своём составе крымских татар.

В плане политических установок для сепаративного и в этом смысле изоляционистского этнокультурного вектора крымских татар характерной является выжидательная позиция. Она стала достаточно очевидной уже в июне 2014 г. Однако постепенно в течение последующего времени, к началу 2015 г., здесь всё более преобладающими стали если не пророссийские, то совершенно не

антироссийские, умеренные политические установки. По некоторым данным наблюдений и опросов среди крымских татар, около половины из их числа позитивно оценивают исторический факт воссоединения Крыма с Россией. Остальные по-прежнему занимают выжидательную позицию. Скорее всего, на такие изменения в политических установках крымских татар повлияли следующие факторы: 1) политическая и социально-экономическая катастрофа на Украине, военные действия украинского государства против Донецкой и Луганской народных республик (крымские татары имеют возможность оценить степень украинского кризиса по сообщениям своих родственников и друзей, проживающих в Херсонской области и на своём личном опыте торгово-посреднической деятельности по доставке сельхозпродукции с Украины в Крым); 2) сильное российское государство, способное решать социальные проблемы и отвечать на вызовы современности (для крымских татар это и принятие закона «О реабилитации репрессированных народов Крыма», подписанного Президентом РФ 21 апреля 2014г.); 3) исторически сложившаяся черта этнического характера крымских татар принимать как данность сильную власть (кстати, эта черта во многом обеспечивала поддержку «меджлиса», который пользовался покровительством государственных органов США, дававших прямые указания украинскому руководству в отношении крымских татар. Теперь, когда «меджлис» лишился этого покровительства в Крыму, его поддержка крымскими татарами практически нивелирована).

Интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар выстраивает политические установки, которые носят в равной степени как пророссийский, так и протатарстановский характер. В последнем случае имеется в виду ориентация на Республику Татарстан в составе Российской Федерации. В этой ориентации и, соответственно, политической установке акцент делается на то, что крымские татары могут найти покровительство у руководства Татарстана и стать полноценной частью многомиллионного татарского этноса, второго по численности в Российской Федерации.

Нельзя исключать, что одной из мотиваций данной политической установки является и стремление использовать пример Татарстана для образования в Крыму ещё одной татарской республики, созданной по этническому признаку. В крайнем случае, этот мотив достаточно чётко обозначается некоторыми общественными организациями крымских татар, которые активно позиционируют себя и в политическом пространстве. Следует прогнозировать, что при сохранении ныне имеющихся политических тенденций в Крыму интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар будет усиливаться и, соответственно, будут упрочаться пророссийские политические установки. Такая политическая установка в настоящее время овладевает и крымско-татарскими чиновниками в органах государственной власти, даже если они по-прежнему ещё придерживаются изоляционистского вектора этнокультурной ориентации.

Анализируя этнокультурную ориентацию крымских татар, следует сказать и о некоторых тенденциях, пока слабо обозначенных, субкультурного позиционирования, связанного с крымско-татарскими этногруппами – ялыбойлинской, татлинской и ногайской. Есть и четвёртая этногруппа крымских татар – чингене (крымско-

татарские цыгане), но она слабо позиционирована в крымско-татарском сообществе, а её представители, в отличие от ялыбойлу или татлов (татов), стремятся идентифицировать себя в целом с крымско-татарским этносом.

Основные этнокультурные импульсы в данном измерении исходят от ялыбойлинцев и татлинцев. Этому есть, прежде всего, культурологические объяснения – и та и другая этногруппы претендуют на статус этнообразующего стержня крымских татар. Старый и, по сути дела, первый крымско-татарский литературный язык был создан Исмаилом Гаспринским на основе ялыбойлинского наречия тюркского языка. А ныне действующий литературный язык крымских татар создавался в 20-е годы XX века на основе татлинского наречия. В некоторой степени такое смещение акцентов привело к тому, что наследие Исмаила Гаспринского оказывается не в достаточной степени востребованным в современном крымско-татарском сообществе. И если в годы коммунистического режима это можно объяснить предубеждениями в отношении И. Гаспринского со стороны политической власти, то после развала СССР такие объяснения не работают.

Мотивы этнической унификации крымских татар вполне объясняются двумя источниками – внутренним и внешним. Внутренний источник исходит из того, что этническая мобилизация осуществляется как реакция на иноэтническое окружение, реализоваться в котором можно не малыми этногруппами, а объединившись, несмотря на субкультурные и даже расовые отличия. Внешний источник этнической унификации возникает вследствие политики центральной государственной власти, например, в 20-е годы в Крыму коммунистический режим проводил политику татаризации, устраняя имеющиеся этнокультурные отличия трёх отмеченных этногрупп. Собственно, такой подход был широко распространён в период существования СССР. Достаточно вспомнить, что русинам было отказано в праве на собственную этничность, когда они были записаны в ряды украинцев. (Однако это отдельная тема исследования, и здесь нет возможности её отдельно прописывать).

Можно предположить, что при достижении социального комфорта большинством крымских татар в новых российских условиях появятся возможности и для развития этнокультурной идентичности ялыболу, татлов и ногаев. Критерием такого этнокультурного развития может стать ощущение представителями этих этнических групп защищённости в рамках общего российского социокультурного пространства. Реализация таких тенденций, направленных на создание условий для развития самобытной этнокультуры ялыбойлинцев, татлов и ногаев, безусловно, будет способствовать и утверждению пророссийских или просто российских политических установок, когда российская социокультурная среда воспринимается как полиэтническое, поликультурное цивилизационное пространство и является таковой на деле.

Список литературы

1. Борисенок Е. Феномен советской украинизации, 1920 – 1930-е гг. – М.: Европа, 2006.
2. Крымскотатарское национальное движение. Том II. Документы. Материалы. Хроника / Ред. М. Н. Губогло, С. М. Червонная. – М.: ЦИМО, 1992 (Сер. «Национальные движения в СССР»).

3. Степанов В. В. Проблемы этнического сосуществования в Крыму // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение /Ред. Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 117 – 144.
4. Степанов В. В. Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Ред. Козлов С.Я., Чижова Л.В. – М.: Наука, 2003. – С. 330 – 357.
5. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. – 264 с.
6. Rapoza Kenneth. One Year After Russia Annexed Crimea, Locals Prefer Moscow To Kiev // Forbes. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/03/20/one-year-after-russia-annexed-crimea-locals-prefer-moscow-to-kiev/>.
7. Мустафаев Ш. Е. Некоторые моменты этногенеза крымских татар // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 206 – 207.

Filatov A.S. Features of Ethnocultural Relations in the Crimean Federal District Russian Federation
// Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 13-23.

The article analyzes the socio-political processes in the Crimea, which have an impact on the state of inter-ethnic and inter-confessional relations. It summarizes the main trends, provides recommendations on achievement of inter-ethnic harmony, strengthening of Russian civil identity, stabilization of social development. The author shows that in the framework of Russian social and cultural environment in the Crimea, were created conditions for ethnic and cultural expression of all ethnic groups living on the peninsula. The profound differences between ethnic Russian and symmetric (written in the metric) Ukrainians is almost non-existent in Crimea.

Consumer culture, mentality, ideological orientations, language, perception and communication, spiritual culture, religious affiliation of Russians and Ukrainians in Crimea are a single community. On this basis, in the Crimea should be treated two main ethnic and cultural groups - Russian and Crimean Tatar.

Currently, pro-Russian position of Russian ethno-cultural communities (including symmetric Ukrainians, as noted above) results fundamental and the dominant political structure of the Crimean Tatar social group. The system of ethnic and cultural guideline of the Crimean Tatars should be allocated into four vectors, two of which are sufficiently visible and, to some extent, natural, sociogenetic. Two others are rather simulated, artificial and socially weakly have presence in reality.

Key words: ethno-cultural relations, sub-ethnos, demographic, ethnic groups, Russian socio-cultural environment.

References

1. Borisenok E. Phenomenon of Soviet Ukrainization, 1920-1930-ies. – М.: Europe, 2006.
2. Crimean Tatar National Movement. Volume II. Documentation. Materials. Chronicle. / Ed. M.N. Guboglo, S.M. Chervonnaya. – М.: TSIMO 1992 (Ser "National-motions in the USSR").
3. Stepanov V.V. Problems of ethnic coexistence in the Crimea // Forced migrants: integration and return / Ed. V.A. Tishkov – М.: IEA RAS, 1997. – P. 117-144.
4. Stepanov V.V. Crimea and Crimean Tatars: Historical Demography and modern ethno-political situation // Turkic peoples of Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks / Ed. S.J. Kozlov, L.V. Chizhov – М.: Nauka, 2003. – P. 330-357.
5. Bakhturina A.Y. Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia in the First World War. – М.: АИРО-XX. – 2000. – 264 p.
6. Rapoza Kenneth. One Year After Russia Annexed Crimea, Locals Prefer Moscow To Kiev // Forbes. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/03/20/one-year-after-russia-annexed-crimea-locals-prefer-moscow-to-kiev/>.
7. Mustafayev Sh.E. Some points ethnogenesis Crimean Tatars // History and modernity. – 2007. – № 1. – P. 206-207.

УДК 331. 556

К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КРЫМУ

Гросфельд Е. В., Дихтемиров М. С.

В данной статье рассматривается проблема государственного регулирования трудовой миграции в Крыму. Анализируется эффективность функционирования Федеральной целевой программы на крымском полуострове. Раскрыта сущность и цель государственного регулирования вопросов, связанных с миграционной политикой. Выявлена миграционная привлекательность Крыма для трудовых мигрантов как с материковой России, так и из-за рубежа по причине довольно большого инвестирования правительством РФ Республики Крым и Севастополя. Определены сложности интеграции трудовых мигрантов: проблемы с оформлением различного рода документов, стоимости патента, уровня их профессионализма и т. д. На основании проведенного исследования авторы предлагают следующие примеры решений данной проблемы: активизировать процессы совершенствования системы управления миграционными процессами на территории Республики Крым; ускорить процесс создания Единого центра по работе с мигрантами на территории Крыма; улучшить эффективность социально-культурной адаптации мигрантов в регионе с привлечением как органов власти, так и бизнес-структур.

Ключевые слова: мигранты, трудовая миграция, государственное регулирование, миграционная политика.

Цель статьи – проанализировать проблемы государственного регулирования трудовой миграции в Крыму с учетом факторов и тенденций социально-экономического развития региона.

Новизна заключается в теоретико-концептуальном подходе к разработке рекомендаций и практических предложений по совершенствованию и повышению эффективности государственного регулирования трудовой миграции в Крыму.

В августе 2014 года Правительством РФ была одобрена федеральная целевая программа по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя до 2020 года. ФЦП должна обеспечить динамичное развитие Крымского федерального округа, модернизировать инженерную, транспортную и социальную инфраструктуру региона, способствовать развитию приоритетных для округа секторов экономики, повышению качества жизни населения [7]. Активное внедрение в жизнь проектов в рамках федеральной целевой программы развития

региона в Крыму ожидается уже в 2016 году. Очевидно, одним из результатов работы станет приток трудовых мигрантов в республику. Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ в июне 2012 года, новая миграционная политика должна выстраиваться с учетом значимых внутри- и внешнеполитических целей государства. При этом в документе были отмечены несовершенство действующей миграционной законодательной базы, системы управления миграционными процессами, а также его разработанность на основе отечественного и международного управленческого опыта [4].

Степень научной разработанности проблем трудовой миграции как в нашей стране, так и за рубежом определяется тем, что в их исследовании принимают участие известные политологи, юристы, экономисты, социологи, демографы, географы и др. Ими были разработаны подходы к решению миграционных проблем с учетом изменяющейся социально-экономической обстановки в стране и мире, выдвинуты различные концепции в данной сфере, учитывающие международный опыт стран с различным социально-экономическим развитием.

Проблемы трудовой миграции как социально-политического явления освещены в работах таких исследователей как Г. Витковская, А. Вишневская, Ж. Зайончковская, В. Мукомель, В. Роцин, Л. Рыбаковский и др. Проблемы рисков миграционной политики, связанной с изменением этнического состава принимающего общества, рассматриваются в работах Р. Абдулатипова, Ю. Бромлея, А. Коробова, Э. Паина, В. Тишкова и др. Вопросам реализации государством своих властных функций в сфере управления трудовой миграцией посвящены исследования Е. Егоровой, М. Макаровой, Т. Мочаловой, К. Ромодановского, А. Ястребовой и др.

Таким образом, социально-гуманитарные науки накопили достаточный объем информации, которым исследователи пользуются в настоящее время. Однако зачастую используемая методология не отвечает социальному заказу ни граждан, ни управленческих кадров, искажая результаты эмпирических исследований. В целом значимость государственного управления миграционными процессами определяется развитием межкультурных и межэтнических отношений, минимизацией социальной напряженности, обеспечением национальной безопасности. Необходимость анализа государственного регулирования трудовой миграции в современных условиях также обусловлена рядом причин, создающих различные дополнительные риски: нарастающие противоречия в сфере взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом, увеличение количества нелегальных и низкоквалифицированных трудовых мигрантов и др.

Негативное восприятие обществом политики государства в сфере трудовой миграции базируется на допущенных системных ошибках государственного управления миграционными процессами. Политологический подход к пониманию процессов миграционной политики позволяет выработать новые формы выявления и профилактики рисков трудовой миграции, а также является одним из основных механизмов совершенствования контроля со стороны не только органов

государственной власти, но и различных институтов гражданского общества в целях сохранения стабильности политической системы.

Целью государственного регулирования трудовой миграции является достижение желательного для принимающей страны масштаба иммиграции, а также отбор нужных работников. Многоуровневость, многосубъектность и многоаспектность государственного регулирования обуславливает необходимость разработки и внедрения новых технологий, способствующих адаптации и интеграции мигрантов в социум.

Согласно результатам исследований, в 2015 году Крым вошел в шестерку наиболее пользующихся спросом направлений, по которым движутся трудовые мигранты-россияне. При этом экономически активное местное население в Крыму составляет порядка 922 тыс., из них занятых – около 840 тыс., а безработных – 83 тыс. В регионе также был поднят прожиточный минимум (на 500 рублей) и составил 8883 руб., а также средняя заработная плата (на 1000 руб.) – 24462 рубля. С начала 2015 г. значительную часть прироста населения в Крыму и Севастополе обеспечила миграция. Так, к июлю Крым пополнился 24598 жителями, в Севастополе приток составил 13 645 чел. [5]. Общие итоги миграции в Крыму за 2014 – 2015 год представлены в таблице 1.

Таблица 1
Общие итоги миграции [3]

Январь – ноябрь						
2015 г.				2014 г.		
	число прибывших	число выбывших	мигра- ционный прирост (+), убыль (-)	число прибывших	число выбывших	мигра- ционный прирост (+), убыль (-)
Миграция – всего	38827	23724	+15103	20998	7114	+13884
в том числе: в пределах России	22680	23560	-880	13012	5505	+7507
из неё: внутрирегиональная	9266	9266	-	5119	5119	-
межрегиональная	13414	14294	-880	7893	386	+7507
международная	16147	164	+15983	7986	1609	+6377
из неё: со странами СНГ	15603	142	+15461	7702	1487	+6215
с другими зарубежными странами	544	22	+522	284	122	+162
Внешняя для республики миграция	29561	14458	+15103	15879	1995	+13884

Трудовая миграция является одним из важнейших элементов рынка труда в Республике Крым. Так, в 2015 году 25 443 иностранных гражданина, поставленных на миграционный учет на территории Республики Крым, прибыли с целью осуществления трудовой деятельности. Стоит отметить, что количество граждан Украины, поставленных на миграционный учет с целью визита «работа», составляет 21 622 человек, или 85 % от общего количества иностранных граждан, поставленных на миграционный учет с заявленной целью въезда. В то же время имеется ряд существенных особенностей, влияющих на полноту охвата и корректность исчисления показателей. Существует версия, что в связи с отменой преференций для пребывания граждан Украины на территории Российской Федерации вышеуказанные граждане видят один из способов легализации своего пребывания на территории Российской Федерации в получении разрешительных документов для трудоустройства, а также в указании при постановке на миграционный учет цели визита «работа», однако не все граждане обращаются за получением патента [3].

Объяснить миграцию в направлении полуострова можно рядом причин. Одна из них – инвестирование Республики Крым и Севастополя правительством РФ и активное преобразование и строительство в регионе. Так, например, Керченский мост, по предварительным оценкам, будут строить десятки тысяч рабочих, в связи с чем ожидается большой приток трудовых мигрантов. «По предварительным оценкам ожидается, что на строительстве Керченского моста будет работать порядка 50 тысяч строителей. В связи с этим мы ожидаем большой поток трудовых мигрантов. Мы уже готовы к этому и будем вести мониторинг при тесном сотрудничестве с силовыми структурами» [6]. Заместитель полномочного представителя президента России в Крыму Сергей Нешетенко отметил, что сейчас в Крыму существует социальное напряжение из-за большого количества нелегальных трудовых мигрантов. «Рынок дешевой рабочей силы приводит к социальной напряженности из-за цены труда мигрантов. По сути, они вытесняют крымчан, которые за свою работу ставят более высокие цены», - заявил заместитель полпреда президента России в Крыму. По словам Фоменко, ведомство будет постоянно проверять рабочих, которые устраиваются на работу для строительства Керченского моста. По его данным, в этом году по всей России было проведено 400 тысяч мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства, а также составлено 110 тысяч административных протоколов и выписано штрафов на 540 миллионов рублей [6].

Также крымские предприниматели просят ввести на год мораторий на штрафы за отсутствие у иностранцев трудовых патентов, так как многим гастарбайтерам не удастся своевременно их оформить. А местные жители в летний сезон не удовлетворяют потребность предприятий в рабочей силе. В теплое время года регион нуждается в строителях, рабочих санаторно-курортной и сельскохозяйственной отраслей. «В настоящее время число желающих получить патент на работу в Крыму и Севастополе, по нашим оценкам, не меньше 100 тысяч человек, - говорит директор ООО завод "Светозар" Олег Свешников. - Предприниматели опасаются возможных штрафов со стороны контрольных

органов, ФМС. Предприятия Севастополя с такими штрафами уже столкнулись. Они не соизмеримы с доходностью крымского и севастопольского бизнеса – от 400 до 800 тысяч рублей за одного выявленного ФМС нелегального сотрудника. А если таких рабочих 10 – 20, что характерно для строительной отрасли, то штрафы очень большие. Предприниматели будут вынуждены увольнять людей: либо де-юре, оставляя бюджет без уплаты налогов, либо де-факто, сокращая объемы производства [2].

Актуальным в настоящее время является вопрос первоначальной стоимости услуг при оформлении патента. Стоимость патента и сбор документов на работу без учета услуг организаций обходится иностранному гражданину около 17 850 рублей и ежемесячный авансовый платеж 2 500 руб., который в 2016 году увеличится до 2 895, 80 руб. По состоянию на 31.12.2015 г. количество оформленных патентов на работу составило 8 509, из них фактически выдано – 8 341. Отказано в выдаче патентов за период 2015 года – 32. Аннулировано патентов за период 2015 года – 29. Разрешения на работу оформлены 54 иностранным гражданам, фактически выдано 49. Отказано в выдаче – 3. Оформлено и выдано разрешений на работу для иностранных граждан, обучающихся в Российской Федерации по очной форме – 3 чел. [3].

В Республике востребованы и высококвалифицированные специалисты из иностранных государств. В текущем году численность иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов, привлекаемых на территорию Российской Федерации в соответствии с перечнем профессий (специальностей, должностей), на которых квоты не распространяются, составила 37 человек.

Из них: Турция – 23 чел., Азербайджан – 3 чел., Украина – 3 чел., Италия – 1 чел., Литва – 1 чел., Молдова – 2 чел., Сербия – 2 чел., Австрия – 1 чел., Германия – 1 чел. Аннулировано 8 разрешений на работу высококвалифицированным специалистам, прибывших в визовом порядке.

В Республике Крым по состоянию на 31.12.2015 г. задействовано иностранных граждан на основании разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности – оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов и предметов личного пользования – 1258 чел., в области гостиниц и ресторанов – 1 074 чел., в области строительства – 502 чел., операций с недвижимым имуществом, аренда – 370, обрабатывающее производство – 251 чел., в области здравоохранения – 97, в области образования – 73 чел., в области транспорта и связи – 44 чел., предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг – 38, в отрасли сельского хозяйства 34 чел., производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 21 чел., в области финансовой деятельности – 15 чел., добыча полезных ископаемых – 14 чел. и прочие [3].

Стоит добавить, что с начала т. г. по материалам сотрудников органов внутренних дел возбуждено 11 уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст.322.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении РФ). Несколько так

называемых «резиновых квартир», в которых жители Крыма прописывали мигрантов за вознаграждение без фактического предоставления помещения для проживания, выявлены правоохранителями в Раздольненском, Джанкойском, Белогорском районах, в г. Алуште и г. Армянске [1].

Таким образом, эти и другие проблемы в миграционной сфере должны быть незамедлительно урегулированы с помощью адекватных и эффективных мер со стороны органов государственной власти.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Требуют активизации процессы совершенствования системы управления миграционными процессами на территории Республики Крым: необходимо обозначить приоритеты решения миграционных проблем, указать основные направления их разрешения в условиях переходного периода, подготовить программы по регулированию миграционных процессов, а также уточнить социально-экономическую стабильность планируемых долгосрочных перспектив для возможности стабильного развития региона.

2. Необходимо ускорить создание Единого центра по работе с мигрантами на территории Крыма, который позволит снизить социальную напряженность в обществе и усовершенствовать систему управления миграционными процессами. С помощью нового проекта мигранты также смогут сэкономить время при получении необходимых документов. Создать механизм стимулирования иностранных рабочих, которые востребованы на российском рынке труда, чтобы они заключали длительные рабочие договоры и получали статус постоянно проживающих на территории РФ. Создание такого центра также позволит упростить трудоустройство украинцев в Крыму, реализовать программы адаптации для мигрантов и увеличить поток трудовых мигрантов из Украины, переезжающих в Крым на постоянное место жительства вместе со своими семьями. Все это, в свою очередь, приведет к увеличению налоговых сборов, а также к заполнению трудовых вакансий.

3. В ускорении социально-культурной адаптации мигрантов в регионе должны принимать участие как органы власти, так и бизнес-структуры, предприниматели, использующие труд иностранных работников. Реализация инновационных программ, проектов по адаптации мигрантов (например, с помощью социальной рекламы) позволит укрепить как имидж социально-ответственных предпринимателей, так и повысить доверие к органам власти.

Список литературы

1. В Республике Крым обсудили вопросы усовершенствования системы управления миграционными процессами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://82.mvd.ru/news/item/6934696/?print=1>.
2. Гусакова Е. Бизнес Крыма попросил не лишать его украинских гастарбайтеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/04/02/reg-kfo/gastarbaitery.html>.
3. Доклад «О миграционной ситуации в субъекте Российской Федерации и основных результатах деятельности УФМС России по Республике Крым за 1 полугодие 2015 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://82.fms.gov.ru/upload/site87/document_file/_2015_1_.docx.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/402320/#ixzz43YLqbnA2>

5. Трудовая миграция россиян в Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.giscrimea.com/blog/?id=1191>.
6. ФМС: Керченский мост будут строить 50 тысяч человек, включая мигрантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20150917/1257868067.html>.
7. ФЦП: Программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/429>

Grosfeld E. V., Dihtemirov M. S. On the Issue of the State Regulation of Labor Migration in Crimea
// Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 24 – 30.

The article deals with the problem of the government control of labor migration in the Crimea. It analyzes the efficiency of the Federal Targeted Programme on the Crimean peninsula. The insight into the governmental regulation of issues related to migration policy had been provided. It should be noted that due to the fact of quite a large investment by the Russian Government of the Crimean Republic and Sevastopol was identified the migration attractiveness of the Crimea to labor migrants both from mainland Russia and from abroad. Also have been determined complexities of integration to migrant workers: the problems with processing papers, the cost of the patent, their level of professionalism, etc. Based on the study the authors propose the following examples of solutions to this problem: activation of the processes on improving migration management system in the Republic of Crimea; acceleration of the process of creating a single center on work with migrants on the territory of Crimea; improving the efficiency of the socio-cultural adaptation of migrants in the region, involving both government and business structures.

Key words: migrants, labor migration, state regulation, migration policy.

References

1. Issues on migration management system's development have been discussed in the Republic of Crimea [electronic resource]. – Access mode: <https://82.mvd.ru/news/item/6934696/?print=1>.
2. E. Gusakova Crimean business asked not to deprive it of the Ukrainian migrant workers [electronic resource]. – Access mode: <http://rg.ru/2015/04/02/reg-kfo/gastarbaitery.html>.
3. Report "On the migration situation in the constituent of the Russian Federation and the main results of the Directorate of the Federal Migration Service of Russia work in the Republic of Crimea for the 1st half of 2015" [electronic resource]. – Access mode: https://82.fms.gov.ru/upload/site87/document_file/___2.
4. The concept of the Russian Federation's state migration policy for the period through to 2025 (Approved by the President of the Russian Federation dated on June 13, 2012) [electronic resource]. – Access mode: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/402320/#ixzz43YLq>.
5. Labor migration of the Russians into Crimea [electronic resource]. – Access mode: <http://www.giscrimea.com/blog/?id=1191>.
6. FMS: 50 thousand people, including migrants will build the Kerch bridge [electronic resource]. – Access mode: <http://ria.ru/economy/20150917/1257868067.html>.
7. Federal Targeted Programme: Programme "Social and economic development of the Crimean Republic and Sevastopol until 2020" [electronic resource]. – Access mode: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Vie>.

УДК: 32.019.52

КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ ПО КОЛИЧЕСТВУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЗА КОТОРЫЕ ПРЕДУСМОТРЕНА ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ

Данченко Н. Ю., Киселева Н. В.

Стратегической целью международного права в области применения высшей меры наказания является отказ от неё, а тактической – ограничение количества преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь. В статье представлены результаты сравнительного анализа политики государств, сохраняющих в качестве высшей меры наказания смертную казнь. На основании фактического материала проведена классификация государств по количеству преступлений, за которые назначается высшая мера наказания.

Ключевые слова: смертная казнь, высшая мера наказания, ООН.

Цель данной статьи: составить классификацию современных государств по количеству преступлений, за которые применяется смертная казнь как высшая мера наказания.

Новизна работы заключается в том, что впервые осуществлена попытка классифицировать современные государства по количеству преступлений, которые влекут за собой применение смертной казни.

Право на жизнь, как одно из основных прав человека, закреплено во многих международно-правовых документах ООН, в том числе во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и других. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 32/61 от 8 декабря 1977 года сформулирована цель международного права в вопросе смертной казни: «...Это прогрессивное ограничение числа преступлений, наказуемых смертной казнью, при выражении желательности отказа от этой меры наказания» [1]. Таким образом, количество преступлений, за которые предусматривается высшая мера наказания, свидетельствует о выполнении современными государствами рекомендаций Организации объединённых наций и об уровне прав и свобод.

Сегодня в современном мире прослеживается тенденция увеличения числа стран, которые полностью отказались от возможности использования смертной казни в качестве высшей меры наказания. В первую очередь это связано с либерализацией общества и пониманием человеческой жизни как самой главной ценности XXI века. Также свою значительную роль сыграла и Организация

Объединенных Наций, деятельность которой направлена, в том числе, на решение проблемы применения смертной казни.

Преступления, за которые назначается смертная казнь, очень разнообразны, начиная от нравственных и заканчивая политическими. Так, например, в ряде стран, таких как Саудовская Аравия, Пакистан, Йемен, Ирак смертная казнь предусмотрена за гомосексуализм и супружескую измену [2, 3, 4]. В Японии смертная казнь грозит за убийство родственника по восходящей линии [5]. В Шри-Ланке казнят за доведение человека до самоубийства [2].

Список преступлений, за совершение которых назначается и применяется смертная казнь, в современных государствах изменяется от единиц до нескольких десятков. Так, например, в Ямайке казнят за совершение только одного вида преступления – убийство [6], а в Китае этот перечень насчитывает 40 видов. С учетом количества преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, было выделено 6 классов государств (табл. 1).

Таблица 1

Классификация государств, применяющих смертную казнь по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

Класс	Количество преступлений
1	до 5
2	6 – 10
3	11 – 15
4	16 – 20
5	21 – 30
6	31 – 40

На данный момент из всех 44-х стран Европы смертную казнь как высшую меру наказания применяет только одна – Белоруссия.

Политика применения высшей меры наказания в Белоруссии регулируется Конституцией и Уголовным кодексом. В Конституции (ст. 24) указано: «Смертная казнь до её отмены может применяться в соответствии с законом, как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда» [7].

Согласно Уголовному кодексу 1999-го года, к смертной казни могут быть приговорены лица за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах, терроризм, геноцид, развязывание либо ведение агрессивной войны и т. д. [8].

Всего смертная казнь в Белоруссии применяется за совершение 14-ти видов преступлений, что позволяет отнести ее к третьему классу стран по количеству преступлений, за совершение которых предусматривается высшая мера наказания [9].

Перечень преступлений, за совершение которых в качестве наказания применяется смертная казнь, в странах Азии насчитывает 111 видов.

Классификация современных государств по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

В Афганистане и Йемене казнят за вероотступничество, а в Иране и Кувейте – за богохульство [2, 3, 10].

В Китае перечень преступлений, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, насчитывает 40 видов. Ранее этот список был более обширным. В 2011 году парламентарии Китая добились того, что некоторые виды преступлений перестали нести за собой смертный приговор. Например, контрабанда оружия, боеприпасов, ядерных боеприпасов и поддельной валюты; фальшивомонетничество и т. д. Но несмотря на эти изменения, перечень преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь в Китае, до сих пор остается самым обширным не только в Азии, но и в мире [11, 12].

Наименьший показатель в Азии – 2 вида преступлений в Лаосе, Ливане и Мальдивах (табл. 2).

Таблица 2

Классификация государств Азии по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

Класс	Количество преступлений, ед.	Количество стран, ед.	Доля стран, %	Государства
1	до 5	17	50	Азербайджан, Афганистан, Бахрейн, Бруней, Израиль, Индонезия, Йемен, Катар, Северная Корея, Лаос, Ливан, Малайзия, Мальдивы, Мьянма, ОАЭ, Оман, Таджикистан
2	6 – 10	12	35	Бангладеш, Индия, Иордания, Ирак, Южная Корея, Кувейт, Пакистан, Саудовская Аравия, Сингапур, Сирия, Шри-Ланка, Япония
3	11 – 15	3	9	Вьетнам, Иран, Казахстан

4	16 – 20	1	3	Таиланд
5	21 – 30	0		
6	31 – 40	1	3	Китай

Модальную группу в Азии составляют государства, в которых количество преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, не превышает пяти. К этому классу относятся половина азиатских стран, не отменивших смертную казнь.

Более трети государств (35 %) входят во второй класс стран, в которых число преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания, колеблется в пределах от шести до десяти.

Почти каждое десятое (9 %) из азиатских государств, отменивших институт смертной казни, относится к третьему классу, где сгруппированы страны, в которых высшая мера наказания предусмотрена за 11 – 15 видов преступлений.

К 4 классу в Азии относится только одно государство – Таиланд, где количество преступлений, за которые в этом предусмотрена смертная казнь, составляет 16.

Китай лидирует как в Азии, так и в мире по количеству преступлений, влекущих за собой наказание в виде смертной казни, и единственный входит в шестую группу.

В Океании только три страны оставили в качестве высшей меры наказания смертную казнь. Это Науру, Тонга и Папуа – Новая Гвинея.

Во всех трех странах смертная казнь по закону предусматривается за государственную измену. В Науру смертная казнь грозит также за пиратство и убийство, однако на практике не применяется [13]. После получения независимости в 1968 г. в Науру ни один смертный приговор не был приведен в исполнение.

Перечень преступлений, за совершение которых в качестве наказания применяется смертная казнь, в странах Океании насчитывает 6 видов. Максимальный показатель в Папуа-Новой Гвинее – 5 видов преступлений, минимальный – 2 вида преступлений – в Тонга. В связи с этим все государства Океании, сохранившие пока смертную казнь в виде высшей меры наказания, входят в первую группу классификации стран по количеству преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь.

Перечень преступлений, за совершение которых в качестве наказания применяется смертная казнь, в странах Африки насчитывает 70 видов.

Эфиопия – страна с наибольшим количеством преступлений (24), за которые предусмотрено применение высшей меры наказания в Африке. Минимальный показатель – одно преступление – в Гвинее и Южном Судане (табл. 3).

Таблица 3
Классификация государств Африки по количеству преступлений, за которые
предусмотрена высшая мера наказания

Классификация современных государств по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

Класс	Количество преступлений, ед.	Количество стран, ед.	Доля стран, %	Государства
1	до 5	26	70	Ботсвана, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Замбия, Кения, Коморские острова, Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Лесото, Либерия, Ливия, Мавритания, Малави, Нигер, Свазиленд, Сомали, Южный Судан, Сьерра-Леоне, Танзания, Тунис, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея, Эритрея
2	6 – 10	9	24	Алжир, Зимбабве, Камерун, Мадагаскар, Мали, Марокко, Нигерия, Судан, Уганда
3	11 – 15	1	3	Египет
4	16 – 20	0		-
5	21 – 30	1	3	Эфиопия
6	31 – 40	0		-

Как и в Азии, модальную группу в Африке составляют государства, где количество преступлений, за совершение которых предусматривается применение

смертной казни, не превышает пяти. К этому классу относится 26 стран или 70 % от всех государств Африки, не отменивших смертную казнь.

Почти четверть (24 %) африканских государств, не отказавшихся от использования смертной казни в качестве высшей меры наказания, относится ко второму классу, где количество преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, колеблется от шести до десяти.

К третьему классу среди африканских государств относится только Египет.

Эфиопия занимает первое место в Африке по количеству преступлений, за совершение которых грозит применение смертной казни, и единственная входит в пятый класс.

Перечень преступлений, за совершение которых в качестве наказания применяется смертная казнь, в странах Америки насчитывает 19 видов.

Максимальное количество преступлений (6), за совершение которых грозит применение смертной казни, зафиксировано на Кубе. Минимальное – одно преступление – в остальных государствах Америки, не отменивших институт смертной казни: Антигуа и Барбуда, Белиз, Бразилия, Перу, Сент-Китс и Невис, Чили и Ямайка (табл. 4).

При этом в некоторых странах Америки смертная казнь применяется только в военное время. Так, например, в Военном кодексе Сальвадора оговорено, что приговор к смертной казни может быть вынесен только во время войны с другим государством лицам, обвиняемым в совершении определенных преступлений, предусмотренных Военным кодексом Сальвадора (1963 г.) [2]. Это может быть государственная измена, дезертирство, шпионаж и призыв к бунту.

В Чили смертная казнь может применяться военным трибуналом в военное время. Как и в Чили, в Перу смертная казнь может быть применена за преступления против государства, совершенные военнослужащими во время войны [2].

В Гватемале смертная казнь может грозить за внесудебную расправу, а на Кубе – за терроризм [2, 14].

Таблица 4

Классификация государств Америки по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

Класс	Количество преступлений, ед.	Количество стран, ед.	Доля стран, %	Государства
1	до 5	19	95	Антигуа и Барбуда, Барбадос, Белиз, Бразилия, Гренада, Доминика,

Классификация современных государств по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

				Перу, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Чили, Ямайка, Багамские Острова, Гайана, Гватемала, Сальвадор, Соединенные Штаты Америки, Суринам, Тринидад и Тобаго
2	6 – 10	1	5	Куба

В подавляющем большинстве американских государств (95 %) из числа не отменивших институт высшей меры наказания смертная казнь предусмотрена для небольшого числа преступлений, диапазон которых колеблется от одного до пяти. Только на Кубе число преступлений, за которые предусмотрен смертный приговор, составляет 6 видов.

Сравнительный анализ статистических данных, касающихся применения смертной казни, показал, что модальную группу как во всех частях света, так и в целом в мире составляют государства, где число преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, не превышает пяти. К этой группе относятся 65 государств, что составляет 68,4 % от общего числа стран, применяющих смертную казнь (табл. 5).

Таблица 5

Классификация государств, применяющих смертную казнь по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания

Класс (количество преступлений, ед.)	Количество государств, ед.					Всего в мире:	
	Европа	Азия	Америка	Африка	Океания	стран, ед.	доля стран, %
1 (до 5)	-	17	19	26	3	65	69
2 (6 – 10)	-	12	1	9	-	22	23
3 (11 – 15)	1	3	-	1	-	5	5
4 (16 – 20)	-	1	-	-	-	1	1
5 (21 – 30)	-		-	1	-	1	1
6 (31 – 40)	-	1	-	-	-	1	1
Всего стран, ед.	1	34	20	37	3	95	100 %

Во второй группе, с числом преступлений от 6 до 10, 22 страны или 23,2 % от общего числа государств, где применяется смертная казнь. К третьему классу, где количество преступлений, которые влекут за собой смертную казнь, колеблется от одиннадцати до пятнадцати, относятся 5 стран (5 %). В четвертой, пятой, и шестой группах – только по одному государству. Это Таиланд, Эфиопия и Китай соответственно.

Среди азиатских государств наибольший показатель преступлений, влекущих за собой смертную казнь, в Китае. Минимальный (2 вида преступлений) в Лаосе, Ливане, Мальдивах и Омане.

Среди африканских стран по числу преступлений, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, лидирует Эфиопия (24 вида преступлений), а в Гвинее и Южном Судане только один вид преступлений карается смертной казнью.

В странах Океании максимум (5) у Папуа-Новой Гвинеи, а минимум – 2 преступления – в Тонга.

19 стран или 95 % от общего числа государств Америки, применяющих смертную казнь, входят в группу первого класса. Только Куба, где смертная казнь предусмотрена за совершение шести видов преступлений, относится ко второй группе.

В целом в мире наибольший показатель по количеству видов преступлений (40), за совершение которых грозит смертная казнь, принадлежит Китаю. Минимальный

показатель (1 преступление) в Гвинее, Южном Судане, Антигуа и Барбуда, Белизе, Бразилии, Перу, Чили и Ямайке.

Лидирует по удельному весу государств, сохраняющих высшую меру наказания – Азия. Почти две трети (72 %) азиатских стран в уголовных кодексах сохраняют смертную казнь. В Африке доля таких стран составляет 69 %. В Америке высшую меру наказания сохраняют более половины государств (57 %), в Океании – 21 %.

Классификация государств по числу преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, может использоваться в политологических исследованиях для оценки уровня прав и свобод в современных государствах, в том числе для определения индекса демократии.

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 32/61 от 8 декабря 1977 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/317/28/IMG/NR031728.pdf?OpenElement>
2. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Ф.М. Решетников. – М.: Норма, 2001. – 941 с.
3. Смертная казнь в Йемене [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://aleskrasavin.dreamwidth.org/431784.html>.
4. В Ираке снова вводится смертная казнь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.utro.ru/news/2004/08/08/338080.shtml>
5. Уголовный кодекс Японии [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=407&page=3>
6. На Ямайке возобновили смертную казнь преступников [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rus.newsru.ua/world/26nov2008/kazn.html>
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 64 с.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь: [от 9 июля 1999 г. N 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.]. – 2-е изд. – Минск: Право и экономика, 2006. – 255 с.
9. Смертная казнь в Белоруссии [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смертная_казнь_в_Белоруссии
10. Посольство Российской Федерации в государстве Кувейт [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.kuwait.mid.ru/kuwait.html>
11. Смертная казнь в Китае [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://smisl-jizni.ru/smertnaya-kazn-v-kitae>
12. Китай хочет отменить смертную казнь сразу по девяти видам преступлений [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141027/1030291940.html>
13. Смертная казнь в странах мира [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/infographic/20120319/188624251.html>
14. Гватемала вернулась к смертной казни [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/418406>

Danchenko N.Y., Kiseleva N.V. Classification of Modern States in Amount of Crimes for Which the Death Penalty is Carrying out // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 31-40

Strategic objective of international law in a scope of a capital punishment is refusal of it, and tactical – restriction of quantity of crimes for which the death penalty is provided. The article presents the results of a comparative analysis of states which maintain the death penalty as a capital punishment. On the basis of the factual material the classification of states in amount of crimes for which the death penalty is used has been carried out. Also it was given a detailed description of each class of composed classification of all world states.

Maximum and minimum values for quantity of crimes that are punishable by a death penalty among all the countries of each continent are outlined.

World maximum and minimum values were also estimated. In each continent the modal groups were also defined. In the article the authors present different examples of crimes that are punishable by a death penalty.

Key words: death penalty, capital punishment, UNO.

References

1. The resolution of the United Nations General Assembly 32/61 of December 8, 1977 [Electronic resource]. – Access mode: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/317/28/IMG/NR031728.pdf?OpenElement>
2. Reshetnikov F.M. The Legal Systems of the World Countries: The Encyclopedic Reference / F.M. Reshetnikov. – M.: Norma, 2001. – 941p
3. The Death Penalty in Yemen [Electronic resource]. – Access mode: <http://aleskrasavin.dreamwidth.org/431784.html>
4. The Death Penalty is Imposed in Iraq Again [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.utro.ru/news/2004/08/08/338080.shtml>
5. The Criminal Code of Japan [Electronic resource]. – Access mode: <http://constitutions.ru/?p=407&page=3>
6. The Death Penalty has been Resumed in Jamaica [Electronic resource]. – Access mode: <http://rus.newsru.ua/world/26nov2008/kazn.html>
7. Constitution of Republic of Belarus of 1994: with the changes and additions accepted on republican referenda on November 24, 1996 and on October 17, 2004 – the 10-th edition. – Minsk: National center of legal information of Republic of Belarus, 2014. – 64 p.
8. Criminal code of Republic of Belarus: [of July 9, 1999 N 275-Z: the House of Representatives accept it on June 2, 1999: Council of the Republic approves it on June 24, 1999]. – Minsk: Right and economy, 2006. – 255 p.
9. The Death Penalty of Belarus [Electronic resource]. – Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смертная_казнь_в_Белоруссии
10. Embassy of Russian Federation in the State of Kuwait [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kuwait.mid.ru/kuwait.html>
11. The Death Penalty in China [Electronic resource]. – Access mode: <http://smisl-jizni.ru/smertnaya-kazn-v-kitae>
12. China Wants to Abolish the Death Penalty for Nine Types of Crimes [Electronic resource]. – Access mode: <http://ria.ru/world/20141027/1030291940.html>
13. The Death Penalty in the World Countries [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.inosmi.ru/infographic/20120319/188624251.html>
14. Guatemala has Returned to the Death Penalty [Electronic resource]. – Access mode: <http://izvestia.ru/news/418406>

УДК 327.39

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Пашковский П. И.

Современное увеличение международной напряжённости и конфликтного потенциала на территории бывшего СССР актуализирует необходимость исследования понятийно-терминологического обозначения данного региона. В статье были уточнены определение, контекст использования, трактовки и разновидности понятия «постсоветское пространство». Приведены подходы специалистов. Показано, что проблема конкретизации понятия «постсоветское пространство» и интерпретации его дефиниций требует более глубокого и детального анализа со стороны экспертного сообщества, следствием чего должен стать набор общепринятых параметров, характеризующих стабильное понятие, имеющее в целом однозначное и лишённое идеологического налёта определение. С учётом отсутствия в современных международно-политических исследованиях общепринятого понятия, обозначающего территорию пятнадцати бывших союзных республик, для этого можно применять понятие «постсоветское пространство» и близкие ему понятия «новые независимые государства» и «ближнее зарубежье». При этом следует понимать различия в их смысловом контексте: понятие «постсоветское пространство» подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие «новые независимые государства» характеризует логику сегодняшнего дня – существование суверенных стран – бывших союзных республик; понятие «ближнее зарубежье» выступает проекцией устремлений бывшего имперского центра на ранее подконтрольные ему территории.

Ключевые слова: *постсоветское пространство, ближнее зарубежье, новые независимые государства, понятие, определение, интерпретация, исследователи.*

В условиях современного увеличения международной напряжённости и, в частности, конфликтного потенциала в рамках территории бывшего СССР актуализируется проблема понятийно-терминологического обозначения данного пространства [7 – 10; 12 – 16], активизируя соответственные споры как в отечественном, так и в зарубежном обществоведческом и международно-

политическом дискурсе [17 – 25]. Необходимость прояснения этой ситуации неизбежно приводит к рассмотрению разных, подчас взаимоисключающих, точек зрения, что только подтверждает научную новизну выявленного исследования. Целью данной статьи является уточнение определения, контекста использования, трактовки и разновидностей понятия «постсоветское пространство».

Принято считать, что понятие «постсоветское пространство» было введено в обращение литовским исследователем А. Празаускасом применительно к странам Содружества и бывшим советским республикам Прибалтики в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной 7 февраля 1992 г. в «Независимой газете» [2]. В указанной публикации положение государств постсоветского пространства сравнивается с колониальными землями империй прошлых веков, которые даже после обретения независимости оставались в культурном и отчасти экономическом «пространстве бывшей метрополии» [9]. Более того, в последующих статьях А. Празаускас развивает мысль о негативной коннотации данного понятия. «Независимо от воли и намерений отдельных учёных, - пишет он, - историография любой страны в большей или меньшей степени содержит элемент идеологического мифотворчества. Особенно оно характерно для многонациональных стран, в которых национальная интеграция, поддержание межэтнического согласия относятся к числу важнейших функций государства» [18, с. 111]. В связи с этим аналитик более склонен к употреблению понятия «новые независимые государства», «подчёркнутое уважение суверенитета которых» со стороны России, якобы поможет «нейтрализовать подозрения» относительно её «экспансионистских намерений» [18, с. 128].

Американский эксперт З. Бжезинский, говоря в 1997 г. о территории бывшего СССР, имел в виду «пространство, веками принадлежащее царской империи и в течение трёх четвертей века Советскому Союзу под главенством русских», которое «теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета» [1, с. 110]. Характеризуя геополитическое положение указанного региона, он одинаково часто использует понятия «постсоветское пространство», «новые независимые государства», а также «ближнее зарубежье». Кстати, последнее понятие применялось параллельно с «постсоветским пространством» для обозначения географической территории бывшего СССР ещё с начала 1990-х гг., а первое его употребление приписывается бывшему главе МИД РФ А. Козыреву [9].

Вместе с тем, некоторые западные специалисты рассматривают понятия «ближнее зарубежье» и «постсоветское пространство» как некий «идеологический инструмент» или «технология» российской внешней политики для обеспечения гегемонистских позиций в регионе. Корректной альтернативой этому им видится уже упоминаемое понятие «новые независимые государства» [22; 23]. Наиболее чётко данную позицию выразил министр иностранных дел Великобритании Д.Милибэнд в августе 2008 г.: «По-моему, русские хотят использовать концепцию так называемого «постсоветского пространства», не понимая, что граничащие с Россией бывшие республики СССР – это независимые страны с суверенными границами. <...> Я считаю это неприемлемым. Украина, Грузия и другие – это не

«постсоветское пространство». Это – независимые суверенные страны, обладающие собственным правом территориальной целостности» [8].

В противовес этому российский учёный А. Суздальцев считает понятие «постсоветское пространство» наиболее нейтральным в контексте общественно-политической характеристики территории бывшего СССР. Однако он ставит под вопрос рассмотрение в рамках постсоветского пространства прибалтийских стран [19, с. 385], интегрированных в европейский проект. Данный тезис разделяет и ведущий научный сотрудник Института экономики РАН Л. Косикова. При этом на основе анализа количественных и качественных характеристик она отмечает, что на «первой фазе» трансформации бывших союзных республик (декабрь 1991 – рубеж 1993/1994 гг.) указанный регион следует называть «ближнее зарубежье». Для «второй фазы» (1994–2001/2004 гг.) наиболее уместным представляется понятие «постсоветское пространство». В то время как «третья фаза» (начиная с 2003/2004 гг.) характеризуется нарастанием международного соперничества и ослаблением российского влияния в регионе Содружества, когда бывшие союзные республики становятся «состоявшимися» и признанными международным сообществом «новыми независимыми государствами» с «открытой рыночной экономикой», вовлечённой в процессы глобальной конкуренции [7]. Похожего мнения придерживается и член-корреспондент РАН Е. Пивовар, относя к постсоветскому пространству территорию пятнадцати бывших советских республик, учитывая имеющиеся между ними различия [17, с. 23 – 30].

Существует и понимание данной проблемы, свойственное представителям т. н. «неоевразийского» дискурса, которыми ещё с первой половины 1990-х гг. указанное географическое пространство именовалось «евразийским». В частности, это проявилось в риторике проекта «Евразийского союза» [11], представленного в 1994г. президентом Казахстана Н. Назарбаевым. По мнению исследователей, проект означал, «что Евразия – определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, - представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение» [1, с. 135]. Но в дальнейшем в трактовках некоторых «неоевразийцев» наблюдается существенное изменение конфигурации «евразийского пространства» с исключением из него ряда бывших советских республик и, наоборот, включением территорий, не входивших в СССР. «Евразийской установкой, - отмечал по этому поводу А. Дугин, - пределяется вектор внимания России к постсоветскому пространству в целом. По сути, речь идёт о том, чтобы воссоздать единое стратегическое пространство в рамках бывшего Советского Союза – с некоторыми добавлениями (Монголия) и изъятиями (страны Балтии), но на совершенно иной мировоззренческой основе. Этот масштаб минимально необходимый для того, чтобы Россия в новой форме Евразийского союза восстановила стратегический потенциал, снова делающий её «империей» [4, с. 165].

Своего рода итогом современного осмысления ситуации, связанной с понятийно-терминологическим обозначением территории бывшего СССР, представляется мнение заведующего отделом проблем межнациональных отношений российского Института политического и военного анализа

С.Маркедонова: «С определенными оговорками и без политико-идеологической нагрузки данные термины («постсоветское пространство», «ближнее зарубежье» и «новые независимые государства». – П. П.) могут быть использованы для описания социально-экономического развития и геополитических процессов на территории бывшего Советского Союза», поскольку «более корректное и деполитизированное понятие «страны СНГ и Балтии» после выхода Грузии из состава Содружества уже не может считаться релевантным» [9]. Одновременно с этим, продолжает исследователь, в скором будущем перед академическим сообществом встанет задача пересмотра (как минимум, существенной корректировки)» указанных понятий, что предопределено рядом обстоятельств. Во-первых, процесс геополитического самоопределения уже привел многие бывшие республики СССР в интеграционные структуры, не имевшие отношения к советским реалиям. Например, Латвия, Литва и Эстония являются членами ЕС и НАТО, а Азербайджан и государства Центральной Азии – Организации Исламская конференция. Также в некоторых современных интеграционных проектах новые независимые государства успешно взаимодействуют со странами «дальнего зарубежья»: в рамках ШОС вместе с РФ и бывшими союзными среднеазиатскими республиками активно работает КНР, а грузино-украинская внешнеполитическая инициатива СДВ включает Румынию, Македонию и Словению. Во-вторых, «по мере отдаления от событий 1991 г., советское наследие (в самых различных сферах) будет все меньше определять стратегию внутреннего и внешнеполитического развития бывших республик некогда единого государства. Хотя и сегодня советский “покойник” активно хватает живых (поскольку советские способы мышления, управления, национально-государственное устройство полностью не исключены)» [9].

Подобное замечали и другие эксперты, констатируя, что и в наши дни наблюдается общая для стран постсоветского пространства тенденция «воспроизводства» культурно-психологических установок «советской эпохи», носителем которых является поколение «homo soveticus» [6; 14; 20]. В этом отношении весьма показательным выглядит вывод западных аналитиков, что две полосы бывших советских республик, первая из которых располагается от Балтийского до Чёрного моря (Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Молдова, Украина) и восемь других, находящихся по обеим сторонам Каспийского моря (Армения, Грузия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан), всё ещё несут на себе «твёрдые следы» советского наследия [24]. Обобщая приведённые мнения, российский учёный-американист А. Уткин писал: «...в социально-психологическом смысле Советский Союз никуда не девался, он существует по сию пору. И не следует переоценивать значимость пятнадцати столиц, правительств, парламентов. Американские специалисты подчёркивают тот факт, что рухнувшая в одночасье политическая система оставила 70 млн. человек, живущих за пределами своих республик. Помножьте на три это число, и это будет общее число родственников, находящихся на территории пятнадцати республик. Социальные ценности не погибают в течение нескольких месяцев или лет. Исторические особенности не затушёвываются за несколько сезонов. Всё это осталось в пятнадцати новорожденных государствах и, как “невидимая рука”

истории, подводит общий знаменатель под пятнадцать суверенных государств» [21, с. 415].

Указанные обстоятельства способствовали тому, что на современном этапе в ряде словарей и понятийно-терминологических справочников довольно распространённым продолжает оставаться порядок разграничения постсоветского пространства по географическому (или геополитическому) принципу: Прибалтика (Латвия, Литва, Эстония); Восточная Европа (Белоруссия, Молдова, Украина); Южный Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия); Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, Таджикистан) [3, с. 360].

Исходя из сказанного, очевидно, что проблема конкретизации понятия «постсоветское пространство» и интерпретации его дефиниций требует более глубокого и детального анализа со стороны экспертного сообщества, следствием чего должен стать набор общепринятых параметров, характеризующих стабильное понятие, имеющее в целом однозначное и лишённое идеологического налёта определение. С учётом отсутствия в современных международно-политических исследованиях общеустановленного понятия, обозначающего территорию пятнадцати бывших союзных республик, для этого можно использовать понятие «постсоветское пространство» и близкие ему понятия: «новые независимые государства» и «ближнее зарубежье».

При этом следует понимать различия в их смысловом контексте: понятие «постсоветское пространство» подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие «новые независимые государства» характеризует логику сегодняшнего дня – существование суверенных стран – бывших союзных республик; понятие «ближнее зарубежье» выступает проекцией устремлений бывшего имперского центра на ранее подконтрольные ему территории.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; Пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.
2. Власов А. Доминирующая роль России на постсоветском пространстве / А. Власов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/4446/>.
3. Дергачёв В. А. Геополитический словарь-справочник / В. А. Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с.
4. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Г. Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 382 с.
5. Караганов С. А. Новая эпоха // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / С.А. Караганов / Отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 42 – 64.
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. – К.: Оріяни, 2004. – 800 с.
7. Косикова Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика / Л. С. Косикова: Научный доклад к заседанию Учёного Совета ИМЭПИ ИЭ РАН (сокращённый вариант). – М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований, 2008. – 39 с.
8. Лондон: постсоветского пространства больше нет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm.
9. Маркедонов С. Постсоветская реальность / С. Маркедонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/author/2009/12/09/reality.html>.

10. Михеев С. Постсоветское пространство: элиты против интеграции / С. Михеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.kz/publications/article7698.htm>.
11. Назарбаев Н. А. О формировании Евразийского союза государств. Проект. 3 июня 1994 года / Н.А. Назарбаев // Назарбаев Н. А. Стратегия независимости. – Алматы: Атамұра, 2003. – С. 136 – 147.
12. Орлова Т. В. История новых независимых держав: Postsovieticum / Т. В. Орлова: Навч. посіб. – К.: Знання, 2010. – 487 с.
13. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011г.) / П. И. Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.
14. Пашковский П. И. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации / П. И. Пашковский // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: коллективная монография / Отв. Ред. В.М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод. Е. А. Федорова. – Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. – Т. 2. – С. 364 – 372.
15. Пашковский П. И. Постсоветское пространство: проблема определения понятия / П.И. Пашковский // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы X Международной научно-практической конференции (11 июня 2015 г.). – СПб.: Стратегия будущего, 2015 – № 10. – Т. 5. – С. 13 – 16.
16. Пашковский П. И. Проблема понятийно-терминологического обозначения территории бывшего СССР / П. И. Пашковский // Материалы IV Международной научно-теоретической конференции «Социально-политические и культурные проблемы современности» [23 марта 2012 г.] / Ред. колл.: Ф. Я. Якубов и др. – Симферополь: ДИАИПИ, 2012. – С. 219 – 223.
17. Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк / Е.И. Пивовар. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2010. – 400 с.
18. Праздускас А. От Российской империи к Союзу ССР / А. Праздускас // Вестник Евразии. – 1996. – 1 (2). – С. 111 – 130.
19. Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразие / А. И. Суздальцев // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 384 – 410.
20. Шевченко М. Постсоветский человек: становление новой ментальности / М. Шевченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/shevchenko/?library=2187>.
21. Уткин А. И. Большая восьмёрка: цена вхождения / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2006. – 480 с.
22. Asmus R. D. The Imperialists from Moscow / R. D. Asmus [Electronic resource]. – URL: http://www.gmfus.org/news_analysis/news_article_view?newsarticle.id=209.
23. Bremmer I., Bailes A. Sub-regionalism in the Newly Independent States / I. Bremmer, A. Bailes // International Affairs. – January 1998. – Vol. 74. – № 1. – P. 131-147.
24. Kotkin S. Trashcanistan: A Tour through the Wreckage of the Soviet Empire / S. Kotkin // The New Republic. – 15 April 2002. – P. 26-38.
25. Suny R. G. Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia / R. G. Suny // International Security. – Winter 1999/2000. – Vol. 24. – № 3. – P. 139-178.

Pashkovsky P. I. The Problem of Interpretation of the Concept «post-Soviet space» // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 41-48.

Modern increase of international tension and potential for conflict in the former USSR are updated by the necessity of research the conceptual-terminological designation of the region. Definitions, context of use, interpretations and variations of the concept «post-Soviet space» have been clarified in this article. Approaches of researchers have been offered. It is shown that the problem of concretization of the concept «post-Soviet space» and the interpretation of its definitions requires more in-depth and detailed analysis on the part of expert community, the consequence of which is to become a set of generally accepted parameters that characterize a stable concept, which is generally unambiguous and devoid of ideological color definition. In the absence at present in international-political studies of unified concept that refers to the territory of the fifteen former Soviet republics, for it is possible to use the concept «post-Soviet space»

and synonymous concepts «New Independent States» and «Near Abroad». However, one should understand the differences in the semantic context of these concepts: the concept «post-Soviet space» means a multi-level process of disintegration in the past of a single state, which is ongoing; the concept «New independent States» describes the logic of today – the existence of sovereign states – former Soviet republics; the concept «Near Abroad» is a projection of the aspirations of the former imperial center towards territories that were previously under its control.

Key words: post-Soviet space, Near Abroad, New Independent States, concept, definition, interpretation, researchers.

References

1. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski; Trans. from English by O. Yu. Uralskaya. – M.: International Relations, 2005. – 256 p.
2. Vlasov A. Dominant role of Russia in the post-Soviet space / A. Vlasov [Electronic resource]. – URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4446/>.
3. Dergachev V. A. Geopolitical Dictionary-Directory / V. A. Dergachev. – K.: KNT, 2009. – 592 p.
4. Dugin A. G. Geopolitics of Postmodern. Times of New Empires. Essays on the Geopolitics of the XXI Century / A. G. Dugin. – SPb.: Amfora. TID Amfora, 2007. – 382 p.
5. Karaganov S. A The New Era / S. A. Karaganov // Russia and the world. The new era. 12 Years old, which Can Change Everything / Responsible Editor and Lead Author S. A. Karaganov. – M.: AST: Rus-Olimp, 2008. – P. 42-64.
6. Kara-Murza S. G. Soviet Civilization / S. G. Kara-Murza. – K.: Oriyani, 2004. – 800 p.
7. Kosikova L. S. Russian Integration Projects in the post-Soviet Space: Ideas and Practice / L. S. Kosikova: Scientific Report for the Meeting of the Academic Council of the IE RAS (abbreviated version). – M.: Academy of Sciences, Institute of Economics, Department of International Economic and Political Studies, 2008. – 39 p.
8. London: Post-Soviet Space no Longer Exists [Electronic resource]. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm.
9. Markedonov S. The post-Soviet Reality / S. Markedonov [Electronic resource]. – URL: <http://www.polit.ru/author/2009/12/09/reality.html>.
10. Mikheev S. Post-Soviet Space: Elite against Integration / S. Mikheev [Electronic resource]. – URL: <http://www.apn.kz/publications/article7698.htm>.
11. Nazarbayev N. A On the Formation of the Eurasian Union of States. Project. June 3rd, 1994 // N. A. Nazarbayev // Nazarbayev N. A Strategy of Independence. – Almaty: Atamura, 2003. – P. 136-147.
12. Orlova T. History of the New Independent States: Postsovieticum: Textbook / T. Orlova. – K.: Knowledge, 2010. – 487 p.
13. Pashkovsky P. I. Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991 – 2011) / P. I. Pashkovsky. – Kiev: Interservice, 2012. – 189 p.
14. Pashkovsky P. I. The «Conflict of Generations» in the Context of Ukraine's Foreign Policy Choice as an Expression of Personal Deprivation / P. I. Pashkovsky // Personal Deprivation: Law, Psychological and Interdisciplinary Aspects: Collective Monograph / Responsible editor V. M. Melikhov, O. N. Makarenko, G. G. Egorov, Translator Fedorova E. A. – Volgograd: Tsaritsyn Poligraphic Company, Ltd. 2 Vol., 2014. – P. 364-372.
15. Pashkovsky P. I. The post-Soviet Space: the Problem of Definition of the Concept / P. I. Pashkovsky // Fundamental and Applied Researches in the Modern World: Materials of the X International Scientific-practical Conference (11 June 2015). – SPb.: Strategy for the Future, 2015 – № 10. – T. 5. – P. 13-16.
16. Pashkovsky P. I. The Problem of Concepts and Terminology Designation of the Territory of the Former USSR / P. I. Pashkovsky // Materials of the IV International scientific-theoretical conference «Social-political and cultural problems of contemporaneity» [23 March 2012] / Editorial Board: F. Ya Yakubov, etc. – Simferopol. DIAYPI, 2012. – P. 219-223.
17. Pivovarov E. I. The post-Soviet space: alternative of integration. Historical Review / E. I. Pivovarov. – Ed. 2nd, Rev. and Ext. – SPb.: Aletheia, 2010. – 400 p.
18. Prazuaskas A. From the Russian Empire to the USSR Union / A. Prazuaskas // Herald of Eurasia. – 1996. – № 1 (2). – P. 111-130.

19. Suzdaltsev A. I. The post-Soviet space: unity and diversity / A. I. Suzdaltsev // // Russia and the world. The new era. 12 Years old, which Can Change Everything / Responsible Editor and Lead Author S. A. Karaganov. – M.: AST: Rus-Olimp, 2008. – P. 384-410.
20. Shevchenko M. Post-Soviet Person: Formation of a New Mentality / M. Shevchenko [Electronic resource]. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/shevchenko/?library=2187>.
21. Utkin A. I. The Big Eight: the Price of Entering / A. I. Utkin. – M.: Algorithm, 2006. – 480 p.
22. Asmus R. D. The Imperialists from Moscow / R. D. Asmus [Electronic resource]. – URL: http://www.gmfus.org/news_analysis/news_article_view?newsarticle.id=209.
23. Bremmer I., Bailes A. Sub-regionalism in the Newly Independent States / I. Bremmer, A. Bailes // International Affairs. – January 1998. – Vol. 74. - № 1. – P. 131-147.
24. Kotkin S. Trashcanistan: A Tour through the Wreckage of the Soviet Empire / S. Kotkin // The New Republic. – 15 April 2002. – P. 26-38.
25. Suny R. G. Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia / R. G. Suny // International Security. – Winter 1999/2000. – Vol. 24. – № 3. – P. 139-178.

УДК 32.019.51

ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО PR-ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Халанская Л. Г., Басамак М. С.

Статья обращена к теме осуществления PR-дискурса путем внедрения его в сферу телевидения с помощью таких приемов в политике как теледебаты и «театрализация» политического процесса. На сегодня телевидение представляет собой один из основных инструментов политических манипуляций. Технологии воздействия ТВ сегодня разработаны настолько, что могут реально и существенно влиять на поведение масс, на исход выборов, на популярность того или иного продукта, политика или политического проекта, вообще публичного деятеля и т. д. Телевидению отведена доминирующая роль в избирательных кампаниях. В данной статье раскрывается суть публичного PR-дискурса, осуществляемого на телевидении, выраженного в форме теледебатов и политических «шоу».

Ключевые слова: PR-дискурс, политическая борьба, телевидение, политика, теледебаты.

Телевидение, наряду с такими средствами массовой информации, как Интернет, печатные материалы и т. д., является неотъемлемым инструментом в руках политических акторов. Будучи «ареной» для политических баталий, «сценой» для перформанса того или иного политика, являясь проводником необходимой информации для одного из субъектов политических отношений, телевидение играет важную роль в осуществлении PR-дискурса, ничем не уступая проникшей во все сферы жизни общества сети Интернет.

В политической сфере телевидение должно правдиво и всесторонне освещать особенности развития политических процессов в обществе, таких как избирательные кампании, представлять зрителям, которые являются потенциальными избирателям, наиболее полную и объективную информацию о кандидатах, партиях и движениях, на основе которой каждый гражданин сможет сделать сознательный выбор и нарисовать правдивую для себя картину всего происходящего в области политики. Эта ситуация высокой социальной ответственности обусловлена тем, что телевидение способно охватить самые широкие слои населения, даже те, которые остаются за пределами влияния других средств массовой коммуникации. Эта способность объясняется особенностями его физической природы, определяющими специфику телевидения как средства создания и передачи сообщения.

На современном этапе телевидение является мощным средством воздействия на современного человека, оно во многом формирует не только мировоззрение отдельного зрителя, но и общественное мнение, то есть, влияет на общество в целом. В книге «Понимание Медиа: Внешние расширения человека» Маклюэн Г. М. писал: «Каждое средство коммуникации ценно само по себе, так как именно оно определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия» [1, с. 11]. Для определения сущности телевизионного воздействия эта цитата подходит как нельзя лучше.

Целью данной статьи является рассмотрение телевидения в качестве транслятора социально-политического PR-дискурса.

Для реализации поставленной цели определены ряд задач, таких как:

1. Обозначить роль телевидения и определить степень доверия ему по сравнению с другими средствами современной массовой коммуникации;
2. Рассмотреть теледебаты как кейс эффективного телевизионного политического PR-дискурса;
3. Выделить техники (приемы, уловки), используемые в рамках теледебатов, позволяющие воздействовать политикам на аудиторию.

Объект данной статьи – телевидение как влиятельное средство коммуникации современного общества. Предметом являются используемые в рамках телевидения средства PR-дискурса.

Шоу-политика телевизионного дискурса

Доверие своей целевой аудитории является самым важным капиталом любого политического деятеля. Для завоевания доверия необходимо постоянно поддерживать связь со своей аудиторией, то есть постоянно информировать избирателей о своей деятельности. Такая информация может носить разный характер: напоминание о существовании PR-субъекта, просто сообщение о его деятельности, личное обращение к аудитории.

На территории Российской Федерации осуществляет свою деятельность компания Synovate Comcon, которая регулярно проводит исследования в области медиа-пространства. По данным исследования РосИндекс этой компании, активный рост доверия зрителей к информации на ТВ, фиксировавшийся начиная с 2013 г., остановился во II полугодии 2014 г. Сокращение доверия на 1 пп по сравнению с предыдущим периодом не является статистически значимым, поэтому о тенденции снижения доверия к информации на ТВ говорить пока рано. В 2014 г. информации на телевидении доверяло 41 % его недельной аудитории в возрасте 10 лет и старше. Аудитория ТВ по-прежнему была стабильна и держалась на уровне 93 %. Остановка роста доверия к ТВ произошла на фоне активного роста интереса к новостям, информационно-аналитическим передачам и общественно-политическим программам [2].

Рис.1 «Доля доверяющих от недельной аудитории каждого медиа»

Вопрос доверия СМИ рассматривал «Фонд Общественного Мнения» 18–19 апреля 2015 г. на территории 43 субъектов РФ, 100 населенных пунктов. Был проведен опрос, в котором приняли участие 1500 респондентов. Один из вопросов был направлен на конкретизацию источников, из которых граждане получают информацию [3], а также к степени доверия различным источникам информации [3]. Исходя из результатов, мы видим, что телевидение занимает лидирующие позиции.

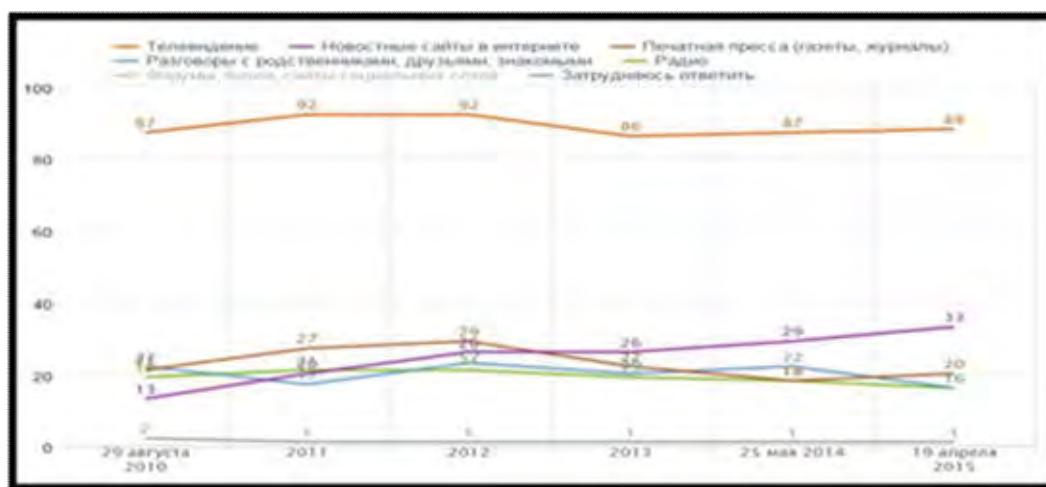

Рис. 2. «Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию?»
(карточка из соц. опроса)

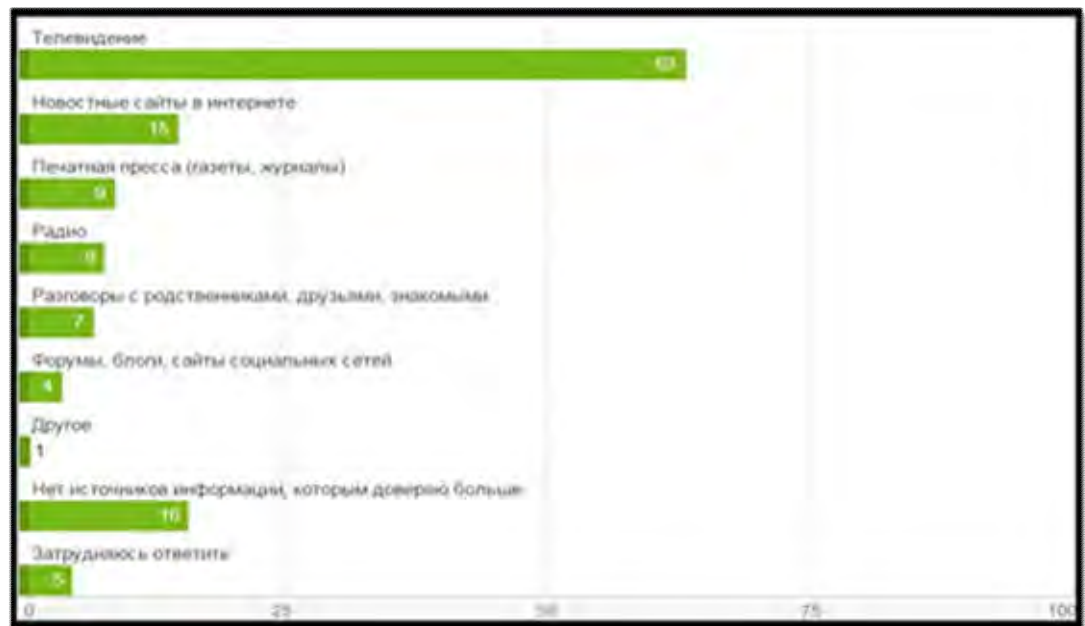

Рис. 3. «Есть ли источники информации, которым вы доверяете больше, чем остальным? И если да, то каким именно? Назовите не более трех таких источников»
(карточка из соц. опроса)

Один из крупнейших теоретиков современной социологии Энтони Гидденс, анализируя влияние телевидения на сознание, поведение и распространение социальных установок, оценивает роль телевидения в политической жизни как определяющую среди всех СМИ. «Телевидение помогает формировать основы восприятия, всеобщее культурное мировоззрение, с помощью которых индивид в современном обществе интерпретирует и организует информацию... Оно формирует способ интерпретации социального мира, помогая упорядочить опыт нашего общения с ним. Установки, которые явно или скрыто присутствуют во всех видах телепродукции и в способах ее распространения, возможно, гораздо более важны, чем то, что конкретно показывается в программах» [4, с.143]. Другими словами, сегодняшние политики получили возможность, используя телевидение как важнейший инструмент формирования политической коммуникации, влиять на общественное сознание и управлять поведением людей. Телевидение стало эпицентром политики, получив новый функциональный статус – медиатора между властью и обществом. Политические журналисты, используя телевизионные площадки как арену для создания политических шоу, стали творцами политических идей и мифов, создавая виртуальное подобие участия граждан в политической жизни.

Сегодня технические возможности телевидения таковы, что для реализации шоу любой направленности, создания любой виртуальности нет ограничений. Средствам массовой информации, телевидению, а также структуре государственной власти, которая стоит за этим, принадлежит решающая роль в подаче информации.

В связи с этим главная задача – конкретизация основных функций телевизионного воздействия: формирование общественного сознания, создание социального контроля и управления, осуществление функций интеграции, саморегуляции в обществе. Соотношение между этими функциями напрямую зависит от целей, которые ставят перед собой определенные социальные группы или бизнес-монополисты, правящие в обществе.

«Одним из условий политической борьбы как на повседневном, так и на глобальном уровнях является способность навязать другим свои принципы видения мира, «очки», через которые люди увидели бы мир разделенным на определенные категории (старые и молодые, иностранцы и французы). Подобные разделения создают группы, которые в результате политической мобилизации могут добиться признания собственного существования, оказать давление и получить определенные привилегии. В настоящее время в этой борьбе телевидению отводится решающая роль. Те, кто до сих пор считает, что без него можно обойтись, достаточно лишь устроить демонстрацию, рискуют проиграть: становится все более и более необходимым устраивать демонстрации для телевидения, т. е. такие демонстрации, которые могут заинтересовать телевизионщиков, учитывая их категории восприятия, и которые, поддержанные и усиленные ими, могут достигнуть наивысшей эффективности» [5, с.36].

По числу контактов с аудиторией телевидение сегодня не имеет соперников среди других видов массовой коммуникации. Неслучайно, что по мере привыкания общества к этому феномену ТВ становится центром осуществления публичной политической коммуникации.

Интенсивная экспансия шоу в политику свидетельствует о том, что публичная политика России пошла по пути шоу-бизнеса, работает на популярность, по законам шоу. К подобным выводам приходит в книге «Масс-медиа второй республики» И.И. Засурский. Он отмечает: «Из предвыборной кампании 1996 года политиками и владельцами СМИ было вынесено убеждение о том, что политика имеет смысл, а политик – будущее только постольку, поскольку это отражено в информационном поле средств массовой информации» [6, с.14].

Как пишет еще одна российская исследовательница А. Ю. Карпова, в реальной телевизионной практике классическая модель политического дискурса уступает место политическому шоу-дискурсу. В данном случае под классической моделью понимается создание телепроектов аналитической, социально значимой направленности, расширяющей функции интернального контроля, ответственности индивида за события, происходящие в обществе [7].

В телепроектах, созданных в жанре шоу-политики, зрелищность – главный закон, так как в буквальном смысле шоу – это представление. Реальность сегодняшних политических шоу находится под воздействием звездности политических шоуменов.

Телевизионное послание эмоционально знаково. Поэтому аудитория реагирует больше не на слова, а на их экспрессивную подачу, которая содержит для телезрителей больше информации, чем развернутые тезисы программы любого политика. Ведущий выстраивает линию поведения по законам шоу, итог –

зрелищность. Основная задача – спровоцировать экспрессию зрителей, повысить эмоциональный фон, отвлекая, таким образом, от главного – поиска решений обозначенных проблем.

Несмотря на появление множества новых носителей информации и активизацию видеоиндустрии в целом, телевидение остается самым большим по охвату аудитории в сравнении с аудиториями остальных масс-медиа. Этот факт является важным для современного PR-специалиста, когда возникает вопрос эффективной доставки PR-сообщения.

Теледебаты как реализация публичного PR-дискурса

В наше время телевидение стало основным источником развлечений для самой широкой аудитории. С этим связаны особенности подачи политической информации. С учетом развлекательной ценности телевидения при освещении политических кампаний всегда делается акцент на создании интриги и драматизации ситуации. Сам способ подачи информации тяготеет к представлению избирательной кампании в виде соревнования между политиками. В центре внимания телеканалов находятся не столько актуальные политические проблемы, сколько показатели рейтингов, подсчет голосов, повышение или падение популярности, громкие скандалы.

В связи с этим одним из самых эффективных способов влияния на общественное мнение являются теледебаты [8]:

- во-первых, как информационное шоу они априори несут в себе зрелищный и соревновательный элементы, поэтому в наибольшей степени отвечают развлекательной концепции телевидения;

- во-вторых, теледебаты обеспечивают персонификацию политических вопросов.

Как пишет В. Сороченко, теледебаты в наилучшей степени раскрывают личностные особенности участников избирательного процесса. Они концентрируют внимание зрителей на имидже кандидатов, а не на сущности политических проблем. Поэтому такой способ персонификации в полной мере соответствует как запросам массовой аудитории, так и интересам политических группировок.

Одной из важных технологий является правильная подача «своего» и «чужого» кандидата. Считается, например, что фронтальная съемка на уровне глаз вызывает «симпатию» у телезрителей, создает впечатления спокойствия и непринужденности участника теледебатов. Показ сверху (перспектива «птичьего полета») или снизу (перспектива «лягушки») вызывает антипатию, создает впечатление слабости и интеллектуальной пустоты кандидата. Если участники дебатов сильно отличаются по росту, часто применяется их одновременный показ: при этом выигрывает тот, кто выше. Кроме того, когда политика хотят показать с отрицательным оттенком, оператор несколько дольше фиксирует несимпатичные для зрителя особенности мимики и жестикуляции: закинутая нога за ногу, бегающий взгляд, избегающий собеседника и т. п. [8].

Помимо технических приемов существует множество психологических уловок, что помогает ведущему «подыграть» одному из участников дебатов и при этом

сохранить видимость объективности. Перечислим только некоторые из них, которые описывает вышеуказанный автор [8]:

1. *Эффект неожиданности.* Участник, которого нужно показать в выгодном свете, вопросы, которые задаст телеведущий, знает заранее, а для потенциально «негативного» персонажа они – полная неожиданность. И так как «лучший экспромт — это заранее подготовленный экспромт», «хороший» будет выглядеть более компетентно, соответственно, зрители воспримут его как человека, который лучше ориентируется в насущных проблемах страны и занимается реальными делами во благо народа.

2. *Вопросы и мнения телезрителей.* «Плохому» («негативному») достаются вопросы более сложные, «своему» («хорошему») – благожелательные и позитивные. По той же логике подбираются и мнения «простых людей с улицы».

3. *Грубое выведение из равновесия.* Простая человеческая логика – если чем-нибудь взволновать или разозлить соперника – он будет спорить и отвечать значительно хуже, чем обычно, и, следовательно, «проигрывать». «Выводить из себя» конкурента может как оппонент, так и телеведущий. «Например, он может не расслышать реплику или вопрос одного из участников, заставить повторить ее несколько раз. Прием особенно подходит, когда у политика неважная дикция. Журналист, ведущий теледебаты, может допускать пренебрежительные жесты или критические высказывания в адрес одного из соперников. Например: «Вы говорите слишком сложно и заумно, телезрители вас не понимают», «Говорите по сути», «Не говорите глупостей», «Смешно это слышать» и т.п. Все это принижает статус того участника дебатов, которому отведена роль «мальчика для битья» [8].

Помимо этого, существует ряд уловок, которые эффективны тогда, когда в теледебатах принимает участие трое и больше участников, например, таких как:

1. *Порядок очередности выступлений.* Участники отвечают на вопросы телеведущего по очереди, но в такой последовательности, что «хороший» политик получает слово последним. Поводом может быть принцип «отвечать по часовой стрелке» при «правильной» рассадке участников. Таким образом, «свой» политик воспринимается телезрителями как более влиятельный, поскольку он как бы подытоживает сказанное другими участниками.

2. *Принцип контраста.* На теледебаты приглашаются два соперника, известные своими плохими взаимоотношениями. Во время телеэфира они наверняка начнут сводить друг с другом счеты и вместо конструктивной полемики перейдут на личные оскорбления. На фоне двух скандалистов третий участник дебатов («свой») предстанет в более выгодном свете. Телезрители воспримут его как более компетентного политика, который «на самом деле беспокоится о народе».

Подводя итоги вышесказанного, можно сказать, что PR-дискурс является неотъемлемой частью эффективного осуществления политической власти. Поскольку информация в последнее время становится важнейшим компонентом развития и успешного функционирования всех сфер общественной жизни, в частности, политической, существует необходимость изучения и анализа

публичных дискурсов, политической коммуникации, что является инструментом в руках современного политического деятеля.

Политический дискурс составляет значительную часть нашего общения и имеет высокую степень аргументации для отстаивания точки зрения, оправдания или опровержения мнения или для получения одобрения от аудитории. В политическом дискурсе часто используются лексические и стилистические средства, что объясняется их большим аргументативным потенциалом, большой образностью, что важно, если учитывать, что эти тексты предназначены для публичных выступлений и призваны сразу завладеть вниманием слушателя, влиять на его чувства и эмоции.

Возможность внедрения результатов исследования в сферу социальной и политической коммуникации, а также возможность интегрирования в учебный процесс методологии анализа PR-дискурса, а также его конкретных результатов наделяет исследование практической значимостью.

Список литературы

1. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн / перевод с английского В. Г. Николаева. – М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. – 464 с.
2. Доверие к информации: социологический опрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=308>.
3. Доверие российским СМИ: социологический опрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12140>.
4. Гидденс, Э. Социология / Э.Гидденс / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
5. Бурдые, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые / перевод с французского: Т.А.Анисимова, Ю.В.Маркова, Н.А.Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 162 с.
6. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики / И.И. Засурский. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 272 с.
7. Карпова А. Ю. Шоу-политика или шоу в политике / А.Ю. Карпова // Власть. – 2013. – №8. – С.107 – 109.
8. Сороченко В. А. Теледебаты как избирательная технология / В.А.Сороченко. – 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adno.ru/technology/12591.html.
9. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / Жан Бодрийяр // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 1999. – С. 193–226.
10. Брайант Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант, С. Томпсон [пер. с англ.]. – М.: Издательский дом «Вильямс», 404. – 432 с.
11. Браун Дж. Техники воздействия: от пропаганды до промывания мозгов / Дж. Браун // Как «переключают» народы. Психологические / информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке / Почепцов Г. – Киев – 1998. – 182с.

Halanskaya L.G., Basamak M.S. Ways of Carrying out a Political PR Television Discourse in Modern Russia // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 49-57.

Today the television represents one of the main instruments of political manipulations. In this article the essence of the public PR-discourse which is carried out on television, expressed in the form of debates and political "shows". The aim of this work is the consideration of television as a translator of socially influential PR-discourse. To achieve this goal identifies a number of objectives, such as:

1. To identify the role of television and to determine the degree of confidence in him, compared to other means of modern mass communication;
2. To consider the debates as a case study of effective television PR-discourse;
3. To allocate equipment (techniques and tricks) used in the framework of the debates allowing to influence an audience.

The object of this article is to television as an influential medium of communication in modern society and are used in television funds PR-discourse.

PR-discourse is an integral part of the effective exercise of political power. Since the information has recently become a crucial component of development and successful functioning of all spheres of public life, particularly political, there is a need to study and analysis of public discourses, political communication is a tool in the hands of the modern politician.

Political discourse is a significant part of our communication and has a high degree of argumentation to defend the point of view, the justification or refutation of the opinions or approval from the audience. In political discourse are often used lexical and stylistic means because of their large argumentative potential, great imagery, which is important, given that these texts are intended for public speaking and are designed to immediately capture the listener's attention, to influence his feelings and emotions. The possibility of introducing the results of research in the field of social and political communication, and the ability to integrate into the learning process methodology of analysis of PR discourse and its concrete results gives the research practical significance.

Key words: PR discourse, political struggle, television, politics, the debates.

References

1. Maklyuen, G. M. Understanding of Media: external expansions the person / G. M.Maklyuen / translation from the English V. G. Nikolaev. – M.: Hyper Boreas; Kuchkovo field, 2007. – 464 p.
2. Trust to Information: the Sociological Poll [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=3080>.
3. Trust to the Russian Mass Media: the Sociological Poll [Electronic resource]. – Access mode: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12140>.
4. Giddens, A. The Sociology / A.Giddens / science edition V. A. Yadov; general edition of L. S. Guryeva, L. N. Posilevich. – M.: Editorial of URSS, 1999. – 703 p.
5. Bourdieu, P. About Television and Journalism. Translation from French / P.Bourdieu: T.A.Anisimova, Y.V.Markov, N.A.Shmatko. – M.: Institute of experimental sociology, 2002. – 162 p.
6. Zasursky, I. I. Mass Media of the Second Republic / I.I.Zasursky. - M.: MSU publishing house, 1999. – 272 p.
7. Karpova, A.Y. Show -Policy or Show in Policy / A.Y. Karpova // Power. – 2013. – №. 8. – P. 107-109.
8. Sorochenko, V.A. Televised Debates as Selective Technology / V.A.Sorochenko. – 2002. - [Electronic resource]. – Access mode: adno.ru/technology/12591.html
9. Bodriyar, J. The Requiem on Mass Media / Jean Bodrilliar // Poetics and Policy: Almanac of the Russian-French Center of Sociology and Philosophy of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. – M.: Institute of experimental sociology; SPb.: Alateya. – 1999. – P. 193-226.
10. Bryant, D. Bases of Influence of Mass Media / D.Bryant, S.Thompson. – M.: Williams publishing house, 2004. – 432 p.
11. Braun J. Technology of Influence: from Promotion before Washing of Brains / J.Brown // As "Switch" the People. Psychological / Information Operations as Technologies of Impact on Mass Consciousness in the XX Century. / Pocheptsov G. – Kiev – 1998. – 182 p.

УДК 32.019.51

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: ЭФФЕКТ «СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ» В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Гаспарян Л. С., Данченко Н. Ю., Обшарская А. В., Гуснетова А. И.

В основу статьи положена работа немецкой исследовательницы общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман «Открытие спирали молчания», согласно которой лишение возможности информационного общения ведет к социальному недовольству определенных групп, и, как следствие, - к росту социально-политической напряженности в обществе. СМИ оказывают огромное влияние на то, как изображается общественное мнение и формируются индивидуальные предпочтения. Интенсивность коммуникации в СМИ, в свою очередь, может служить одним из механизмов определения того, какие группы людей активно участвуют в общественной жизни через выражение своего собственного мнения, а какие, напротив, находятся в изоляции.

В статье на примере Республики Крым анализируется этнически окрашенная информация, передаваемая в массовое сознание через СМИ. Анализируется содержание информационных сообщений и пропорциональная представленность этнических групп в крымских СМИ.

Ключевые слова: общественное мнение, СМИ, этническая группа, этническая информация.

Его изучают, к нему прислушиваются, и некоторые даже осмеливаются
утверждать, что оно – травит...

Г. Любарский

Повышенный интерес современных исследователей к общественному мнению вполне закономерен: будучи одним из главных регуляторов социальных отношений, общественное мнение принадлежит к числу явлений, которые с большим трудом поддаются всестороннему анализу и общепризнанному определению [1, с. 164]. Подразумевается, что общественное мнение выражает устремление и отношение общества к определенным фактам, событиям и процессам, формируя своеобразный «заказ» для государства, но одновременно оно (общественное мнение) оказывает влияние на самих людей, чьи агрегированные индивидуальные мнения его составляют. Особо значимым аспектом исследования общественного мнения является изучение связи между процессом его формирования, выражения,

функционирования и существующим уровнем социальной напряженности в обществе, социальных настроений и самочувствия.

Наиболее значимой в этом отношении принято считать работу немецкой исследовательницы общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман «Открытие спирали молчания» [3]. В 1960 – 80-е гг. Э. Ноэль-Нойманн сотрудничала, а затем возглавляла Институт демоскопии в Алленсбахе (ФРГ), который занимался изучением электората при обеспечении выборов в бундестаг. Опираясь на работы социологов и социальных психологов, в частности, П. Лазарсфельда, Р. Мертсона и К. Ховланда, она доказала зависимость индивидуальных мнений и установок от оценки мнений других людей, выразителем которых являются СМИ [2].

По ее мнению, общественное мнение формируется благодаря существованию психологического механизма, который назван «спираль молчания». Эта спираль закручивается тогда, когда люди, не желая оказаться в изоляции, постоянно наблюдают за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение убывает, а какое усиливается. Те люди, которые видят, что их мнение вызывает поддержку, начинают его открыто высказывать, те же, чье мнение не поддерживают, погружаются в молчание. Затем возникает оптический или акустический обман (иллюзия), мнение, которое произнесено вслух – это мнение большинства, то же мнение, которое не выражено, кажется мнением меньшинства. Ситуация, когда одни ориентированы на выражение своего мнения, а другие – на его сокрытие, приводит к нарастанию спиралеобразного процесса. В ходе него устанавливается доминирование какой-то одной точки зрения, а другие группы людей фактически исключаются из активной общественной жизни. Лишение возможности информационного общения ведет к социальному недовольству данных групп, и, как следствие, – росту социально-политической напряженности [3].

СМИ оказывают огромное влияние на то, как изображается общественное мнение, и могут сильно влиять на индивидуальное восприятие, независимо от того, соответствует ли описание действительности [4]. Реальная власть СМИ, по мнению Ноэль-Нойман, состоит в том, что они могут сделать большинство – меньшинством. Ноэль-Нойман описывает спираль молчания как динамический процесс, в котором прогнозы относительно общественного мнения становятся фактом, поскольку освещение мнения большинства в СМИ становится статусом-кво. Меньшинство, в свою очередь, всегда остается в тени, избегая социальной изоляции и присоединяясь к тем мнениям, которые, как ему кажется («по данным» субъективной статистики), имеют широкий «охват». Основным фактором, определяющим закручивание спирали, является страх перед изоляцией, негативной реакцией окружения, создающей слишком большие риски для индивида [3].

СМИ создают публичное пространство, из которого каждый конкретный индивид черпает свое представление об общественном мнении. В рамках данного подхода в 1970-е гг. появилась концепция «повестки дня», суть которой состоит в том, что «пресса не может заставить людей думать определенным образом, но может указать читателям, о чем думать». Это определение получило эмпирическое подтверждение во время исследования президентских выборов 1968 г., проведенного М. Маккомбсом и Д. Шоу. Найдя почти совершенную

корреляционную зависимость между политическими предпочтениями избирателей и содержанием сообщений средств массовой информации, они утверждали, что именно СМИ формируют политические предпочтения избирателей. Дальнейшее изучение влияния средств массовой информации на общественное мнение послужило выделению С. Янгаром такого понятия, как «структурирование», что означает способ подачи новостей средствами массовой информации. Эффекты структурирования, в свою очередь, зависят от контекстуальных акцентов, расставленных внутри новостей и воздействующих на избирателей в момент принятия решения определенным образом, необходимым коммуникатору. Эффект структурирования складывается из отбора информации, ее объема и частоты подачи, использования ключевых слов и выражений, видео- и звукооряда, позволяющих сделать расстановку содержательных и оценочных эффектов и связать их со знакомой мировоззренческой символикой; смысловых клише, упрощающих восприятие; интонационной окраски и выражения лица комментатора, наделяющих нейтральный в содержательном смысле текст эмоциональной окраской и др. Таким образом, концепция структурирования рассматривает СМИ как силу, манипулирующую практически пассивной в восприятии сообщений аудиторией.

Об использовании СМИ как механизма формирования поведения и общественного мнения говорит и Дж. Цаллер. Данное утверждение было сделано в результате эмпирического исследования, проведенного Дж. Цаллером во время президентских выборов и выборов на пост главы Демократической партии в США в 1984г. Дж. Цаллер строит три коммуникативные модели, в которых и подтверждается гипотеза о том, что влияние СМИ возрастает с увеличением числа полученных сообщений, а влияние это может принимать совершенно определенную форму, зависящую от относительной интенсивности коммуникативных потоков [5, с. 77 – 79].

Таким образом, интенсивность коммуникации в СМИ может служить одним из механизмов определения того, какие группы людей активно участвуют в общественной жизни через выражение своего собственного мнения, а какие, напротив, не имеют возможности выразить свое мнение, и, тем самым, говоря языком Ноэль-Нойман, находятся в изоляции, постоянно накапливая социальное недовольство, часто перетекающее в политический протест [3].

В условиях интеграции Крыма в российское политическое, социально-экономическое и правовое пространство этнополитические и этносоциальные процессы в Крыму приобрели принципиально новые контуры развития. Эти процессы имеют особое преломление в связи с наличием в крымском сообществе внутреннего этноконфликтного потенциала, связанного с сосуществованием и взаимодействием трёх доминирующих в статистическом отношении этнических групп: русских, украинцев и крымских татар [6]. Этнически окрашенная информация, передаваемая в массовое сознание через СМИ, может быть толерантной, а может быть и конфликтной. То есть может способствовать стабильности и спокойствию в обществе, интегрируя полиэтническое население, но может его и дезинтегрировать, разбивать на противостоящие группы.

С точки зрения информационно-стратификационного закона, несоблюдение которого ведет к возникновению информационного неравенства граждан, а также росту на этой почве социально-политической напряженности и нестабильности в обществе [7], интересно проследить, насколько пропорционально (структурированному составу населения) представлены интересы различных этнических групп, проживающих в Республике Крым в средствах массовой информации.

Цель исследования – проследить, насколько пропорционально представлены различные этнические группы в крымском информационном пространстве.

Задачи:

- определить единицы анализа;
- произвести количественный подсчет упоминаний искомых единиц;
- определить, как представлены этнические группы в крымском информационном пространстве.

Объект – этническая информация в СМИ Крыма.

Предмет – ее представленность по этническим группам.

Исследуемый период: с 1 октября 2014 года по 1 октября 2015 года.

Описание выборки

При выборе СМИ учитывались следующие критерии: 1) охват аудитории; 2) рейтинг цитирования и 3) наличие интернет-архива.

Для анализа были выбраны следующие крымские СМИ:

- информ-агентство Крыминформ (ежедневная аудитория – от 30 до 100 тысяч, индекс цитирования 668,02, есть интернет-архив),
- газета Крымская правда (тираж – 45 тысяч, индекс цитирования 8,99, есть интернет-архив),
- Крымская газета (индекс цитирования 13,70, является официальным изданием властей, есть интернет-архив).

Следует сказать, что изучение проблем освещения этнических групп в СМИ в Республике Крым находится на начальной стадии, что придает данному исследованию несомненную актуальность.

Этническая информация в прессе – это, прежде всего, упоминания в публикациях о народах и странах, о национальных или этнических обычаях и ценностях. В некоторых случаях это могут быть упоминания в публикациях стран или республик, ассоциированных в массовом сознании с определенными этническими группами (Грузия, Белоруссия, Казахстан, Татарстан), а также упоминание в публикациях слов, связанных с этничностью: национализм, шовинизм, национал-экстремизм и др [8].

Сразу следует отметить, что мы не ставили задачу определить форму и направленность передачи этнической информации (хотя подобная работа могла бы быть достаточно полезной для изучения работы крымских СМИ), для нас важно было определить количество сообщений в СМИ с тем, чтобы своевременно можно было говорить о росте этнической напряженности.

Итак, согласно результатам переписи 2014 года, этнический состав Крымского федерального округа представлен следующим образом:

Национальность	Численность	% от указавших свою национальность
Русские	1492078	67,90
Украинцы	344515	15,68
Крымские татары	232340	10,57
Татары	44996	2,05
Белорусы	21694	0,99
Армяне	11030	0,50
Азербайджанцы	4432	0,20
Узбеки	3466	0,16
Молдаване	3147	0,14
Евреи	3144	0,14
Корейцы	2983	0,14
Греки	2877	0,13
Поляки	2843	0,13
Цыгане	2388	0,11
Чуваши	1990	0,09
Болгары	1868	0,09
Немцы	1844	0,08
Мордва	1601	0,07
Грузины	1571	0,07
Турки	1465	0,07
Таджики	874	0,04
Марийцы	801	0,04
Караимы	535	0,02
Крымчаки	228	0,01
другие	12854	0,58

Этносы, состав которых в населении Крыма представлен более чем 10 %, были определены как доминирующие, это русские, украинцы, крымские татары. По ним подсчет проводится за каждый месяц.

Что касается оставшихся 17-ти этносов, фигурировавших в переписи, то их упоминания были подсчитаны не по месяцам, а за весь исследуемый период.

Результаты исследования. Ввиду того, что в выборку вошли три источника (информ-агентство Крыминформ, газета «Крымская правда» и «Крымская газета», первоначально результаты будут представлены по каждому из них.

Информ-агентство Крыминформ

Табл. 1

Этнос	Данные переписи, %	СМИ	
		частота	%
Русские	67,90	52	18,37
Украинцы	15,68	40	14,13
Крымские татары	10,57	170	60,07
Татары	2,05	1	0,35
Белорусы	0,99	0	0
Армяне	0,50	6	2,12
Азербайджанцы	0,20	1	0,35
Узбеки	0,16	0	0
Молдаване	0,14	0	0
Евреи	0,14	6	2,12
Корейцы	0,14	0	0
Греки	0,13	0	0
Поляки	0,13	0	0
Цыгане	0,11	1	0,35
Чуваши	0,09	0	0
Болгары	0,09	1	0,35
Немцы	0,08	3	1,06
Мордва	0,07	0	0
Грузины	0,07	0	0
Турки	0,07	2	0,7

Исходя из полученных результатов, мы видим, что информация о трех доминирующих этнических группах представлена обратно пропорционально существующему структурированному составу населения, что свидетельствует об изоляционной политике издательства относительно одной из доминирующих этнических групп и, как следствие, возможном росте социально-политической напряженности среди своих читателей.

В таблице 2 представлены данные относительно наличия этнической информации в информагентстве «Крыминформ» по месяцам.

Табл. 2

Период	Русские		Украинцы		Крымские татары		Всего	
	частота	%	частота	%	частота	%	частота	%
Октябрь 2014	4	10,8	6	16,1	25	67,3	35	100
Ноябрь 2014	5	36,2	2	14,5	6	43,5	13	100

Декабрь 2014	4	19,8	5	24,8	10	49,6	19	100
Январь 2015	3	11,3	6	22,6	16	60,3	25	100
Февраль 2015	5	27,7	2	11,1	10	55,4	17	100
Март 2015	3	15,7	1	5,2	14	73,3	18	100
Апрель 2015	5	21,4	1	4,3	16	68,5	22	100
Май 2015	5	16,2	6	19,5	18	58,5	29	100
Июнь 2015	9	36,9	2	8,2	12	49,1	23	100
Июль 2015	0	0	1	5,9	15	88,3	16	100
Август 2015	2	13,5	3	20,2	9	60,6	14	100
Сентябрь 2015	7	21,3	5	15,2	19	57,7	31	100

При анализе динамики упоминаний этнических групп за год сложилась следующая картина:

Русские:

- min – июль 2015, упоминаний нет
- max – июнь 2015, 36,9 %

Украинцы:

- min – апрель 2015, 4,3 %
- max – декабрь 2014, 24,8 %

Крымские татары:

- min – ноябрь 2014, 43,5 %
- max – июль 2015, 88,3 %

Информационным поводом, который обусловил наибольшее кол-во упоминаний о крымскотатарском этносе в июле 2015, послужил Всемирный конгресс крымских татар в Турции. Наибольшее кол-во упоминаний русских в июне 2015 было вызвано проведением фестиваля «Великое русское слово».

Среди 17-ти малочисленных (меньше 10 %) этносов встречаются упоминания 8-ми, больше всего – армян и евреев, по 2,1 % соответственно.

При анализе информационных сообщений, вышедших в «Крымской газете» (Табл. 3), мы видим, что представленность этнических групп также не отражает общую структуру этнического состава населения Республики Крым. Ограничение возможности информационного общения может быть свидетельством роста социального недовольства.

Табл. 3

Этнос	Данные переписи, %	СМИ	
		Частота	%
Русские	67,90	199	21,0
Украинцы	15,68	46	4,9
Крымские татары	10,57	273	28,8
Татары	2,05	34	3,6
Белорусы	0,99	7	0,7
Армяне	0,50	90	9,5
Азербайджанцы	0,20	21	2,2
Узбеки	0,16	1	0,1
Молдаване	0,14	13	1,4
Евреи	0,14	39	4,1
Корейцы	0,14	29	3,1
Греки	0,13	83	8,8
Поляки	0,13	23	2,4
Цыгане	0,11	7	0,7
Чуваши	0,09	1	0,1
Болгары	0,09	38	4,0
Немцы	0,08	39	4,1
Мордва	0,07	0	0,0
Грузины	0,07	4	0,4
Турки	0,07	1	0,1

В таблице 4 представлены данные относительно наличия этнической информации в «Крымской газете» по месяцам.

Табл. 4

Период	Русские		Украинцы		Крымские татары		Всего	
	частота	%	частота	%	частота	%	частота	%
Октябрь 2014	-	-	-	-	-	-	-	-
Ноябрь 2014	-	-	-	-	-	-	-	-

Декабрь 2014	-	-	-	-	-	-	-	-
Январь 2015	-	-	-	-	-	-	-	-
Февраль 2015	20	33,64	2	3,36	34	57,19	56	100
Март 2015	28	33,82	8	9,66	42	50,72	78	100
Апрель 2015	34	24,45	11	7,91	86	61,84	131	100
Май 2015	26	36,02	7	9,7	35	48,49	68	100
Июнь 2015	50	51,76	11	11,39	30	31,05	91	100
Июль 2015	13	58,31	1	4,49	7	31,4	21	100
Август 2015	16	40,74	3	7,64	18	45,83	37	100
Сентябрь 2015	12	31,4	3	7,85	21	54,95	36	100

При анализе динамики за год сложилась следующая картина:

Русские:

- min – апрель 2015, 24,5 %
- max – июнь 2015, 58,3 %

Украинцы:

- min – июль 2015, 4,5 %
- max – июнь 2015, 11,4 %

Крымские татары:

- min – июнь 2015, 31,1 %
- max – апрель 2015, 61,9 %

Увеличение количества упоминаний крымскотатарского этноса в апреле связано с Днем памяти жертв депортации народов Крыма (18 мая). Наибольшее количество упоминаний русских в июне 2015 обусловлено проведением фестиваля «Великое русское слово».

Газета «Крымская правда»

Газета «Крымская правда» оказалась единственным источником, где доминирующие этнические группы представлены пропорционально структурированному составу населения:

Табл. 5

Этнос	Данные переписи, %	СМИ	
		частота	%
Русские	67,90	699	41,4
Украинцы	15,68	383	22,7
Крымские татары	10,57	322	19,1
Татары	2,05	0	0
Белорусы	0,99	15	0,9
Армяне	0,50	114	6,8
Азербайджанцы	0,20	4	0,2
Узбеки	0,16	7	0,4
Молдаване	0,14	2	0,1
Евреи	0,14	42	2,5
Корейцы	0,14	2	0,1
Греки	0,13	18	1,1
Поляки	0,13	15	0,9
Цыгане	0,11	6	0,4
Чуваши	0,09	2	0,1
Болгары	0,09	14	0,8
Немцы	0,08	30	1,8
Мордва	0,07	1	0,1
Грузины	0,07	6	0,4
Турки	0,07	6	0,4

В таблице 6 представлены данные относительно наличия этнической информации в «Крымской правде» по месяцам.

Табл. 6

Период	Русские		Украинцы		Крымские татары		Всего	
	частота	%	частота	%	частота	%	частота	%
Октябрь 2014	71	47,8	25	16,8	44	29,6	140	100
Ноябрь 2014	47	54,7	26	30,2	8	9,3	81	100
Декабрь 2014	66	58,1	30	26,4	11	9,7	107	100
Январь 2015	51	51,7	34	34,4	8	8,1	93	100
Февраль 2015	69	50,4	45	32,9	15	10,9	129	100
Март 2015	66	44,1	36	24,01	39	26,01	141	100

Апрель 2015	70	49,6	24	17	39	27,6	133	100
Май 2015	83	61,6	20	14,8	24	17,8	127	100
Июнь 2015	54	47,1	33	28,8	21	18,3	108	100
Июль 2015	44	41,9	24	22,8	31	29,5	99	100
Август 2015	54	39,1	24	17,4	52	37,7	130	100
Сентябрь 2015	24	26,3	32	35	30	32,9	86	100

При анализе динамики за год сложилась следующая картина:

Русские:

- min – сентябрь 2015, 26,3 %
- max – май 2015, 61,6 %

Украинцы:

- min – май 2015, 14,8 %
- max – февраль 2015, 32,9 %

Крымские татары:

- min – январь 2015, 8,1 %
- max – август 2015, 37,7 %

Событием, которое послужило причиной наибольшего количества упоминаний крымских татар, является прошедший в июле конгресс крымских татар в Турции.

Практически все остальные этносы, которые были отнесены к малочисленным (меньше 10 %), имеют хотя бы одно упоминание. Больше всего упоминаний у армян, что обусловлено вниманием газеты к теме армянского геноцида.

Ввиду того, что целью нашего исследования было проанализировать не работу отдельного СМИ, а определить, как представлены доминирующие этнические группы в крымском информационном пространстве, мы составили таблицу представленности этнических групп по всем анализируемым СМИ.

Табл. 7

Период	Русские		Украинцы		Крымские татары	
	частота	%	частота	%	частота	%
Октябрь 2014	75	42,86	31	17,71	69	39,43
Ноябрь 2014	52	55,32	28	29,79	14	14,89
Декабрь 2014	70	55,56	35	27,78	21	16,67
Январь 2015	54	45,76	40	33,90	24	20,34
Февраль 2015	94	46,53	49	24,26	59	29,21
Март 2015	97	40,93	45	18,99	95	40,08

Апрель 2015	109	38,11	36	12,59	141	49,30
Май 2015	114	50,89	33	14,73	77	34,38
Июнь 2015	113	50,90	46	20,72	63	28,38
Июль 2015	57	41,91	26	19,12	53	38,97
Август 2015	72	39,78	30	16,57	79	43,65
Сентябрь 2015	43	28,10	40	26,14	70	45,75

В таблице 8 представлены данные представленности этнических групп за весь исследуемый период в сравнении с данными переписи.

Табл. 8

	Данные переписи, %	Представленность в СМИ, %
Русские	67,9	32,9
Украинцы	15,68	15,2
Крымские татары	10,57	26,5
Другие	5,85	25,4

Из таблицы 8 видно, что о пропорциональной представленности в крымском информационном пространстве можно говорить относительно одной этнической группы – украинцев. Для двух других доминирующих этнических групп наблюдается значительное несоответствие с разной направленностью. Доля представленности русских в информационном пространстве в 2 раза меньше по сравнению с их численностью, тогда как представленность крымских татар – в 2,5 раза больше. Если говорить о совокупном показателе других этнических групп в информационном пространстве, то он более чем в 4 раза превышает их численность.

Полученные данные свидетельствуют о том, что представленность этнических групп не соответствует статистической структуре этносов. Непропорциональная информационная представленность может быть причиной неравных возможностей для информационного общения и самоидентификации данных групп в политической, экономической, культурной и других сферах общественной жизни.

Таким образом, подводя итог, следует сказать, что на сегодняшний день в Республике Крым наблюдается определенная диспропорция представленности этнических групп в информационном пространстве. Природа данной диспропорции может быть различна, что требует более детального изучения, в том числе с учетом расширения временных рамок исследуемых массивов.

Список литературы

1. Клименко О. А., Патухин А. А. Исследование процесса формирования общественного мнения с использованием клеточных автоматов // Молодой ученый. – 2014. – № 16. – С. 161 – 164.
2. Ноэль-Нойман Э. Гипотеза «спирали молчания» [Электронный ресурс] // RL: <http://studopedia.org/10-124499.html>
3. Общественное мнение: открытие спирали молчания [Текст] / Э. Ноэль-Нойман; пер. с нем.; под общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
4. Ноэль Э. Массовые опросы : введение в методику демоскопии / Э. Ноэль ; пер. с нем., общ. ред., вступ. ст. Н. С. Мансурова. – Москва: Прогресс, 1978. – 380 с.
5. Стариков А.Г. Масс-медиа современной России / А.Г. Стариков. – Ростов н/Д, 2013. – 250 с.
6. Сеньюшкина Т.А. Раннее предупреждение этнических и религиозных конфликтов: крымский опыт [Электронный ресурс] // Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов»/ URL : <http://ta.cfuv.ru/novosti/xxi-ezhegodnyj-seminar-seti-etnologicheskogo-monitoringa-i-rannego-preduprezhdeniya-etnicheskix-konfliktov>
7. Киричѐк П. Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация [Текст] / П. Н. Киричѐк // СОЦИС. – 2007. – № 10. – С. 86 – 96.
8. Малькова В.К. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности [Электронный ресурс] // URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/vk_malkova.html (01.03.2013).

Information Impact on Public Opinion: The Effect of "The Spiral of Silence" in Regional Measurement // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 58-71.

In the basis of this article is fixed the work of German research of public opinion Elizabeth Noelle-Neumann "The Spiral of Silence". In her opinion, the public opinion is formed due to existence of the psychological mechanism which is called "a silence spiral". This work shoes that the privation of possibility of informational communication leads to social dissatisfaction of certain groups, and, as a result, - to the height of socio-political tension. Mass media exerts a huge impact on how the public opinion is represented and individual preferences are formed. Intensity of communication in mass media can be the one of mechanisms of definition of what groups of people actively participate in public life through expression of own opinion and what, on the contrary, are in isolation.

In the article on the Crimean example analyzed ethnically painted information transferred to mass consciousness through mass media. Analyzed the maintenance of information messages and proportional representation of ethnic groups in the Crimean mass media.

Key words: public opinion, mass-media, ethnic group, ethnic information.

References

1. Klimenko O. A., Patukhin A. A. The Public Opinion Formation Process Research Using Cellular Automaton // Young Scientist. – 2014. – №16. – p. 161-164.
2. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence Theory [Web source] // Studopedy [Site], M. – 2010. URL: <http://studopedia.org/10-124499.html>
3. The Public Opinion: the Spiral of Silence Finding [Text] / E. Noelle-Neumann; trans. from German; under the gen. red. and foreword by N. S. Mansurov. – M.: Progress-Academy, The Whole World, 1996. – 352 p.
4. Noelle E. Mass Surveys: An Introduction to the Demoscopy Technique / E. Noelle; trans. from German; under the gen. red., art. foreword N. Mansurov. – Moscow: Progress, 1978. – 380 p.
5. Starikov A. G. Mass Media of Modern Russia / A. G. Starikov. – Rostov o/D , 2013. – 250 p.
6. Senyushkina T. A. The Early Warning of Ethnic and Religious Conflicts: Crimean Experience [Web source] // The publication was prepared within the framework of a research project supported by the

- Russian Foundation for Humanities № 15-31-10178 «Ethnic and Ethno-political Map of Crimea. Monitoring and Early Warning Organization of Ethnic and Religious Conflicts» / URL: <http://ta.cfuv.ru/novosti/xxi-ezhegodnyj-seminar-seti-etnologicheskogo-monitoringa-i-rannego-preduprezhdeniya-etnicheskix-konfliktov>
7. Kirichek P. N. Modern Information Policy: the Transformation Imperative Modus [Text] / P. N. Kirichek // SOCIS. – 2007. – № 10. – p. 86-96.
8. Malkova V. K. Russian Press and the Problems of Ethnic Tolerance and Conflict [Web resource] // GBI Moscow House of Nationalities: [site]. – M., 2005. URL:http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/vk_malkova.htm 1 (01.03.2013).

УДК 908(470+571)-058.238"1914-1920":050]:32.00

КРЫМСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ)

Филимонов С. Б.

В статье рассматривается деятельность знаменитой крымоведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии – в экстремальных политических условиях Первой мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) и характеризуется ее вклад в экологию культуры.

Ключевые слова: Крым, интеллигенция, культура, Таврическая ученая архивная комиссия, Первая мировая война, Гражданская война.

Начиная с 1884 года в Российской империи практически повсеместно создаются губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), вошедшие в историю отечественного краеведения как организации, внесшие особенно большой вклад в дело сохранения культурно-исторического наследия [18]. 24 января (5 февраля) 1887 года в Симферополе была учреждена Таврическая ученая архивная комиссия, ставшая по времени образования седьмой среди ГУАК, существовавших в дореволюционной России. Вскоре после 1917 года ГУАК либо вовсе прекращают свое существование, либо преобразуются в краеведческие или историко-краеведческие общества [16, с. 29 – 30].

В течение почти полувека (1887–1931) вопросы истории Крыма, этнографии его народов, охраны и использования многочисленных и разнообразных памятников истории и культуры энергично разрабатывались старейшей и авторитетнейшей в Крыму краеведческой организацией, в 1887–1923 гг. именовавшейся Таврической ученой архивной комиссией (ТУАК), в 1923–1931 гг. Таврическим обществом истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ). В деятельности ТУАК – ТОИАЭ живое участие принимал весь цвет крымской многонациональной интеллигенции, видные общественные деятели Крыма, представители духовенства, а также крымоведы из других регионов страны. Вышедшие в 1887–1920 гг. 57 томов «Известий» ТУАК представляют собой, по оценке члена ТУАК академика И.Ю. Крачковского, «своеобразную энциклопедию по истории и культуре Крыма, которая

еще долго будет служить путеводной нитью для всех исследователей края» [17, с. 30].

С тем, чтобы ответить на вопрос, чем была озабочена ТУАК в годы Первой мировой и Гражданской войн, я обратился к ее делопроизводственным и научным материалам за 1914–1920 годы. И вот о чем они поведали.

К моему недоумению, протоколы заседаний ТУАК и ее отчет за 1914 год не содержат ни одного свидетельства влияния войны на деятельность как Комиссии в целом, так и отдельных ее членов. Думается, что этот факт можно объяснить тыловым положением Крыма, в 1914 году еще не успевшего в полной мере ощутить влияния войны.

Но вот отчет о деятельности ТУАК за 1915 год, составленный ее председателем знаменитым крымским ученым и патриотом России Арсением Ивановичем Маркевичем (1855–1942), начинался следующими словами: «Титаническая борьба, которую ведет в настоящее время наше отечество с его исконными врагами, требующая напряжения всех сил, и материальных, и духовных, сосредотачивающая на себе внимание каждого из русских граждан, не могла не отразиться и на скромной деятельности Таврической ученой архивной комиссии в истекшем году. Некоторые из ее членов принимали и принимают личное участие в борьбе с врагом службой в рядах воинов и участием в трудах разных общественных организаций, вызванных войной; некоторые понесли много тяжелых испытаний, причиненных военными обстоятельствами. Поэтому не все предположения Комиссии были осуществлены в отчетном году, и, между прочим, не могло быть исполнено обследование архивов Таврической губернии» [7, с. 245].

Отчет о деятельности ТУАК за следующий 1916 год также начинался с характерного заявления: «Подобно отчетам за два предыдущих года, и настоящий отчет свой Таврическая ученая архивная комиссия считает долгом начать указанием на тот переживаемый всей Россией и всем миром исторический момент, который определяет все наши мысли, чувства, желания и чаяния и в значительной степени направляет нашу работу на пользу Родины».

Отчет ТУАК за 1916 год [8, с. 368 – 381] дает конкретное представление о деятельности членов ТУАК в годы войны. Из него явствует, что архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), состоявший членом ТУАК с 1912 года, «в начале отчетного года (1916-го. – С. Ф.) продолжал свой благостный подвиг, начатый им в половине 1915 года, в качестве рядового священника на одном из кораблей Черноморского флота, и принимал участие в военных действиях этого корабля и взятии нескольких мест на северном побережье Малой Азии». Дополнительные разыскания о трудах владыки в годы войны позволили уточнить, что архиепископ Димитрий в качестве священника служил 11 месяцев – с мая 1915 года по апрель 1916-го; что служил он на броненосце «Пантелеймон», который ранее, до октября 1905 года, назывался «Князь Потемкин-Таврический» и был тем самым броненосцем, на котором в июне 1905 года произошло ставшее знаменитым восстание матросов; что одновременное пребывание владыкой Димитрием в должностях и архиепископа, и священника стало первым в истории Русской Православной Церкви такого рода опытом; что «во внимание к отлично-усердному

служению Церкви Божией и доблестным трудам, понесенным во время военных действий», 30 апреля 1916 года архиепископ Димитрий был награжден орденом святого благоверного князя Александра Невского с мечами [12, с. 146 – 176].

Члены ТУАК – офицеры русской армии генералы М. А. Сулькевич и Э. В. Экк, полковники Г. С. Габаев и Н. М. Печенкин, как сказано в отчете ТУАК за 1916 год, «работали на поле брани». Непременный попечитель ТУАК таврический губернатор Н. А. Княжевич «нес в отчетном году громадные труды, вызванные обстоятельствами военного времени, по продовольствию населения, сооружению и оборудованию санаторий и лазаретов для эвакуированных в Таврическую губернию раненых и больных воинов, сооружению железных дорог в крае, призрению беженцев и т. д.» Ряд членов ТУАК – граф П. Н. Апраксин, Л. М. Савелов и др. – работали в учреждениях Красного Креста и различных комитетах. Член ТУАК Я. Т. Харченко был главноуполномоченным от Таврической губернии в общеземском союзе по снабжению армии и населения продовольствием. За недостатком врачей-хирургов в г. Симферополе на долю члена ТУАК доктора Д. А. Благовещенского выпала громадная работа по оказанию хирургической помощи раненым в местных лазаретах, более того, он нашел способ избавлять оперативным путем больных от глухоты и немоты, происшедших от контузий и потрясений в боях. Несколько членов ТУАК – женщин (Е. Б. Княжевич, Е. Ф. Кесслер, А.С. Харченко и А. Н. Маркевич) вошли в состав Дамского Кружка при Губернском комитете по оказанию помощи воинам. А член ТУАК С. А. Мокржецкий, будучи директором Симферопольской помологической станции, энергично развивал опыты по культуре лекарственных растений в казенном имении Салгирка (бывший Воронцовский сад, ныне – Ботанический сад им. Н. В. Багрова Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского); как подчеркивалось в отчете ТУАК за 1916 год, «эта отрасль культуры лекарственных трав в Тавриде, начатая уже давно, приобретает в настоящее время особенно важное значение как для потребностей нашей армии, так и в интересах всего населения государства».

Как видим, отчеты о деятельности ТУАК за годы Первой мировой войны являются ценным источником и по истории Крыма этого периода в целом. Они свидетельствуют о том, что крымчане – члены ТУАК, охваченные чувством патриотизма (в формировании этого чувства, несомненно, важная роль принадлежала ТУАК), энергично трудились на нужды военного времени.

В годы войны ТУАК продолжала многие начатые еще в довоенный период работы, направленные на охрану и использование разнообразных памятников отечественной истории и культуры. Но в годы войны особенно важным направлением деятельности краеведческих организаций России становится собирание, сохранение и изучение материалов по истории войны [16, с. 174 – 176]. К этим работам в 1915 году подключилась и ТУАК. Вот как это случилось. На заседании ТУАК 24 апреля 1915 года были рассмотрены присланные Тульской ученой архивной комиссией «предположения по изучению 2-й Отечественной войны». Как зафиксировано в протоколе заседания, «сочувственно отнесясь к мысли Тульской архивной комиссии об увековечении имен уроженцев той или другой губернии, участвовавших в настоящей войне, убитых в ней и раненых, и

учреждении музеев войны, постановили: воспользоваться ее примером и позаботиться, с одной стороны, о собирании списков уроженцев Таврической губернии, участвовавших в настоящей войне, и о собирании в музее Комиссии предметов, имеющих отношение к этой войне» [6, с. 252]. Как свидетельствуют источники, серьезного развития намеченные направления в деятельности ТУАК не получили. На страницах «Известий» ТУАК появилась лишь одна публикация, посвященная истории Первой мировой войны, а именно: в 1916 году была напечатана подготовленная В.Д. Гейманом небольшая подборка русских и иностранных документов о взятии русскими войсками в марте 1915 года мощной вражеской крепости Перемышль [10, с. 197 – 204].

Увы, в 1917 году многие начинания ТУАК были перечеркнуты революцией и последовавшей за ней Гражданской войной.

Но события 1917 года, как это на первый взгляд ни парадоксально, активизировали деятельность ТУАК. В отчете ТУАК за 1917 год отмечалось: «Несмотря на ужасные обстоятельства времени, ни в одном году за все время существования Комиссии не было такого количества ее заседаний, как в истекшем году. Это вызывалось, с одной стороны, весьма значительным количеством сообщений, полученных для помещения в “Известиях” Комиссии, и важностью вопросов, связанных с самым существованием ее, требовавших наискорейшего обсуждения, а с другой стороны, общим желанием членов Комиссии почаще собираться, чтобы в живом общении и обмене мыслей, связанных с чтением докладов, посвященных далекому прошлому Тавриды и России вообще, находить некоторое успокоение, давать уставшим и больным нервам необходимый отдых и, переносясь в прошлое, хотя бы на время забывать настоящее» [8, с. 380 – 381].

Своего рода программой работ ТУАК на период революции и Гражданской войны стала речь председателя ТУАК А. И. Маркевича, произнесенная на заседании ТУАК 17 ноября 1917 года по старому стилю, т. е. три недели спустя после Октябрьского переворота в Петрограде. Речь эта не только ярка и колоритна, но сегодня еще и злободневна, а потому заслуживает быть воспроизведенной полностью.

«Три года тому назад Таврическая ученая архивная комиссия присоединила свой скромный голос к выражению чувств возмущения и негодования, объявивших весь культурный мир по поводу варварского разгрома, уничтожения и расхищения немцами великих сокровищ и знаменитых памятников истории и искусства в Бельгии и северо-восточной Франции.

В настоящее время мы переживаем еще больший ужас, вызванный позорным, небывалым в истории уничтожением, расхищением и непоправимой порчей памятников нашей истории, нашей культуры, нашего искусства, величайших всенародных сокровищ России, производящимися, к неизгладимому во веки веков нашему позору, самими же русскими людьми, разум и чувства которых отравлены врагами и предателями России.

Разгром множества помещичьих усадеб с уничтожением драгоценных собраний предметов искусства, библиотек, документов и зданий по всему пространству России, расхищение дворцов членов бывшего Императорского Дома, музеев,

частных и государственных, в том числе Эрмитажа, и правительственных учреждений, с гибелью десятков тысяч предметов величайшей ценности, завершился расхищением и истреблением всего ценного в Зимнем дворце в Петрограде, разгромом артиллерийскими снарядами нашего величайшего сокровища, священного для каждого русского человека – Московского Кремля. Повреждены Никольские ворота в Кремле, сильно пострадал храм Василия Блаженного на Красной площади, сильно поврежден Московский Успенский собор, причем погибла часть его фресковой росписи, пострадали Чудов монастырь, разграблена Синодальная ризница, причем погибло множество предметов громадной исторической ценности, и примыкающий к ней храм Двенадцати Апостолов, расхищено множество ящиков с драгоценнейшими сокровищами Эрмитажа и других музеев, Зимнего дворца и других дворцов и учреждений, хранившимися в Московском Кремле, равно как погибло много ящиков с такими же предметами в Петрограде, которых не успели вывезти оттуда.

Гибель всех этих наших народных культурных сокровищ усугубляет то горе, которое испытываем мы, переживая гнусное издевательство над нашим прошлым, гибель нашего государственного величия, славы и мощи, нашего государственного достоинства, переживая распадение нашей Родины, раздираемой на части и внешними и внутренними ее врагами, изменниками и предателями.

Печальная слава Герострата и Эфиальта меркнет перед той постыдной славой, которую приготовили для себя на вечные времена в нашей и мировой истории нынешние вдохновители и руководители невежественной народной массы, развратившие наш народ, отравившие его душу и приведшие его к бедствиям нашего лихолетия. Имена их навсегда сохранятся на скрижалях истории и будут повторяться с презрением и омерзением. Позор этот падет, конечно, не только на отдельных людей, но и на все наше безвременье. Беспристрастная история над всем произнесет свой справедливый, нелицеприятный приговор.

Предлагаю Комиссии выразить волнующие нас чувства негодования и скорби Российской Академии наук, Российской Академии художеств, Московскому Археологическому обществу и Археологической комиссии».

Как отмечено в протоколе, «собрание с полным сочувствием приняло предложение председателя» [9, с. 346].

В том же 1917 году, как сказано в оставшемся неопубликованным отчете ТУАК, «исполняя свой долг, Комиссия обратилась в местной прессе с воззваниями к населению Тавриды о бережном отношении к памятникам истории родины, как монументальным и вещественным, так и письменным, в частности, архивным, как важнейшим историческим ценностям, а вместе с тем обращалась с ходатайствами к властям о принятии мер к охране архивов в городах и селениях...» [15, с. 59].

В условиях революции и Гражданской войны ТУАК приобретала значение главного на полуострове хранителя исторической памяти и культурных традиций. При деятельном участии ТУАК в Крыму был создан ряд учреждений просвещения, науки и культуры: в 1918 году – Таврический университет, в 1919 – Центральный архив, в 1920 – Комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крымохрис), в 1921 – Центральный музей Тавриды.

Члены ТУАК становились преподавателями и сотрудниками этих учреждений, а преподаватели и сотрудники этих учреждений становились членами ТУАК.

В 1917–1920 гг. ТУАК насчитывала около 300 членов. Среди них были и такие выдающиеся ученые, оказавшиеся после 1917 года в Крыму, как историк искусства член-корреспондент Академии наук Д. В. Айналов (член ТУАК с 3 июня 1919 г.), геолог и палеонтолог академик Н. И. Андрусов (член ТУАК с 3 февраля 1919 г.), философ, экономист, богослов, публицист и общественный деятель С. Н. Булгаков (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.), ректор Таврического университета ученый-энциклопедист академик В. И. Вернадский (почетный член ТУАК с 18 октября 1920 г.), его сын историк Г. В. Вернадский (член ТУАК с 15 ноября 1918 г.), будущий академик историк Б. Д. Греков (член ТУАК с 3 февраля 1919 г.), будущий академик литературовед Н. К. Гудзий (член ТУАК с 15 ноября 1918 г.), ботаник и географ член-корреспондент Академии наук Н. И. Кузнецов (член ТУАК с 13 августа 1918 г.), литературовед член-корреспондент Академии наук Е. В. Петухов (член ТУАК 15 ноября 1919 г.) и другие. Бессменным председателем ТУАК – ТОИАЭ в 1908–1930 гг. был замечательный ученый и организатор науки А. И. Маркевич (1855–1942), за заслуги перед крымоведением избранный в 1927 году членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В 1917–1920 годах главным направлением деятельности ТУАК становится спасение и сохранение всех разнообразных памятников истории и культуры. В первую очередь ТУАК стремилась спасти от гибели те памятники, которым в обстановке Гражданской войны грозила особенно большая опасность, а именно: памятники представителям рухнувшего режима, архивы упраздненных правительственных и сословных учреждений, сосредоточенные в «дворянских гнездах» библиотеки, коллекции и документы. Примечательно, что деятельность ТУАК по спасению памятников, определенным итогом которой стало создание Центрального архива и Центрального музея Тавриды, была отмечена почетным членом ТУАК академиком В. И. Вернадским. В опубликованной в 1921 году в петроградском журнале «Наука и ее работники» статье «О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг.» В. И. Вернадский писал: «Музей и архив находятся еще в стадии созидания, и их будущее не ясно. Однако они сейчас имеют значение уже потому, что спасают много научно ценного, что гибнет при междоусобной войне. Кажется, все крупные архивы учреждений – общественных и государственных – Крыма спасены в этом новом архиве» [3, с. 6].

Как известно, манифестом императрицы Екатерины II от 8 (19) апреля 1783 года Крым был присоединен к России. В ознаменование 100-летнего юбилея этого события в 1890 году в столице Крыма Симферополе таврическим дворянством «при участии всея России» Екатерине II был воздвигнут памятник.

Вскоре после революции, уже в 1918 году, памятник этот был поврежден: были сбиты бронзовые вызолоченные буквы надписи на памятнике и герб Таврической губернии, сломан скипетр. Наконец, 1 мая 1919 года памятник большевиками был вовсе снесен.

С установлением в Крыму летом 1919 года власти генерала А. И. Деникина ТУАК взяла на себя заботы о восстановлении памятника. 13 августа 1919 года в

симферопольской газете «Таврический голос» была напечатана статья А. И. Маркевича «Памятник Екатерине Великой». Эта статья, оставшаяся до недавнего времени неизвестной (она не значится ни в одном из нескольких изданных к настоящему времени списков печатных трудов Маркевича), раскрывающая взгляды выдающегося ученого-крымоведа на роль Екатерины II в истории Крыма и значение памятника ей, заслуживает быть републикованной вновь [5, с. 326 – 327]. Вот её текст:

«С чувством возмущения и негодования отнеслось все благомыслящее и любящее свою родину население Симферополя и всей Тавриды к снятию памятника императрицы Екатерины Великой в нашем городском саду, сооруженного в ознаменование столетия со времени одного из важнейших событий в нашей новой истории – присоединения Тавриды к России. Этот памятник, прекрасный в художественном отношении и в высшей степени удачный в воспроизведении великого момента в нашей истории, со времени своего открытия был любимым и дорогим для здешних граждан, знавших, благодаря чьему гению Таврида из полудикой страны превратилась в один из лучших уголков земли русской, понимавших хорошо, кому они обязаны здесь своим благополучием.

Но помешать снятию памятника, остановить это варварское деяние озверелых, диких людей, руководимых предателями России и изменниками (так Маркевич характеризовал большевиков. – С.Ф.), было невозможно. К счастью, памятник был снят осторожно, благополучно, без особенных повреждений, но, выброшенный из сарая, где он временно был положен для хранения, во дворе, подвергается порче со стороны разного рода хулиганов и может подвергнуться неисправимой порче.

Надо во что бы то ни стало как можно скорее восстановить этот памятник – это долг всех граждан г. Симферополя, с городской думой и земством во главе. Таврическая ученая архивная комиссия и губернский предводитель дворянства уже вошли по этому поводу к высшей власти с соответственными представлениями, очередь за голосом общества и массы населения города.

По уверениям специалистов, постановка фигуры императрицы Екатерины и фигуры и бюстов ее сподвижников не представляет никаких технических затруднений и обойдется очень недорого, примерно 3000 рублей, которые можно в два-три дня собрать путем подписки. Кстати, приближается начало нового учебного года, и хорошо было бы к этому времени исполнить это дело.

В течение ряда лет и особенно в последние годы вытравлялась в русском народе любовь к родине, ее светлому и славному прошлому, теми, кто хотел превратить весь русский народ в «Иванов Непомнящих». Покажите, граждане Симферополя, что та гнусная ложь, клевета и грязь, которыми позорилась наша Россия и наша родная история, не повлияли на уменьшение нашей преданности родине и любви к ее прошлому. И русские и инородцы должны объединиться и не отказаться исполнить свой гражданский долг.

А. Маркевич

Р.С. Тридцать шесть лет тому назад я был счастлив внести свою маленькую лепту на сооружение памятника Екатерине Великой в Симферополе, не

предполагая, что буду его жителем. Теперь с чувством благоговения к памяти Великой Императрицы вношу на восстановление этого памятника 100 руб., каковую сумму при сем прилагаю».

К 1 декабря 1919 года памятник Екатерине II был восстановлен. 11 декабря 1919 года на заседании ТУАК А. И. Маркевич «сообщил собранию заимствованные им из дел архива канцелярии Таврического губернского предводителя дворянства сведения о сооружении памятника императрице Екатерине II в Симферополе, из которых видно, что две трети пожертвований на памятник были сделаны разного звания и сословия людьми всей России, путем мелких взносов, и, т[аким] обр[азом], памятник этот является в полном смысле “всенародным” и “всероссийским”». Замечу, что памятник этот, восстановленный трудами ТУАК в 1919 году, в 1921-м большевиками вновь был сокрушен, а в 2016 году патриотами России вновь восстановлен.

Для истории ТУАК периода Гражданской войны чрезвычайно характерен и следующий эпизод. В 1920 году интеллигенция Крыма, оставаясь верной культурным традициям, решила отметить 100-летнюю годовщину со времени пребывания А.С. Пушкина в Тавриде.

Непосредственным инициатором празднования юбилея был председатель ТУАК и, по емкому определению Г. В. Вернадского, «ее душа» [4, с. 133] А.И. Маркевич.

19 мая 1920 года на заседании ТУАК (на котором присутствовали и такие знаменитые в будущем ученые, а в то время – молодые профессора историко-филологического факультета Таврического университета, как Г. В. Вернадский, Б. Д. Греков, Н. К. Гудзий) А.И. Маркевич предложил отметить предстоящее в сентябре 100-летие со времени пребывания А. С. Пушкина в Тавриде устройством особого публичного заседания Комиссии, с соответствующими докладами и речами, и изданием сборника статей. Как отмечено в протоколе заседания, собрание «вполне согласилось с мыслью А. И. Маркевича и постановило употребить старания к составлению и изданию Пушкинского сборника» [17, с. 122].

Из отчета ТУАК за 1920 год явствует, что «определился состав сборника, выяснилась и полная возможность осуществить издание его в материальном отношении, ввиду сочувствия его изданию Таврического губернского земства и других общественных учреждений и лиц, – но политические события лишили Комиссию возможности привести в исполнение свое благое намерение, и она ограничилась только устройством публичного заседания, посвященного памяти Пушкина. По инициативе Комиссии во всех средних и низших учебных заведениях Симферополя были сделаны преподавателями сообщения учащимся о пребывании Пушкина в Тавриде и отражениях ее в его творчестве, сопровождавшиеся чтением его произведений» [17, с. 14].

Заседание ТУАК, посвященное памяти А. С. Пушкина, состоялось 18 (31) октября 1920 года. Это было последнее перед приходом в Крым большевиков заседание ТУАК. Оно проходило в переполненном публикой зале окружного суда (ныне – Голубой зал Центрального музея Тавриды; думается, в память об этом заседании в Голубом зале музея следовало бы установить мемориальную доску).

Присутствовали следующие члены ТУАК: председатель ТУАК А. И. Маркевич, управляющий губернской казенной палатой А. П. Барт (менее чем через месяц он будет расстрелян чекистами), профессор Таврического университета философ, экономист, богослов, публицист и общественный деятель священник С. Н. Булгаков (с приходом в Крым большевиков он будет изгнан из университета, а в 1922 году – и из страны), профессор Таврического университета историк и начальник отдела печати в правительстве генерала П. Н. Врангеля Г. В. Вернадский (через 11 дней он навсегда покинет Родину), профессор Таврического университета будущий академик литературовед Н. К. Гудзий, преподаватель симферопольской гимназии филолог Л. В. Жирицкий, священник Александр Зверев (впоследствии – архиепископ Елецкий Сергей, в 1937 году чекистами расстрелянный, а в 2000 году Русской Православной Церковью причисленный к лику святых), профессор Таврического университета историк литературы А. П. Кадлубовский (он вскоре скончается), профессор Таврического университета философ П. П. Кудрявцев (он вскоре эмигрирует), профессор Таврического университета член-корреспондент Академии наук литературовед Е. В. Петухов, будущий классик советской литературы К. А. Тренев, профессор Таврического университета археолог и историк Н. Л. Эрнст (в 1938 и 1949 гг. он будет репрессирован, проведет в тюрьмах и лагерях 12 лет и умрет вдали от любимого им Крыма) и другие. Отсутствовавший на этом заседании академик В. И. Вернадский (в этот день В.И. Вернадский, три недели назад избранный ректором Таврического университета, впервые в новом качестве встречался со студентами) был избран в почетные члены ТУАК.

Объявив заседание открытым, А. И. Маркевич предложил собранию почтить память А. С. Пушкина. Собрание почтило память великого поэта вставанием. Затем были заслушаны доклады А. И. Маркевича «А. С. Пушкин и Таврида», Г.В. Вернадского «А. С. Пушкин как историк», Л. В. Жирицкого «А. С. Пушкин и Овидий», Н. К. Гудзия «А.С. Пушкин как литературный критик» [17, с. 125 – 126].

Увы, в протоколе заседания изложение докладов и прений по ним отсутствует. Предполагалось, что доклады будут напечатаны в намечавшемся к изданию сборнике. А сборник, как мы знаем, издан не был, так как через 12 дней после означенного заседания, 13 ноября 1920 года, в Симферополь вступили части Красной Армии. Около 150 тысяч человек успели уйти в эмиграцию; эта блестяще проведенная генералом П. Н. Врангелем операция вошла в историю как Русский Исход из Крыма. А в Крыму начался чудовищный по размаху и жестокости красный террор, жертвами которого стали десятки тысяч человек (точное количество жертв остается неизвестным; в литературе приводятся цифры от 20 тысяч до 150 тысяч человек). Крым стал красным в прямом (от крови) и переносном значении этого слова...

Долгие годы (протокол заседания ТУАК от 18 (31) октября 1920 года, посвященного памяти Пушкина, был обнаружен мною в архиве еще в конце 1970-х годов) меня занимал вопрос: а как реагировала тогдашняя крымская общественность на это ученое мероприятие, проведенное в разгар Гражданской войны? Ведь кругом – кровь, смерть, увечья, голод, холод, мрак, смрад, потеря Родины, искалеченные судьбы, физические и душевные страдания... Вспомни,

читатель, хотя бы кинофильмы «Бег» и «Служили два товарища», в которых ярко и убедительно показано, что представлял собою Крым осенью 1920 года... Казалось бы, разве в такой обстановке людям могло быть дело до Пушкина?

Но интуиция историка-архивиста подсказывала мне, что такое заседание, проведенное в агонизирующем белом Крыму, не могло не оставить у современников благодарной памяти. Памяти, запечатленной в исторических источниках: либо в письмах, либо в дневниках, либо в мемуарах, либо в газетных очерках...

Интуиция не подвела. Листая издававшуюся в Симферополе в годы Гражданской войны газету «Таврический голос», я обнаружил в номере за 2 ноября 1920 года, т. е. вышедшем день спустя после заседания ТУАК, материал, озаглавленный «Памяти Пушкина». Материал этот, остававшийся неизвестным даже специалистам-пушкинистам (он не значится в изданном в 1952 и 1973 гг. в 2-х частях справочнике «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем, 1918–1936» [1, 5]), ниже предлагаю вниманию читателей.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Мы все растеряли Пушкина. Кто оставил заветный том в Москве и Питере, кто забыл его на бесконечных этапах от Москвы до Крыма – в Ростове, Екатеринодаре и Новороссийске, но милого заветного тома нет с нами. Только в душе осталась вечная трогательная любовь к нему, принесенная через все этапы, через все увлечения Бальмонтом и Блоком, акмеистами и футуристами. Мы сохранили эту любовь живой и нетленной, как хранит каждый из нас в мути увлечений и страсти свою первую юношескую любовь.

И, должно быть, именно потому на заседание Таврической ученой архивной комиссии, посвященное памяти поэта, пришло так много людей, так неожиданно много, что не вместил всех пришедших большой зал окружного суда. Пришли разные.

Пришел философ и мыслитель Сергей Николаевич Булгаков и молоденькая курсистка, что совсем недавно учила наизусть:

«Я вас люблю, к чему лукавить?»

Пришел безрукий офицер и пришла грустная седая дама в трауре.

Пришли и слушали.

Казалось, что можно сказать нового о Пушкине?

Но выступившие в заседании профессора и, в особенности, Г. В. Вернадский, доказали, что можно. Его короткий очерк «Пушкин как историк» познакомил публику с почти неизвестной стороной пушкинского гения. В 1837 году Россия потеряла не только своего величайшего поэта, но и крупного историка, которому только пуля Дантеса помешала написать историю России 18-го века. Но и в своем художественном творчестве Пушкин был историком. Недаром Ключевский по одному «Евгению Онегину» мог написать лекцию о постановке воспитания в России в начале 19-го века.

Публика разошлась поздно вечером, унеся с собой просветленный образ самого «вечного» из своих спутников.

Г.

В этом торжественном заседании было не много торжественности.
Холодно, неуютно. Президиум у стола, докладчики и публика – все в пальто.
Только в зале горят несколько электрических лампочек. В кулуарах – полутьма, и гуляет преждевременно наставший в Крыму мороз.

Холодно, неприветливо.

И все-таки небольшая зала полна народу, обогревшего ее своим дыханием.

Да на сердце было тепло.

Согревало сознание, что эту толпу людей, собравшихся, как заговорщики, в полумраке неотопленного здания, привлекло имя Пушкина.

В его память были приглашены собраться жители Симферополя.

Призыв Таврической Ученой Архивной Комиссии сойтись и почтить память величайшего русского поэта по случаю истечения столетия со времени его пребывания в Крыму был услышан, и те, кому дороги культурные ценности, откликнулись на этот призыв и собрались.

Нет, «к нему не зарастет народная тропа»...

Несмотря на тревогу военного лагеря, в условиях которого протекает наша жизнь, несмотря на тяжелые домашние заботы, связанные с холодом, проголодью и всяческими лишениями и бедами, – нашлось немало желающих идти поклониться тени Пушкина и в Симферополе.

Доклады о Пушкине читались один за другим, без перерыва.

Точно спешили.

Холодно.

Но холодно было в зале, а на душе было тепло от общения с духом великого поэта. Казалось, он тут, с нами, в этой холодной комнате, где все в пальто, – пришел и сел, как обещал. Вы помните, он говорил:

«Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный

И, долго слушая, скажите: “это он!

Вот речь его”! А я, забыв могильный сон,

Взойду невидимо и сяду между вами,

И сам заслушаюсь, и вашими словами

Упьюсь... И, может быть, утешен буду я

Любовью...»

Да, великий дух чудного поэта России витал среди собравшихся в холодной зале, и в ней было тепло, хорошо...

В. Фаусек

Напрашивается вопрос: кто тот таинственный автор, написавший первый из двух очерков о заседании ТУАК и скрывший свое имя за псевдонимом Г.?

Думаю, что автор – знаменитый филолог Николай Гудзий. В пользу такого предположения свидетельствует анализ содержания очерка, который выдает в его авторе литературоведа. А поскольку литературовед Гудзий и сам выступал на этом

заседании с докладом, свой очерк, в соответствии с тогдашними научными традициями, он подписал псевдонимом, который, впрочем, нетрудно расшифровать.

Предположив, что автором очерка был Гудзий, я заинтересовался: а что известно о творчестве ученого в годы Гражданской войны? Из изданного в 1968 году списка печатных трудов академика Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) следует, что в 1920 году им была опубликована единственная работа – статья «А.С. Пушкин», которая якобы предваряла изданный в Симферополе сборник «А.С. Пушкин. Избранные произведения» [2, с. 152]. Стало быть, атрибутированный мною очерк, подписанный псевдонимом Г., является печатной работой Гудзия, оставшейся неизвестной исследователям его творчества.

Но что представлял собой вышеупомянутый сборник избранных произведений Пушкина? Увы, мои попытки обнаружить его в крупнейших библиотеках Крыма не дали результатов. Между тем ознакомление с этим сборником позволило бы ответить на ряд важных вопросов. Кто, какая организация сочла необходимым издать стихотворения Пушкина в разгар Гражданской войны? Какие произведения были включены в сборник? (Иными словами, в каких стихах Пушкина особенно нуждались россияне в годы великой смуты?). Что писал о Пушкине в 1920 году Николай Гудзий, один из крупнейших отечественных литературоведов? Словом, сборник представляет интерес для изучения и истории пушкинистики, и истории русской культуры, и истории Крыма в период Гражданской войны. Быть может, кто-то из читателей окажется удачливее меня и изданный в Симферополе в 1920 году сборник стихов Пушкина будет обнаружен?

...В ночь на 17 июля 1918 года большевики совершили одно из своих самых первых, наиболее гнусных и особенно памятных в народе преступлений: в Екатеринбурге в ставшем печально известным Ипатьевском доме (дом принадлежал горному инженеру Ипатьеву) без суда и следствия были расстреляны бывший император России Николай II (еще 2 марта 1917 года отрекшийся от престола), его жена Александра Федоровна, их дети Ольга (ей было 22 года), Татьяна (20 лет), Мария (18 лет), Анастасия (16 лет), Алексей (13 лет), а также четверо приближенных: доктор Боткин, повар Харитонов, слуги Трупп и Демидова. Тела казненных были вывезены за город и сожжены.

В этом преступлении, к стыду нашему, деятельное участие принимал и наш земляк, уроженец Керчи Петр (Пинхус) Лазаревич Войков. Ему, учившемуся до революции в Женевском университете «на химика», были поручены «хозяйственные вопросы». Свои профессиональные знания 30-летний Войков впервые применил при решении именно этих «вопросов», предложив уничтожить трупы при помощи серной кислоты...

В 1975–1976 годах автору настоящих строк довелось жить и работать в Свердловске (так в советское время стал именоваться бывший Екатеринбург). Помню, что все приезжавшие в Уральский госуниверситет из других городов коллеги первым делом просили показать им Ипатьевский дом. А старожилы рассказывали, что, несмотря на противодействие властей, в каждую годовщину расстрела у стен дома непременно лежали алые гвоздики. С этой народной традицией, раздражавшей московское начальство, в 1977 году благополучно

покончил тогдашний первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин. Он распорядился Ипатьевский дом снести...

С тех пор меня мучил вопрос: а как реагировали современники на известие о расстреле царской семьи? Нет, не современники-большевики. После прослушанного в Историко-архивном институте курса «История КПСС», обогащенного личными жизненными наблюдениями, с отношением большевиков к своим политическим и идеологическим противникам и методами их борьбы как с самими противниками, так и с памятью о них, мне все было ясно. Меня интересовала реакция интеллигенции. Той самой русской интеллигенции, которая с восторгом встретила Февральскую революцию 1917 года и отречение от престола «Николая Кровавого».

Ответ на этот вопрос удалось обнаружить в протоколе заседания ТУАК от 30 августа 1918 года. Открывая это заседание, состоявшееся спустя полтора месяца после расстрела (вот, оказывается, как долго добиралась весть об этом до Крыма!), председатель ТУАК А. И. Маркевич, который был знаком с Николаем II лично, произнес следующую речь:

«Господа! В прошлое воскресенье в нашем кафедральном соборе отслужена была панихида по скончавшемся около полутора месяцев тому назад от предательской воли и злодейских рук бывшем императоре России и нашем Покровителе Николае II Александровиче. Теперь не время говорить о личности и деятельности этого несчастного человека и государя, справедливый и беспристрастный приговор ему произнесут потомство и история. Но мы должны теперь же вспомнить его любовь к истории России и благодеяния, оказанные им нашей исторической науке, и, прежде всего, по званию Покровителя Исторического Общества и Председателя Московского Российского Исторического Музея. Вспомним также его щедрые субсидии Московскому Археологическому Обществу, между прочим на издание трудов всероссийских археологических съездов и Археологической Комиссии, между прочим на производство раскопок в Херсонесе. Незабвенно для нас внимание его и к трудам Ученых Архивных Комиссий, которые удостоены были его покровительства, в частности к нашей Комиссии, и его желание поставить на правильный путь вопрос о давно назревшей уже и насущной реформе архивного дела в России. Не будем неблагодарны и молитвенно почтим Его память» [14, с. 21 – 22]. В протоколе заседания отмечено: «Эти слова были выслушаны собранием стоя».

Думаю, что в 1918 году Крым был если не единственным, то одним из очень немногих регионов бывшей Российской империи, где интеллигенция публично поминала последнего русского царя. Впрочем, это был далеко не единственный акт подлинного гражданского мужества, проявленный крымской интеллигенцией в годы Гражданской войны. Так, на заседании ТУАК, состоявшемся 13 декабря 1920 года, в самый разгар красного террора в Крыму (на этом заседании присутствовало всего лишь 8 человек, в числе которых был и почетный член ТУАК академик В.И. Вернадский), собравшиеся вставанием почтили память почивших «в последнее время» членов ТУАК (ряд из них – А.П. Барт, А.А. Стевен и др. – были жертвами красного террора), в том числе память почетного члена ТУАК с 1914 года великого князя Николая Михайловича, расстрелянного большевиками в Петрограде [17, с. 126].

В тогдашнем Крыму за участие в такого рода мероприятиях поминавшие вполне могли разделить участь поминаемых...

А вот еще пример мужества тогдашней крымской интеллигенции. Поскольку в первые годы советской власти ряд функций (архивное и музейное дело, охрана памятников) перешли от ТУАК к специально созданным государственным учреждениям, на заседании ТУАК 25 марта 1923 года было принято решение о ее преобразовании в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) [17, с. 152 – 153].

На первом заседании ТОИАЭ, состоявшемся 17 июня 1923 года, председательствовавший А. И. Маркевич «докладывает собранию, что инициативной группой был выработан устав учреждаемого Общества, подписан и внесен на утверждение в НКВД Крыма. Устав этот ныне утвержден. НКВД изменено только два пункта устава: 1) Вставлен пункт о непринятии в число членов Общества лиц, опороченных судом. На вопрос председателя собрание соглашается с этим пунктом. 2) Исключен из устава пункт об участии в качестве членов Общества заграничных ученых. После обмена мнений собрание постановляет, вследствие чрезвычайной важности для Общества участия иностранных ученых, занимающихся изучением крымских древностей и внесших уже в него большой вклад, ходатайствовать перед соответствующими учреждениями о сохранении этого пункта устава» [17, с. 154].

Четыре месяца спустя, 14 октября 1923 года, на заседании ТОИАЭ (на нем присутствовали: председатель А. И. Маркевич, секретарь Н. Л. Эрнст, ученый и педагог Димитрий Спиридонович Спиридонов, в 2000 году Русской Православной Церковью причисленный к лику святых, филолог Л. В. Жирицкий, археолог С. И. Забнин, востоковед В. И. Филоненко и др., всего – 21 человек) состоялось переизбрание бывших членов ТУАК в члены ТОИАЭ. И что же мы видим? «Бывшие члены ТУАК», ставшие «местными членами ТОИАЭ», в качестве «иногородних членов ТОИАЭ» единогласно избирают академика Н. И. Андрусова, С. Н. Булгакова, Г. В. Вернадского, С. Э. Дувана, академика Н. П. Кондакова, С. И. Метальникова, С. А. Мокржецкого, академика М. И. Ростовцева, графиню П. С. Уварову [17, с. 157 – 160], то есть тех лиц, которые вскоре после 1917 года, зачастую не по своей воле (С. Н. Булгаков, например, 27 декабря 1922 года был выслан из страны), стали «белоземляками», т. е. откровенными противниками большевистской власти. И этих людей «местные члены ТОИАЭ», совсем недавно, в 1920–1921 годах, пережившие ужасы красного террора, жертвами которого на их глазах стали десятки тысяч человек, не побоялись избрать в качестве своих «иногородних» коллег! С их стороны это был, несомненно, Поступок с большой буквы.

К числу важнейших итогов деятельности ТУАК в 1914–1920 годах необходимо отнести следующее:

1. Многие памятники истории и культуры народов Крыма сохранились до нашего времени исключительно благодаря энергии и настойчивости членов ТУАК. Характерно, что в деле сохранения культурного наследия Крыма ТУАК сумела сплотить людей разных национальностей, разных вероисповеданий, разных

профессий, разных социальных слоев, разных поколений, разного уровня образованности.

2. ТУАК, как и многие другие краеведческие организации страны, внесла выдающийся вклад в то, что сегодня мы обобщенно называем экологией культуры.

3. Жизнь, труды и поступки большинства членов ТУАК – ТОИАЭ, оставшихся после Русского Исхода из Крыма в ноябре 1920 года на Родине, способствовали сохранению и распространению представлений об образе подлинного интеллигента, воспитанию новых поколений отечественной интеллигенции.

Список литературы

1. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем, 1918–1936. – Л., 1973. Ч. 2.
2. Библиография трудов Н. К. Гудзия // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. – М., 1968.
3. Вернадский В. И. О научной работе в Крыму в 1917 – 1921 гг. // Наука и ее работники. Пг., 1921. № 4.
4. Вернадский Г. Русская историография. – М., 1998.
5. Добровольский Л. М., Мордовченко Н. И. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем, 1918 – 1936. М. – Л., 1952. Ч. 1.
6. Известия ТУАК. Симферополь, 1915. № 52.
7. Известия ТУАК. Симферополь, 1916. № 53.
8. Известия ТУАК. Симферополь, 1918. № 55.
9. Известия ТУАК. Симферополь, 1919. № 56.
10. К истории Второй Отечественной войны. Материалы, касающиеся сдачи крепости Перемышль / Сост. В. Д. Гейман // Известия ТУАК. Симферополь, 1916. № 53.
11. Маркевич А. Памятник Екатерине Великой // Таврический голос (Симферополь). 1919. 13 августа.
12. Марущак Василий, протоиерей. Архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе. – Симферополь, 2005.
13. Памяти Пушкина // Таврический голос (Симферополь). 1920. 2 ноября.
14. Приложение к № 57 Известий Таврической ученой архивной комиссии. – [Симферополь, 1920].
15. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010.
16. Филимонов С. Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / под ред. С.О. Шмидта. – М., 1991.
17. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004.
18. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1992.

Filimonov S. B. The Crimean intellectuals in the years of World War I and Civil wars (on materials of the Taurida scientific archival commission) // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 72-87.

During nearly half a century (1887 - 1931) questions of history of the Crimea, ethnography of his people, protection and use of numerous and various historical and cultural monuments were vigorously developed by the local history organization, oldest and most authoritative in the Crimea, which in 1887 - 1923 was called as the Taurida Scientific Archival Commission (TSAC) in 1923 - 1931. Taurida society of history, archeology and ethnography (TOIAE). TSAC – TOIAE totaled about 300 members. Among them – all color of the Crimean multinational intellectuals, eminent public figures of the Crimea, representatives of clergy, and also a krymoveda from other regions of the country. 57 volumes of "News" of TSAC which

have left in 1887-1920 have made the strong base of a historical krymovedeniye on which not one generation of historians, archeologists and ethnographers leans.

In the years of World War I in the center of attention of TSAC there were questions connected with protection of interests of the Fatherland and with preservation of memory of participation of the Taurida province in this war. In the conditions of revolution and fratricidal civil war of TSAC I gained value of the main thing in the Crimea of the keeper of historical memory and cultural traditions. With active participation of TSAC in the Crimea a number of establishments of education, science and culture has been created: in 1918 – Taurida university, in 1919 – the Crimean Central archive, in 1920 – Committee on affairs of the museums and protection of monuments of art, old times, the nature and national life (Krymokhris), in 1921 – the Central museum of Taurida. Besides, in 1918 TUAK publicly remembered the former emperor Nicholas II shot in Yekaterinburg, in 1919 has restored the monument to the empress Catherine the Great destroyed by Bolsheviks in Simferopol, and in 1920, in two weeks prior to arrival to the Crimea of parts of the Southern RSFSR front and the beginning terrible on scope and cruelty of red terror, has held the meeting devoted to the 100 anniversary since A.S. Pushkin's stay in Taurida. Thus, TSAC has made an outstanding contribution to culture ecology.

Key words: Crimea, intellectuals, culture, Taurida Scientific Archival Commission, World War I, Civil war.

References

1. Bibliography of works of Pushkin and literature about him, 1918 - 1936. – L., 1973. Part 2.
2. Bibliography of N. K. Gudziy // Memories of Nicholas Kallinikovitch Gudziy. – Moscow, 1968.
3. Vernadskiy V. About the advanced study in Crimea in 1917 – 1921 // Science and its workers. – Pg., 1921. № 4.
4. Vernadskiy G. Russian historiography. – Moscow, 1998.
5. Dobrovol'skiy L. M., Mordovchenko N. I. Bibliography of works of A.S. Pushkin and literature about him, 1918 – 1936. M. - L., 1952. Part 1.
6. News of the TSAC. Simferopol. 1915. № 52.
7. News of the TSAC. Simferopol. 1916. № 53.
8. News of the TSAC. Simferopol. 1918. № 55.
9. News of the TSAC. Simferopol. 1919. № 56.
10. To history of the Second Patriotic war. The materials concerning delivery of fortress Peremyshl / Author of the edition. V. D. Gaiman // News of the TSAC. Simferopol, 1916. № 53.
11. Markevich A. Monument to Great Catherine // Taurida voice (Simferopol). 1919. August 13.
12. Marushchak Vasily, protodiacon. Archiepiscop Dimitrii (v skhime Antony) Abashidze. Simferopol, 2005.
13. Pushkin's memories // Taurida voice (Simferopol). 1920. November, 2.
14. Annex to No. 57 of News of the Taurida scientific archival commission. – [Simferopol, 1920].
15. Filimonov S. B. From the past of the Russian culture in the Crimea: searches and historian-istochnikoveda finds. – Simferopol, 2010.
16. Filimonov S. B. The local history organizations of the European Russia and documentary monuments (1917 - 1929) / under the editorship of S. O. Schmidt. M., 1991.
17. Filimonov S. B. Keepers of historical memory of the Crimea: about heritage of the Taurida scientific archival commission and Taurida society of history, archeology and ethnography (1887 - 1931). Prod. the 2nd, reslave. and additional Simferopol, 2004.
18. Shmidt S. O. Study of local lore and documentary monuments. – Tver, 1992.

УДК 304.444

О ТЕХНОЛОГИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Лазарев Ф. В.

В статье рассмотрена природа мифологии в контексте культурно-исторического аспекта. Выявлена роль первичных форм мировоззренческого сознания в становлении и развитии человеческой культуры. Автором была использована трансдоксальная методология в качестве новой технологии философствования.

Ключевые слова: миф, мифология, мировоззрение, формы духовности, философия, истина, реальность.

Культурное пространство родового сознания

Природу мифологии как древнейшего духовного образования можно рассматривать с разных точек зрения: этнографической, психологической, гносеологической и т. п. Контекст данной статьи ограничен лишь одним аспектом – культурно-историческим. Предполагается обсудить вопрос о «технологии» смыслообразования в процессе становления ценностно-мировоззренческих структур мифа, а также некоторых возникающих вслед за ним систем философствования. Отсюда вытекает и другая задача: выявить роль первичных форм мировоззренческого сознания в становлении и развитии человеческой культуры.

Традиционность – изначальная, существеннейшая черта архаичной культуры. Первобытная мифология характеризуется безраздельным господством традиции и богатством форм ритуального поведения. Священная версия мифа (в отличие от её светской версии) не могла быть вплетена в реальную жизнедеятельность людей, если не опиралась на ритуал, а ритуал, потеряв сакральный смысл, становился пустой формальностью, некоего рода симулякр. Традиция, объединяя миф, ритуал и систему ценностей, концентрирует в себе ключевые стратегии выживания рода. Она вырастает на почве родового сознания, образуя целостный космос культуры. Горизонт этой последней четко очерчен и определяется особенностями и возможностями родового сознания. Последнее по своей структуре двояко: во-первых, оно есть коллективное сознание (отсюда способность каждого члена рода к сопереживанию, к отождествлению себя с другим), во-вторых, оно есть сознание, основанное на исторической памяти и культе предков рода (отсюда устойчивость и традиционность содержательного измерения первобытного сознания).

Родовое сознание, формируясь в лоне Традиции, отражает неразвитость практики людей, зачаточный характер форм предметного освоения мира человеком. Тем не менее в сознании первобытного человека рано просыпается потребность в мировоззренческой ориентации, потребность понять себя, своё место и свою значимость в мире.

Поместив между собой и природой материальный посредник – орудие труда, человек положил начало формированию новой социокультурной реальности – мира посредников, и вступил в новое, практическое отношение к природе. Сущность этого отношения состоит в том, что оно носит материальноопосредованный и идеально целеполагающий характер. «Это новое, практическое отношение в мироздании, будучи осознанным человеком, получает духовный аспект. Так зарождается мировоззренческая потребность, а с ней и первобытное мировоззрение, заполняющее образовавшуюся «брешь» между субъектом и объектом» [5, с. 44].

Миф – благодаря своим мировоззренческим сюжетам – как бы соединяет первобытного человека с бесконечностью Космоса, вписывает его в структуру мироздания, ориентирует его поведенческие реакции на достижение нужных роду жизненных ценностей. В этом смысле миф является носителем мудрости рода как системы стратегий выживания. Через ритуал, маску, ритм, музыку, пение, танец миф вовлекает человека в качестве активной самостоятельной единичности в игру универсальных космических сил. Ритуал разрывает замкнутое, связанное с наличной ситуацией бытие человека с его повседневными заботами и насущными потребностями и выводит его в «надинтервальный» мир вселенских событий и смыслов. Человек чувствует себя избранным и приобщенным к высшим надличностным смыслам. Это пробуждает в нем ощущение полноценности бытия, чувство стабильности и уверенности. Весь мир становится Домом бытия человека. Огонь, вода, земля, небо, звезды – всё приобретает волнующий смысл, создает сакральное измерение человеческого существования. Этот второй, священный мир может существовать в пространстве культуры лишь при том обязательном условии, что он не сливается с миром повседневности, а отделен от него неукоснительно соблюдаемой границей. Наличие дистанции есть условие устойчивого функционирования мифологического мировоззрения по законам своей специфической логики. Факт раздвоения бытия человека, появление наряду с обыденным существованием его «священного дополнения» требует соответствующих форм объективации, знаковых и символических средств фиксации. Наряду с коммуникативной и познавательной функцией знак приобретает культуuroобразующую функцию. Знак дополняется символом. Формируется символическая реальность, которая становится источником символического капитала.

Хотя «вся вселенная» – это Дом бытия человека, она тем не менее полна злых, коварных и могущественных сил. Жизнь людей неолитической эпохи – арена борьбы, полной внутреннего драматизма. Уже в древнейших пластах мифологического сознания закрепляются представления о великих героях – борцах против зла, темных таинственных сил, мифических существ. Позднее это находит отражение в письменных источниках – гимнах, эпосах, былинах. В этих источниках

мы находим удивительную поэтическую свежесть мировосприятия, богатство красок, глубочайшую эмоциональную насыщенность. Жизнь героев, неотделимая от жизни природы, рисуется захватывающе интересной, художественно значимой. Поэтический гений здесь – естественное выражение мироощущения людей данной эпохи. Мифологическая фантазия – совершенно особое духовное образование, особый присущий лишь определенной эпохе способ духовного освоения мира человеком. Эта фантазия существенно отличается от фантазии как способности последующих исторических эпох. Фантазия мифа не знает сознательного преувеличения, произвольного конструирования, поэтической условности. Субъективно, «изнутри Традиции», миф лишен вымысла не только по своему содержанию, но и по своим образно-выразительным средствам.

В основе мифа лежит не вымысел, не фантазирование, а творчески-продуктивное воображение. К. Маркс отмечал, что «великая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения» [3, с. 737]. Фантазия здесь сочетается с предельной фактологичностью, гиперболизм и яркость образов – с реально-значимыми переживаниями. Художественное начало в мифе не осознаётся, лишено моментов рефлексии, неотделимо от живого мироощущения. К. Маркс видел в мифологии результат бессознательно-художественной переработки народной фантазией природы и общественных форм [3, с. 737]. Миф построен на «принципе прозрачности», т. е. на абсолютном совпадении в сознании человека «картины мира» и самой реальности.

Типичные средства мифологического мышления – ассоциация и аналогия. Первобытный человек пытался объяснить окружающие его явления природы по аналогии с собой (антропоморфизм), а также уподобляя их отношениям и структурам внутри рода (родовой социоморфизм). Этот же стихийный механизм экстраполяции действует и в более поздних попытках человека переносить черты человека и рода на весь универсум. Но провести аналогию – не значит отождествить. Напротив, люди жестко отделяли себя (за исключением родового фетиша) от одушевляемых ими животных, растений, явлений природы и т. п., а весь окружающий их мир природы (включая и себя), безусловно, противопоставляли надприродному, сверхъестественному миру.

Попытка понять мир как целое, подняться выше событийного континуума родовой жизни и как-то вычленив смысложизненные ценности ведет к формированию мировоззренческих структур. В рамках первобытного сознания целостность универсума предстает перед человеком как нечто живое, содержащее в себе богатство природы, и в то же время как нечто единое, требующее своего выражения в некой системе наглядных образов. На этом пути люди пришли к олицетворению. Некоторые возникшие по аналогии с человеком и животными мифологические образы получают в воображении человека статус живых самостоятельных существ, ответственных за важнейшие природные и социальные процессы и управляющие ими – дождь, грозу, охоту, наводнение, огонь и т. п. Такие образы при определенных обстоятельствах могли легко приобрести религиозный смысл, стать объектом первобытного культа.

Посредником между человеком и универсумом выступают мифологические существа, герои, боги. Посредник, с одной стороны, обладает атрибутами универсума (бессмертность, могущество и т. п.), а с другой стороны, он обладает и определенными человеческими свойствами (может иметь человеческий образ, разговаривать на понятном человеку языке, страдать обычными слабостями и болезнями). Степень человеческого в том или ином конкретном божестве может быть, конечно, самой различной. В некоторых культурах, как свидетельствует, например, древнеиндийская мифология, возникает целый пантеон божеств со своей строгой иерархией.

Мировоззрение первобытных людей синкретично, оно есть некий комплекс, в который на том или ином этапе развития входят: собственно мифология, зачатки древней магии и религии, бессознательно-художественный компонент и др. Как уже отмечалось, мировоззренческие структуры складываются в результате стихийного перенесения на весь мир отдельных характеристик человека и рода. Но сложившись как культурный феномен, мировоззренческое ядро мифа начинает оказывать активное влияние на развитие духовной культуры первобытного общества.

Миф, ставя человека в центр мироздания и делая его точкой отсчета, придает вселенский смысл бытию отдельного члена рода, его предназначению на Земле, его труду и отдыху, его разуму и чувствам, его рождению и смерти. В результате каждый шаг в жизни члена рода приобретает двойной (прямой и скрытый) смысл. Так, сексуальное поведение является одновременно и обычной физиологической реакцией отдельных человеческих единичностей, и некоторой совокупностью социально регулируемых поступков, и вместе с тем «мировой драмой» во взаимодействии двух полных тайн Начал Жизни – мужского и женского, неким символическим событием, священнодействием.

Механизм культуротворческой функции мифа включает в себя несколько моментов. Первый такой момент – онтологизация субъективных качеств и способностей. На стадии активного функционирования мифа уже не предмету природы приписывается человеческое качество, а напротив, этому последнему приписывается предметный, онтологически универсальный смысл. Если в раннюю эпоху месячные изменения фазы Луны ассоциировались с рождением и смертью человека, то позднее рождение и смерть самого человека могли восприниматься сквозь призму космической модели. Каждое человеческое чувство и каждую чувственную способность миф наполняет объективированным надличностным содержанием. Указанное содержание – и в этом заключается второй момент – наподобие павловского условного рефлекса прочно связывалось с тем или иным психическим состоянием в соответствующих условиях. То или иное поведение людей, та или иная цепь действий (например, погребение умершего), протекая в соответствии со своей собственной предметной логикой, одновременно оказывается встроенной в модель мифа. Благодаря этому любая поведенческая реакция человека приобретает смысложизненное, культурное содержание и должна следовать (вместе с предметной логикой) логике ритуала.

Третий момент состоит в том, что миф выступает формой социализации человеческих чувств: гнева, горя, радости, благодарности и др. Миф вводит чувство

в систему социально организованных обрядов. Тем самым обряд начинает регулировать чувство, не дает ему быть слишком сильным, изнурительным и опасным для организма индивида, но вместе с тем он не дает ему и преждевременно угаснуть (таков, например, обряд поминаения). Направляя живое человеческое переживание по определенному каналу, регулируя стадии его протекания и закрепляя в культуре формы его внешнего проявления (к примеру, свадебный обряд невесты на Руси), миф не только придает чувству определенное содержание, но и обогащает его многообразием других сопутствующих чувств. Свадебный обряд вызывает к жизни и поочередно проигрывает как по нотам всю гамму человеческих чувств: страх, робость, сомнение, грусть, неуверенность, веру, доверие, ожидание, волнение, тревогу, нарастающую радость и т. д.

Мы видим, таким образом, что развертывание всего богатства форм человеческой чувственности и духовности в ритуально-событийном и идеально-знаковом пространстве мифа основано не просто на процессе онтологизации тех или иных субъективных качеств и способностей, а на их подключении к наличным реалиям и механизмам культуры того или иного этноса. В мифе вырабатывается жизненная карта бытия человека, его мировоззренческие координаты, миф придает всеобщий, онтологически-значимый смысл субъективным атрибутам человека – его разуму, воле, любви, ненависти. Миф открывает индивиду рода новую перспективу видения мира, новую реальность его культурного бытия.

В реальном многообразии исторически существовавших мифов можно встретить самые неожиданные вариации и модели – от простейших и примитивных до предельно усложненных. Чем сложнее и богаче архитектура мифологического построения, тем утонченнее используется в нем способ онтологизации человеческих качеств и психических состояний. В этом контексте представляет интерес одна из космических моделей ламаизма. В основе этой модели лежит принцип симметрии и глубинной связи между универсумом и человеком. Каждому из пяти человеческих чувств соответствует свой символический цвет, своя стихия, свой земной и небесный будда. В центре мироздания расположен белый будда Вайрачана. Его главная примета на изображениях – колесо закона. Белый будда ассоциируется с эфиром и звуком. Это именно тот звук, благодаря которому Шива пробудил вселенную от спячки и который способно слышать человеческое ухо. На земле белому будде соответствует земной будда Кракучанда. Ощущение вкуса олицетворяет красный будда созерцания Амитабха. Он символизирует Запад и находится в соответствии с земным Шакья-Муни. В системе звеньев ламаистской космической модели вкус связан с водой как первичной стихией. Чувству осязания соответствует своя стихия – воздух, воздуху сопоставлен свой цвет – синий (голубой). Воздух начинает синеть с Востока, над которым царит небесный Акшобхия. Его земной двойник – Канакамуни. Зрению отвечает желтый Ратнасамбхава, который опекает юг, властвует над огнем и дружит с Касьяпой. У чувства обоняния есть своя стихия – земля. Последняя ассоциируется с зеленым цветом. Властелин этой стихии – Амогхасиддха; его страна света – Север, его отражение – будда Майтрея.

В связи с рассматриваемым вопросом немалый интерес представляет мировоззренческая конструкция Упанишад. Одна из центральных категорий этого памятника – атман, понимаемый как начало и основа всего сущего. Из атмана возникло пространство, из пространства – ветер, из ветра – огонь, из огня вода, из воды земля, из земли – травы, из трав – пища, из пищи – человек. Но атман – также и сущность всего. Атман составляет сущность человека и как индивида, и как универсально-космического явления. Атман включает в себя разум, речь и дыхание. Согласно Упанишадам, осознание тождества отдельного «я» с атманом и есть высшая мудрость и просветленное состояние человека. Именно этот принцип тождества лежит в основании мифологического типа духовности.

Переход от камня и бронзы к железу, рост городов, торговли и возникновение денежных отношений (восьмое-шестое столетие до н. э.) ознаменовался переворотом в развитии производительных сил в древнейших цивилизациях Индии, Китая и Средиземноморья. Это привело к гигантскому сдвигу в общественных отношениях, культуре, в идеологии. Обособление индивида внутри общины, появление таких личностных качеств как самостоятельность и индивидуальная субъективность вели к постепенному разложению мифологического мировоззрения. Начался процесс расщепления мировоззренческой структуры на два уровня. Первый уровень – образно-эмоциональный (мифология, позднее религия и нерелигиозные, художественные и пр. формы), второй уровень – понятийно-рассудочный [5, с. 39]. Второй уровень, в свою очередь, распался на два слоя: строго рациональный (наука) и концептуально-духовный (философия).

Крутой перелом в развитии общественного производства вызвал небывалые по своему накалу конфликты и противоречия во всех сферах общественной жизни, вел к классовой поляризации социальной структуры. В этот исторический период цивилизация совершила «такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с её первого и до сегодняшнего дня; богатство, богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного дрянного индивида, было её единственной, определяющей целью» [4, с. 176].

Миф есть первая форма человеческой духовности, а духовность и есть одно из начал и кристаллизаций культуры. В языческой культуре духовность индивида, неотделимая от духовности рода, формируется путем «насаживания» мифических смыслов на активные биологические центры и материальные потребности человека: потребности в пище, крове, тепле, браке, семье и др. Миф возвышал Природу и Человека в природе, придавал им через систему символов глубинное смысловое содержание. Позднее на роль мировоззренческих систем координат претендуют мировые религии. Так, христианская культура открывает в человеке новую реальность – бессмертную человеческую душу, представляющую собой высшую надличностную ценность. Душа противопоставляется телу, природе, всему «земному». Если языческая культура придавала духовные смыслы простым земным радостям, то христианство, напротив, открывает новые измерения

духовности. Христианство формировалось в тот момент истории, когда возник глобальный духовный кризис, когда языческие мифы уже перестали сдерживать натиск психологии потребительства и вещизма господствующих классов и примыкающих к ним слоев общества. Отсюда тотальный бунт против «радостей жизни» со стороны ранних христиан, проповедь нестяжательства, бедности во имя спасения души, утверждение идеалов аскетизма. В итоге религиозный мир явил собой новый, чрезвычайно важный тип духовности, содержащий в себе великую истину бытия.

От мифа к логосу

Процесс вызревания рассудочного, понятийно-духовного уровня мировоззрения связан с возникновением философии. Античная философия своими корнями уходит в мифологию. Она черпала из мифов свои образы, свои категории и проблемы. «Вода» Фалеса, «огонь» Гераклита – типичные исходные элементы, или «стихии» мифологического сознания. Отсюда однако нельзя делать вывод, будто бы (как это утверждают некоторые западные теоретики) философия древности есть лишь концептуализация мифов, лишь своего рода рационализированное иносказание мифологии. Уже первые философские системы древнегреческих мыслителей выступают как антипод мифа, как попытка построить мировоззрение на рациональных основах. Философия возникает от слияния двух струй в духовной эволюции: мировоззренческой струи, идущей от мифологии, и струи рациональности, идущей от начатков научной мысли. Однако философия не сводилась ни к мифологическому нарративу, ни к научному, строго рациональному мышлению, например, символ, метафора всегда оставались ее собственным средством рефлексии.

Один из центральных мотивов античной философии – идея Логоса. Это – и Слово, и Разум, и Порядок, и Гармония. В Логосе греки пытались выразить единство, совпадение вещественного, налично данного и структурно-упорядочивающего, а также замыкание интуитивно-постигаемого и рационально выразимого. Значение форм античного философствования связано с глобальным вхождением категории рациональности в культуру. Многие пласты культуры античного полиса рассматриваемого периода явились результатом внедрения рациональности. Философия осознала этот процесс, сделала его объектом рефлексии и оказала активное обратное влияние на культуру. Рациональность, появившаяся в образе жизни людей древнегреческого полиса в условиях утверждения демократических начал, стала и образом мысли, стилем мышления. Характеризуя замечательную плеяду первых древнегреческих философов, В.Н. Кузнецов отмечает: «Отказавшись от воспроизведения традиционных мифологическо-религиозных представлений о начале, строении, существовании и изменении мира, они попытались самостоятельно, силой своего собственного разума найти ответ на эти вопросы» [9, с. 9]. Формирующаяся в лоне философии рациональность предполагает момент сомнения, включала в себя принцип критического подхода к наличным мировоззренческим представлениям и тесно связанный с ним принцип необходимости аргументированного обоснования

каждого положения, претендующего на истинность. Критическое отношение к мифу, к ходячим истинам повседневного мира связано с формированием критической, трансдоксальной рефлексии. Следующий шаг был связан с разработкой фундаментальной рефлексии, т. е. поиски все более глубоких оснований человеческого мышления.

Но становление философии предполагало не только критическую, но и проективную функцию. Философия в своем развитии самоопределялась через открытие новых и при том общезначимых культурно-исторических смыслов. Но что значит найти или открыть новый жизненный смысл, новую мировоззренческую перспективу видения бытия? Любой общезначимый смысл первоначально формируется стихийно в недрах культуры. Человек всегда шире своего дела, своей профессии; в нем всегда есть пласт возможного и желательного. Подобно тому, как производительные силы всегда есть непрерывно развивающаяся историческая конкретность, на определенном этапе выходящая по своим возможностям за рамки производственных отношений, так и человек как конкретное целое накапливает в себе способности к иным формам бытия, к иному образу жизни и формам духовности. В человеке рождаются новые социальные и духовные желательности. Философ, как ученый и как мудрец, лишь замечает и теоретически фиксирует эти новые потребности и смысложизненные ориентации людей, придает им программный, культурно-исторический характер. Наиболее крупные философы разрабатывают целые цивилизационные проекты мироустройства.

По мере того, как рушились и разрывались скрепы общинно-родовой организации, в людях описываемого ареала культуры начали формироваться новые способности, возможности и духовные потребности, вступившие в противоречие со ставшими для них оковами патриархальными формами жизни. Древняя философия начинается с поисков «подлинного»; третируя миф как то, что есть лишь «мнение», она желает получить «истинное» знание о мире и человеке. Древнегреческие мудрецы выдвигают понятие истины как универсальную мировоззренческую категорию: ведь философия с самого начала выступает как критика существующих форм жизни и духовного производства, как орган критического самосознания культуры. Рефлексивная критика предшествующих форм духовности могла получить рациональное обоснование лишь при условии, что старое объявлялось продуктом заблуждения, чем-то неподлинным, ложным. Подвергнув сомнению «принцип прозрачности» мифа и обнаружив зазор между нарративом и реальностью, философы тем самым применили понятие истины к идейным конструкциям, далеко выходящим за пределы повседневной жизни. До этого в разговорной практике людей понятие истины имело весьма ограниченное содержание: передаваемые от человека к человеку фактуальные сведения по своему характеру могли быть верными или ошибочными или даже преднамеренно искаженными. Теперь же речь шла о ложности или истинности самих мировоззренческих установок людей, об оценке их «модели мира», их «образа жизни». Такая постановка вопроса, такое перетолкование понятия истины и радикального расширения ее культурного масштаба произошло впервые. Каким должен быть истинный образ жизни? Как жить «по истине»? Превращение истины в

смысложизненную категорию приводит к тому, что она становится элементом «мировоззренческого ядра» философии.

Введя категорию истины, философия сделала её мощным орудием в борьбе против устаревших форм идеологии и культуры, она внесла антидогматический дух методически применяемого скептицизма и критического отношения ко всему существующему. Истина стала орудием рефлексии: орудием сомнения, иронии, скептицизма, критики, проблематизации. Отныне по отношению к различным феноменам духовной жизни был выдвинут лозунг: защищайся, кто может! Но защищаться – это значит обосновывать свою позицию в ясном свете истины. Возникла необходимость в обосновании, в рациональном рассуждении и доказательстве. Однако выдвинув истину как инструмент против старых форм идеологии, философия незамедлительно должна была направить его и против самой себя. Она сама должна была защищаться, рационально обосновывать свои выводы. Иначе говоря, чтобы быть последовательной, философия должна была вызвать огонь критики на себя. Но этот огонь не уничтожил ее, а придал ей известную жизнестойкость и универсальность в условиях радикального изменения практик социокультурной коммуникации и ценностного конфликта в древнегреческом обществе.

Понятие истины становится активным элементом в процессе возникновения, воспроизводства и функционирования философского сознания как рациональной формы освоения мира человеком. При этом значительно расширяется и углубляется понятие истины не только в мировоззренческом аспекте, но и в гносеологическом. Результатом философской рефлексии явился вывод о том, что истинными и ложными могут быть как те или иные передаваемые сведения, так и показания органов чувств, человеческие представления и понятия, технологические рецепты и т. п. Категория истины начинает использоваться для оценки гносеологического статуса чувственной и рациональной ступеней познания, а также для оценки самого человеческого знания во всех его формах. Более того, сама цель познания отныне рассматривается как постижение истины. Философская рефлексия привела к появлению нового гносеологического измерения проблемы и соответственно нового предметного поля исследования. Но что такое истина, каковы ее критерии, как ее достигает человек, какую роль в этом процессе достижения истины играет разум, чувства, интуиция, способен ли человек в принципе постичь истину – эти и многие другие вопросы определили направление развития философской мысли на многие столетия вперед.

Разработка гносеологического аспекта проблемы истины неизбежно вовлекло в поле исследования и онтологическую проблематику. Мы сталкиваемся здесь с коренной чертой вообще всякого подлинного философствования: какой бы аспект той или иной проблемы ни рассматривал философ – мировоззренческий, аксиологический, гносеологический и др. анализ приобретает специфически философские черты, когда он поднимается до рефлексии над онтологическими основаниями, т. е. от трансдоксальной рефлексии переходит к фундаментальной [7, с 4-16]. Для того чтобы последовательно ответить на вопрос, как в познании достигается истина и возможна ли она вообще, надо сформировать представление о

том, что такое реальность, какова природа и структура мира, материален он или идеален в своей основе, господствует ли в нем хаос или закон, логос, гармония? Не менее важно ответить и на вопрос о том, что из себя представляет познающий субъект, способны ли его чувства и разум к постижению реальности? Но обсуждение таких предельно общих проблем в связи с осмыслением категории истины оказывается возможным и продуктивным лишь тогда, когда сама истина получает онто-гносеологический смысл. В этом контексте античная философия во многих своих направлениях видела в истине форму, способ присутствия самой вещи в человеческом познании. Истина есть момент объективного в субъективном, это есть «голос самого предмета», его собственный язык, его «объективный разум» (как сказал бы Гегель). С этой точки зрения познание представляет собой имеющий космические последствия процесс погружения разума в бытие, это есть встреча субъективного и объективного, переход одного в другое.

Рациональность как принцип античной философии предполагает обращение к еще одной важной категории – к разуму. Основная идея Гераклита – идея всеобщей текучести бытия, бесконечного становления и изменения. Однако в философии Гераклита слышится и еще один мотив – идея Логоса. Изменчивость, текучесть всего существующего даны нам как чувственный факт, логос же бытия познается через слово, посредством Разума. В учении Гераклита наметилась категориальная проблематика, которая затем разворачивалась в системах других мыслителей. Прежде всего, следует указать на Парменида. За отправную точку он берет не чувственно постигаемую текучесть мира, а скорее Логос, рационально постигаемую основу мироздания. Чувственное объявляется чем-то неистинным; отсюда следует, что текучесть, подвижность, изменчивость бытия есть не более чем иллюзия. Вечное и неизменное бытие Парменида не может быть постигнуто чувствами, это – умопостижимая реальность. Провозглашение нового, высшего типа реальности есть одновременно и открытие новой высшей цели познания и новое толкование разума как суверенного органа проникновения в интеллигибельную реальность. Парменид был первым, кто сосредоточил свое внимание на исследовании путей движения мысли к истине посредством разума как дедуктивно разворачивающейся деятельности. В своем движении к истине разум действует не по произволу, а подчиняется неким необходимым принципам. Поскольку бытие обладает атрибутом необходимости, то мысля о чем-нибудь, мы должны полагать предмет мысли необходимо существующим. В результате, однако, получалось, что для познания истины разуму нет необходимости «погружаться в бытие», ему достаточно оставаться «у себя дома», в стихии чистого мышления, лишь подчиняясь определенным правилам. Так античная философия делает шаг в сторону признания двух уровней реальности: чувственной и умопостижимой.

Наиболее основательный проект в этом направлении принадлежит Платону. Размышляя над постмифологической картиной мира, он разрабатывает модель вечного, неизменного мира идеальных сущностей. Вместе с тем Платон реабилитирует гераклитовский поток: он не отбрасывает чувственное, как чистую иллюзию, за феноменальным миром он сохраняет статус существования. Но последний выступает как производный, вторичный по отношению к сфере

умопостигаемых сущностей, их тенью. В противоположность Платону, Демокрит видел задачу разума в исследовании естественных причинно-следственных связей природного целого, в познании атомистической структуры бытия. Господствующая в мире необходимость трактуется им как универсальный детерминизм.

Технология философствования в рамках фундаментальной рефлексии

Выше уже обращалось внимание на то, что критическая функция философии основывается на трансдоксальном типе рефлексии. Критическому анализу подвергается «мир мнений» (doxa). Но для реализации проективной функции нужен другой тип рефлексии – фундаментальный, связанный с поиском предельных оснований бытия и мышления. В результате вырабатывается определенная «технология философствования». Философия возникает на определенном этапе развития общества и его классовой дифференциации как ответ на ценностный конфликт поколений на переломном этапе развития, на постоянно воспроизводящуюся в жизнедеятельности людей потребность в мировоззренческой ориентации, в принципах поведения и деятельности, с которыми отдельные индивиды, социальные группы и классы связывают свои коренные жизненные интересы. Тот или иной мыслитель, разрабатывая свою систему, начинает с того, что усматривает в образе жизни людей, в предметных воплощениях культуры своего времени, в опыте духовно-практического, научного и пр. освоения мира человеком некую находившуюся до сих пор вне поля зрения общества реалию, придает ей статус метафизического начала и смысложизненной ценности и с позиций этой ценности критикует, оценивает и объясняет ранее принятые в обществе ориентации, нормы и образцы. Однако эту же (по сути философскую) функцию может взять на себя в обществе поэт, писатель, художник и т. п. Философ-профессионал отличается от них лишь тем, что использует особый способ обоснования.

Если обратиться к «технологии» античных форм философствования, то можно заметить, что она включает в себя по крайней мере три тесно связанных между собой момента. Во-первых, философия обращается к пробуждающимся в рабовладельческом обществе новым способностям, социальным и духовным потребностям. Это – формирующаяся способность к самостоятельному критическому осмыслению действительности, к теоретическому мышлению. Отсюда, как уже отмечалось, ведущая, сквозная тема античного философствования – идея рациональности (хотя это и не означает, что в тот момент не было других направлений). Во-вторых, философия онтологизирует феномен рациональности, придает ему объективный, космический, универсальный смысл. Гераклит берет логос как слово, как человеческое разумение, но затем видит в нем Закон, мировую Гармонию. Сам космос становится для греков олицетворением гармонии и соразмерности. Отсюда его прозрачность для человеческого познания, его «умопостигаемость». Материалистическое объяснение рационального устройства мироздания мы находим в атомистических концепциях Демокрита и Эпикура. Противоположный подход связан с именем Платона. Он не только усматривает в теоретических (в частности математических) абстракциях объективное содержание,

но и акцентирует на этом свое внимание в своих попытках объективного обоснования рациональности.

В-третьих, философия в лице того или иного мыслителя провозглашает новую, «подлинную» реальность и с позиции этой реальности оценивает и решает весь корпус мировоззренческих проблем. Для Демокрита это был мир атомов, для Платона – мир абсолютных идей, для Сократа – человеческая индивидуальность как начало развития социума. Сократ концентрирует свое внимание на проблеме человека («познай самого себя»), на его нравственных установках. Субъективность, говорит Маркс, выдает себя за принцип философии. Сократ «оказывается столь же субстанциональным индивидом, как и прежние философы, но в форме субъективности; он не замыкается в себя, он носитель не божеского, а человеческого образа; Сократ оказывается не таинственным, а ясным и светлым, не пророком, а общительным человеком» [2, с. 135]. Истина рассматривается философами не просто как соответствие наших мыслей и наших жизненных предпочтений эмпирически данной наличности, а как соответствие «подлинной» реальности, провозглашаемой той или иной системой. Только «во мнении» есть «теплое» и «холодное», – говорит Демокрит, – в действительности же есть только атомы и пустота.

Не только в эпоху античности, но и в последующее время сохраняются (хотя и подвергаются модификации или даже трансформации) многие формы и технологии классического философствования. Так, философы идеалистического направления, как правило, за исходную реальность брали ту или иную человеческую способность (например, разум, волю, способность к творчеству, интуицию и т. п.) и придавали ей онтологическое звучание. У Гегеля разум становится не только гносеологическим феноменом, но и неким космическим началом. Разум правит всем миром. Мир по своей природе рационален, а в своей основе идеален. В нем господствует объективное рацию, мировой разум. Этот последний господствует и в развитии общества. История есть развертывание разумного начала. Разумность – в необходимости каждой исторически преходящей стадии развития и ступени совершенствования исторического духа по спирали Прогресса. Каким же образом, по Гегелю, человек оказывается «вписанным» в такой разумный порядок вещей? Что связывает его с таким холодным, бесчувственным, безликим разумом мироздания? Человек оказывается вписанным в общий космический порядок событий благодаря своему собственному разуму. Человек есть не только нечто случайное, партикулярное, единичное, он есть частичка универсальной разумности Природы. В нем природа осознает самую себя, просыпается для сознательного творчества, для реализаций потенций Абсолюта. Человек есть необходимое и притом высшее звено в движении к Абсолюту. Это происходит из способности индивида познавать абсолютную истину. Смысл родовой жизни человека, следовательно, в познании истины, в развертывании в «теле» культуры всего многообразия истинных проявлений мирового духа.

Совершенно иначе развертывают и выстраивают свой дискурс философы, которых условно можно отнести к иррационалистическому направлению – Фихте, Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др. Показательна в этом отношении

система взглядов А. Бергсона. Он полагает, что единственная подлинная реальность – это поток человеческих переживаний, тождественный по своему содержанию самой «жизни». Уже в этом исходном тезисе философа мы видим, во-первых, отказ от ведущей роли рациональности как темы философствования, во-вторых, отход от понятия истины как результата объективного постижения мира, в-третьих, сосредоточение внимания на такой форме человеческой субъективности, которая прямо не связана с познавательной деятельностью человека. Отсюда кажется, что Бергсон лишил себя логической возможности перейти от субъективного к объективному, к процедуре онтологизации, без которой трудно построить целостную систему, претендующую на мировоззренческую, философскую значимость.

Бергсон выходит из положения благодаря тому, что постулирует в непрерывной изменчивости человеческой психики субстанциональное начало. Поток душевных переживаний индивида, поток сознания есть в сущности нечто индивидуальное. Погружение в глубины сознания ведет к сверхличностному духу. Жизнь духа, понимаемая как космический процесс – есть смена творческих актов, непрерывное возникновение нового. Бергсон не отрицает того, что человек обладает разумом как инструментом познания. Весь вопрос лишь в том, каков его познавательный статус. Разум человека – это всего лишь ограниченный по своим возможностям интеллект, основная функция которого – изобретение способов практического манипулирования с материальными вещами с целью их утилитарного использования. Что касается «подлинной» реальности мира – «жизни», то интеллект не способен ее адекватно познать. Человеческая способность, благодаря которой мы получаем возможность постигать «жизнь», это интуиция. Жизнь, как длительность духа, непроницаема для интеллекта. Интеллект может познавать жизнь только «извне», «изнутри» ее постигает лишь иррациональная по своей природе интуиция. Интуиция связана не с рациональным «пониманием», а с актом «вживания» в объект. Метод «эмпатии», вживания в мир другого, позднее берет на вооружение герменевтика.

Стратегии философствования в современном культурном контексте: глобальная переориентация

Существование в истории философии технологии вписывания человека в универсальные порядки бытия в XX в. уступают место интерпретациям человеческой субъективности как некоторой самодостаточной сущности. Этот поворот в способах и стратегиях философствования отражает, очевидно, некоторые глубинные процессы в самом цивилизационном развитии человечества, связанные с современным антропологическим кризисом [6, с. 54 – 82].

Пример философской системы Бергсона показывает, что в истории философии, начиная с софистов, стоиков и Платона, наряду с рационалистическим направлением существовала и другая линия, связанная с обращением к таким феноменам, как жизнь, спонтанность, экзистенция, интуиция, бессознательное. В XX в. эта линия нередко становилась даже ведущей. Особенно наглядно это проявилось в философии З. Фрейда и экзистенциалистов. Сам опыт развития

культуры этой эпохи подводил людей к необходимости переоценки тех или иных человеческих ценностей и способностей как культурно-исторических реальностей. Так, опыт развития науки в XX веке показал, что те идеалы и притязания «научного разума», которые лежат в основе идеологии сциентизма, потеряли свою былую убедительность. Сегодня человечество иначе понимает культурно-историческую роль разума, эмоциональной сферы, интуиции, мировоззренческих и этических установок в научном познании и т. п., чем пятьдесят или сто лет тому назад. Философ пытается понять и теоретически осмыслить этот стихийно идущий в культуре процесс переоценки [8]. Одни стороны общекультурного процесса он пытается выделить, подчеркнуть их возросшую значимость, привлечь к ним всеобщее внимание, напротив, другие стороны квалифицировать как несущественные, потерявшие актуальность и т. п. И то, что еще вчера многим казалось чем-то случайным, чисто субъективным, капризом моды или проявлением чудачества отдельных людей, благодаря философскому анализу неожиданно становится (или осознается) чем-то важным, тем, что касается многих, что становится объектом изображения в искусстве и т. д. Так, бесспорно, что философские работы Бергсона, те акценты, которые он делал, обращаясь к проблемам творчества, интуиции, памяти, оказали заметное влияние на художественную литературу, театр и кино первой половины XX века. «Бергсон открыл художнику новые, достаточно плодотворные пути проникновения в человеческую душу. Он нашел новые способы описания внутреннего мира человека, новый подход к нему, открыл возможность новых приемов и манер письма» [1, с. 30].

Тенденция философской мысли в странах западного мира за последние полтора столетия состояла в том, что постепенно смещался центр тяжести в мировоззренческих координатах от космического и онтологического к человеческому и субъективному, к субъективной реальности. Сам человек, его сфера сознания и бессознательного стали расшифровываться как последняя и подлинная реальность истории и бытия человека. Реабилитация «человека во плоти», провозглашенная гуманизмом Нового времени, имела тот прогрессивный смысл, что требовала освобождения человека от социальных форм угнетения, от пут средневековой идеологии. В результате, однако, мировоззренческий маятник – в силу самой логики развития культуры и философской мысли – качнулся в противоположную сторону. Этот поворот мысли отражал, разумеется, глубинные процессы в развитии самой цивилизации. Массовидный человек зачастую оказывался лишенным надличностных ориентаций, жизнь его, подобно животному, замыкается на потребительских интересах. Живя только «здесь» и «теперь», эмпирически индивид стал незаметно для себя терять духовные измерения личности, его мировоззрение стало облекаться в вещистские формы, блещущие красками «маскульта». Человек становится «одномерным», он поклоняется только одному идолу – вещам. Но однажды, проснувшись, он почувствовал, что вещи больше не привлекают его. Он осознал себя одиноким, случайно заброшенным в чуждый и непонятный ему мир абсурда. Его мировоззренческие координаты тусклы и шатки. Не только бесконечный мир предстал перед ним как нерасшифрованный

иероглиф, но даже близкие ему люди перестали его понимать, а он разучился понимать их. Он оказался «посторонним» среди своих. И постепенно число посторонних растет, порождая феномен всеобщего отчуждения. В этих условиях многие начинают искать хоть какие-то смыслы. Так, человек начинает эксплуатировать в себе биологический запас удовольствий. Но довольно быстро он исчерпывает этот запас. Если в свое время миф биологическую основу полового чувства расцветивал богатыми красками фантазии и воображения, придавал этому чувству гамму смысловых оттенков и заставлял человека переживать все эти оттенки, то бездуховность современного индивида низводит любовь до случайного и скучного развлечения. Чтобы как-то разнообразить возможности человеческой чувственности, человек начинает обращаться к искусственным средствам возбуждения биологической сферы – наркотикам, спайсам и т. п. Немало и таких, которые, чтобы заполнить образовавшийся духовный вакуум, стали искать новые смысло-жизненные ценности в восточных культах. Новое оказалось хорошо забытым старым. За приличную плату вас обучат сегодня древней технике медитации и в Америке, и в «старом Свете», и у нас в России. Некоторые философы даже увидели в этом факте новое пробуждение духовных ресурсов личности.

Разумеется, отдельный человек может найти себе утешение в мистическом общении своего «я» с мифическими «гидами» и надличностными силами. Но человечество не может найти новые смыслы исключительно в отложениях духовного опыта древних людей. Новые смыслы должны отразить качественные сдвиги во взаимодействии человека с социальной и природной реальностью, характерные для эпохи компьютеров, интернета и спутников.

Если высокая культура прошлых столетий продуцировала духовные смыслы посредством онтологизации сущностных сил человека и его субъективной сферы (разум, чувства, язык, воля и т. п.), придавая им трансцендентную нагруженность, то современная массовая культура превращает все многообразие предметного мира цивилизации в продукт, выбрасываемый на рынок товаров и услуг для массового потребителя. Ценность такого продукта (включая сферу образования, науки, искусства и др.) определяется не его сверхчувственным, общечеловеческим смыслом, а способностью удовлетворять обыденные потребности массового общества. Омассовление условий и форм жизни ведет к усреднению, примитивизации и стандартизации мира культуры. Рынок посредством СМИ, рекламы, моды, эффективно формирует у массового индивида систему искусственных потребностей, а затем с такой же эффективностью эти потребности удовлетворяет. Человек становится «машиной желаний», а рынок – машиной их выполнения. В этой цепочке «человек – потребность – продукт» культура участвует лишь как система симулякров в технологиях рекламы и моды. Единственной ценностью предлагаемого продукта становится «новизна», инновационная привлекательность, скандальная и шокирующая оригинальность. Духовное измерение продукта не предполагается, ибо духовность связана не с «новым», а «вечным» – с добром, истиной и красотой. И все же где-то в глубине души человек все еще испытывает неосознанную тягу к духовному началу, к смыслу и счастьем. Любопытные, но изощренные технологии манипулирования сознанием касаются не

только того, как всучить потребителю ненужные ему товары и услуги, но и способны спекулировать на экзистенциальных чувствах людей. На этом пути преуспели различного рода сектантские общества, радикальные псевдорелигиозные движения.

Современная культура, втягиваясь в пространство рынка как в черную дыру, теряет свое духовное измерение, становится посткультурой, системой симулякров, культурой *als ob*, в рамках которой и сам человек трансформируется незаметно для самого себя в одномерного постчеловека, лишённого нравственного начала и способности к трансцендированию. В отличие от родового, постчеловеческое сознание не способно различать добро и зло, истину и ложь, красоту и уродство, сущее и должное, инь и ян. Альтернативой такой модели цивилизационного развития является культура нового Возрождения, когда человечество вновь обратится к миру духовности, к такому типу сознания, для которого «нравственный закон внутри нас» (И. Кант) будет основой бытия человека в мире.

Прослеживая исторически существовавшие в истории культуры формы духовности, можно заметить, что философия в каждую данную эпоху не только теоретически осмысливает их, но и активно влияет на их формирование и развитие, больше того, философия сама оказывается важным типом духовности. Будучи высшим теоретическим синтезом всей наличной культуры, ее катализатором и способом ее критического переосмысления, философия всегда является, по выражению К. Маркса, духовной квинтэссенцией определенной эпохи, ее высшим креативным уровнем самосознания.

Креативность философии заключается не только в том, что она подытоживает основные результаты, достигнутые в каждую данную эпоху, но и в том, что она выступает как критика всей наличной социальной действительности, всей культуры, как открывательница и провозвестница новой исторической перспективы. Это позволяет ей судить о настоящем, с одной стороны, на основе накопленного исторического опыта прошлых поколений, а с другой – с точки зрения будущего, раскрывая скрытую диалектику сущего и должного в процессе исторического самоопределения человека как духовного существа.

Список литературы

1. Мельвил Ю.К. Пути буржуазной философии XX века. – М., 1983. – 245 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф., Из ранних произведений. – М.: Издательство политической литературы, 1958. – 767с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Издательство политической литературы, 1958. – т. 12. – 910 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Издательство политической литературы, 1958. – т. 21 – 879 с.
5. Чанышев А. Н. Начало философии. – М., 1982. – 187 с.
6. Лазарев Ф.В. Прологомены к ноосферно-антропологическому манифесту // Ноосферология: наука, образование, практика. – Симферополь, 2008.
7. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, формы, типы // Вопросы философии и психологии. – 2015. – № 1 (13). – С. 4–6.
8. Кантор К.М. Философия и культура в историческом развитии человечества // Вопросы философии. – 1983. – № 7.
9. Кузнецов В.Н. Конституирование философской рациональности // Разум и культура. – М., 1983. – С. 9.

Lazarev F. On the technology of formation of values and philosophical systems in the history of culture // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 88-104.

The article considers the nature of mythology in the context of the cultural and historical aspects. The role of the primary forms of worldviews consciousness in the development of human culture. The method of the critical review of the main discourses in which formed the concept of myth and Logos revealed the role of primary forms of ideological consciousness in the development of human culture. Used by method of the critical review of the main discourses in which formed the concept of myth and Logos revealed the role of primary forms of ideological consciousness in the development of human culture. In this article, the myth is regarded as a mechanism cultural and creative function. The author discussed in detail the development of the mythological consciousness, that begin to form rational, conceptual and spiritual level of the world. The question about truth give birth to question of its development in the onto-epistemological aspect. To establish certain "technology" philosophizing, according to which the critical function of philosophy is based on the type of trans-doxes reflection. Traced historically existed in the history of culture forms of spirituality, which show the philosophy of not only their theoretical understanding, but also as a way to influence their formation and development. Also in this work philosophy stands out as the most important type of own spirituality, which has realized the process, has made it the object of reflection and had an active reverse effect on the culture. This allows it to judge the present, on the one hand, on the basis of the accumulated historical experience of past generations, and on the other - from the perspective of the future, revealing hidden things and the dialectic due to the process of historical human identity as a spiritual being. According to the author, the philosophy is the creative principle which defines correlates spiritual forms, which discuss in this article. Author use the trans-doxal methodology as new type technology of philosophizing. And show that problem of truth is problem of multiply of opinions (or «doxa»), that has part on his article. The movement to truth represent as movement from myth to logos, but myth don't considered such as lower level than last point. But in the other hand philosophy has done important role to founding every type of knowledge. And nowadays this role can be live, that author connected with his creative function. With this function can be possible rebirth to truth, that contradict worldview of postmodernism, that has world of sences as object of deconstruction. But this sences valuable and consist of myth, of science – of Logos – can be show it conceptually.

Key words: myth, mythology, philosophy, forms of spirituality, philosophy, truth, reality.

References

1. Melvil J. The Path of Bourgeois Philosophy of the Twentieth Century. Moskow, Mysl Publ. – 1983. – 245 pp. (In Russian)
2. Marks K., Engels F., Early works. Moskow, Mysl Publ. – 1956. – 767 pp. (In Russian)
3. Marks K., Engels F. Writings, second edition, vol 12. Moskow, Mysl Publ, 1961. – 910 pp. (In Russian)
4. Marks K., Engels F Writings, second edition, vol 21. Moskow, Mysl Publ, 1961. – 879 pp. (In Russian)
5. Chanyshev A. Beginning of Philosophy, Moskow, Mysl Publ. – 1982. – 184 pp. (In Russian)
6. Lazarev F. Prolegomena to Noospheric-Anthropological Manifest // Noospherology: Science, Education, Practice.
7. Kantor K. Philosophy and Culture in the Historical Development of Mankind //The Questions of Philosophy. – № 7. – 1983 (In Russian)
8. Lazarev F., Lebedev S.A. Philosophical Reflection: the Nature, Forms, Types // Problems of Philosophy and Psychology, no 1 (13). – pp. 4-16. (In Russian)
9. Kuznecov V. The Constitution of Philosophical Rationality //Mind and Culture Moskow, Mysl Publ, 1983 p 9. (In Russian).

УДК: 164.07

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИТОЛОГА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

Раскосова А. В.

Данная статья посвящена профессиональной культуре политолога и противоречиям формирования ее в вузе. Политология является сравнительно молодой наукой, поэтому многие области в ней мало изучены. В течение многих веков накопился большой опыт ведения как государственных, так и мировых дел, сложилась история. Поэтому для исследования политических обстановок, для изучения происходящих в мире событий, составлений анализов и прогнозов политических событий появилась такая профессия как политолог. Конечно же, политологи были намного ранее, но называли их иначе: философами, мыслителями и т. п. Сегодня это квалифицированные аналитики, эксперты, политические консультанты, технологи, журналисты и т. д. Изучение специфики профессии «политолог» и его профессиональной культуры является актуальным на сегодняшний день направлением. Существует необходимость исследования мира политики в целом, и ее многообразных проявлений в частности. Профессия «политолог» становится все более востребованной нашим обществом и государством. Но нередко мы сталкиваемся с непрофессионалами, которые от понятия профессиональной этики и культуры довольно далеки, а ведь от профессионализма политолога, можно сказать, зависит будущее развитие государства и всех его составляющих.

Ключевые слова: *политология, политическое образование, политическая культура, профессиональная культура политолога, профессиональные стандарты, противоречия.*

Целью данной статьи является рассмотрение содержательных компонентов профессиональной культуры политолога, выявление некоторых противоречий процесса подготовки студентов по специальности «Политология» в вузе.

Новизна работы заключается в выявлении противоречий формирования профессиональной культуры политолога в условиях вуза.

Профессия политолога, профессиональная культура выпускников вуза данного направления является малоизученным социальным феноменом. В то же время, значение деятельности политолога возрастает. Это обуславливается, прежде всего, общественной потребностью повысить качество политико-управленческих

решений, принимаемых властными институтами Крыма. Подготовка таких решений – это результат деятельности не только политиков, а и квалифицированных аналитиков, экспертов, консультантов и т.д., среди которых есть и политологи. Вхождение Крыма в состав России поставило многие задачи в экономической, социальной, духовной и других сферах, которые ранее фактически не решались.

Еще один фактор, актуализирующий рассматриваемую проблему – это потребность формирования и развития гражданской культуры крымского общества, в том числе молодежи. Изучение данной проблемы приводит к убеждению, что необходимы дополнительные целенаправленные усилия образовательных учреждений, а также сообщества политологов, чтобы молодежь становилась сознательным участником политической жизни.

Основными методами изучения рассматриваемой проблемы были: осмысление и систематизация взглядов исследователей по теме профессиональной культуры; контент-анализ прессы, освещающей деятельность политико-управленческих структур Республики Крым; наблюдение и анализ учебно-воспитательного процесса на философском факультете КФУ им. В. И. Вернадского.

Тема политической культуры в целом, как показывает изучение ряда работ, исследуется российскими, украинскими, белорусскими учеными [1]. Но тема профессиональной культуры политолога исследуется недостаточно, обнаружены лишь отдельные публикации, посвященные данной теме [4].

Основываясь на положениях ученых, можно определить, что профессиональная культура политолога – это системное качество, характеризующее уровень профессионального и социально-нравственного развития специалиста, меру и способ реализации его сущностных сил в процессе профессиональной деятельности и ее результатах.

В профессиональной культуре можно выделить две составляющих: духовную и деятельностно-поведенческую.

Две составляющих политической культуры можно проследить и в федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки «Политология», где по окончании бакалавриата выпускник должен обладать общекультурными компетенциями, такими как: стремление к постоянному саморазвитию, повышение своей квалификации и мастерства; понимание социальной значимости своей будущей профессии, обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности и т. д. А также и профессиональными компетенциями, а именно в области научно-исследовательской, педагогической, организационно-управленческой и проектной деятельности. Например, владением навыками научных исследований политических процессов и отношений, методами анализа и интерпретации данных о политике, государстве и власти; владением навыками участия в исследовательском процессе, представлением о методологии и методах современной политической науки, их применении в политологических исследованиях; способностью и умением использовать полученные знания и навыки в области общей политологии и современных политических теориях и в других дисциплинах; навыками участия в организации управленческих процессов в органах

власти, в аппаратах политических партий и общественных объединений, органах местного самоуправления; владением методиками социологического, политологического и политико-психологического анализа, подготовки справочной информации для аналитических материалов; способностью рационально организовать и планировать свою деятельность, применять полученные знания для формирования собственной жизненной стратегии; способностью использовать знания о политической диагностике в работе по группировке и систематизации политических фактов, прогнозированию и моделированию политических процессов и событий; навыками составления технических заданий, программирования научно-теоретических и прикладных исследований политических процессов [5].

Политологии в России как самостоятельному направлению университетского знания чуть меньше тридцати лет (актом ее официальной институционализации можно считать постановление ГКНТ СССР от 4 ноября 1988 г. № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», в которое были внесены специальности по политическим наукам) [2].

Нормативные документы России ориентируют будущих политологов на выполнение следующих функций:

- изучение и исследование политической сферы жизни общества, актуальных политологических проблем;
- экспертно-аналитическое и прогностическое обоснование политических решений и участие в их реализации;
- разработка технологий политических процессов, кампаний, акций (выборы, референдумы, митинги, политические переговоры и т.д.);
- маркетинговый анализ конъюнктуры политического рынка, формирование имиджа политического «товара»;
- паблик рилейшнз - разработка современных коммуникационных технологий, специальных механизмов для общения, обмена мнения и взаимопонимания, обеспечение связей правительственных и иных организаций с общественностью [3].

Анализ работ по данной проблематике позволяет говорить о том, что профессиональная культура представляет собой одну из подсистем культуры. Ее появление явилось результатом становления самостоятельных видов профессиональной деятельности, формирования новых профессий и специальностей. Формирование профессиональной культуры личности означает освоение общепризнанных стандартов лучших образцов профессиональной деятельности.

Исследователи выделяют следующие свойства профессиональной культуры:

- связь профессиональной культуры с деятельностью профессиональной группы. С одной стороны, это проявление внутренних, личностных качеств человека в процессе профессиональной деятельности. С другой – это результат влияния самой этой деятельности на формирование внутреннего мира человека;
- профессиональная культура – это определенный фрагмент сознания людей: их интерес к определенной деятельности, ориентация на предмет интереса или, наоборот, безразличие, отсутствие его. Как элемент сознания профессиональная культура включает предпочтения, ожидания, мотивы поведения людей;

- тесная связь профессиональной культуры с нравственной, правовой, гражданской, эстетической и т.д.

Профессиональная культура, как показывает изучение проблемы, выполняет следующие функции: продуцирует ценности и нормы, необходимые для поддержания и развития профессиональной деятельности; регулирует социальные отношения людей в процессе их профессиональной деятельности; передает профессиональный опыт от поколения к поколению.

Полагаясь лишь на документ, в котором обозначен стандарт образования, мы не можем говорить о том, что студенты усваивают и могут реализовать на практике свои умения. Не все выпускники могут считаться профессионалами в своей области, это зависит в первую очередь от самого студента, его желания приобрести эти навыки, его стремление к самосовершенствованию, и с другой стороны от вуза и качеством подготовки. Отсюда вытекают несколько противоречий процесса обучения.

Во-первых, это противоречие между требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки «Политология» выпускнику-политологу и степенью их реализации. В образовательном стандарте говорится об общекультурной компетенции (ОК) и профессиональной компетенции (ПК), которыми выпускник должен обладать. Если из этого судить, то можно с уверенностью говорить о профессионализме выпускника, о том, что он обладает профессиональной культурой. Но на опыте мы видим, что малая доля студентов может этим обладать. Так в чем же заключается проблема? Полагаем, что зачастую – в нежелании студентов изучить и обладать данными компетенциями или же в неспособности вузов предоставить возможности для реализации их получения. Чтобы избежать данной проблемы, необходимо поставить студентов в условия, заставляющие их работать или отчислять тех, кто не проявляет желания и интерес к учебной деятельности.

Во-вторых, противоречие между целями и задачами образовательного процесса и уровнем его учебно-методического обеспечения. В структуре ООП бакалавриата прописан перечень дисциплин для разработки примерных программ, а также учебников и учебных пособий. Но за все время обучения студентам не могут предоставить учебные пособия по всем дисциплинам, что существенно снижает возможность качественного изучения материала. Основная образовательная программа должна обеспечиваться учебно-методической документацией и материалами по всем учебным курсам, дисциплинам (модулям) основной образовательной программы. Содержание каждой из таких учебных дисциплин (модулей) должно быть представлено в Интернете или локальной сети образовательного учреждения. Каждый обучающийся должен быть обеспечен доступом к электронно-библиотечной системе, содержащей издания по основным изучаемым дисциплинам и сформированной по согласованию с правообладателями учебной и учебно-методической литературы. К сожалению, не все вузы могут предоставить полный перечень литературы в печатном варианте, и к еще большему сожалению на сегодняшний день всё меньше студентов изъявляют желание читать

необходимую литературу по дисциплинам, работать с источниками, посещать библиотеки. Для прогрессирующего общества, возможно, это становится нормой, так как более удобным и доступным местом работы является электронная библиотека. Возможно, вузам следует больше внимания уделить созданию возможностей пользоваться доступной электронной библиотекой, где студенты смогут найти необходимую им литературу. Тем не менее вопрос о нехватке литературы во многих университетских библиотеках стоит остро, что значительно снижает качество подготовки студентов.

Также, говоря о современных технологиях, нужно отметить, что в положении говорится о «минимально необходимой для реализации ООП бакалавриата материально-технического обеспечения: наличие компьютерного класса; наличие доступного для студента выхода в Интернет; наличие специально оборудованных кабинетов и аудиторий для мультимедийных презентаций». Всё это, конечно, не основательно, но всё же улучшит работоспособность студента и освоение материала [6].

В-третьих, противоречие между потенциальной и реальной ролью практик, предусмотренных учебным планом в процессе обучения студентов. Учебная и производственная практика, которая является обязательной, представляет собой вид учебных занятий, непосредственно ориентированных на профессионально-практическую подготовку обучающихся. В результате прохождения профильной учебной практики студент должен овладеть способностью преподавания обществознания и политологии в средней школе, современными методиками обучения, навыками организации самостоятельной (внеаудиторной) работы. В результате прохождения производственной практики студент должен овладеть навыками научно-исследовательской, экспертной, консультационной работы в сфере политологии, навыками управленческой и организационной работы по принятию и реализации политических решений в органах власти и управления, в аппаратах политических партий и общественных объединений, в органах местного самоуправления, в структурах международных организаций и других участников политического процесса, а также в политологическом обеспечении процесса социальной и межкультурной коммуникации. Но, к сожалению, прохождение практики студентами не всегда дает должных результатов. В основном многие организации, учреждения и т. п. со студентами не имеют желания работать, объяснять, поручать важные задания, поэтому для многих пройденная практика никак не влияет на развитие профессиональных знаний и умений. Однако практика по любой специальности имеет большое значение, студент должен понять, как и где он может применить свои умения, как работает управленческий механизм изнутри т. д. И многие, пройдя практику, разочаровываются в бесполезности наработанных знаний и навыков, потому что в большинстве случаев те же работники не имеют достаточно квалификации, не соответствуют заданным стандартам образования, чтобы быть профессионалом. На мой взгляд, руководителям практик от университета необходимо подбирать места, где студенты могут применить все свои знания, приобретенные в период обучения, где организации смогут помочь практикантам приобрести навыки и умения, применить теорию на практике.

В-четвертых, противоречие между целями и задачами учебно-воспитательного процесса и уровнем познавательной активности студента. Образовательный стандарт включает в себя подготовку в разных видах деятельности: научно-исследовательской (участие в работе семинаров, научно-теоретических и научно-практических конференциях, в подготовке публикаций, обзоров и аннотаций); педагогической; организационно-управленческой (участие в организации управленческих процессов в органах власти и управления, в аппаратах политических партий, общественных объединений, СМИ и т. д., участие в проведении политических кампаний, организации избирательного процесса, консалтинговой деятельности, обработка данных прикладных исследований для последующего анализа, прогнозирования и моделирования политических процессов); проектной (подготовка документации к разработке научно-исследовательских программ и проектов, участие в проектировании научно-теоретических исследований и прикладных исследований политических процессов). Большинство вышеперечисленных видов деятельности требуют не только высокого уровня разработки учебных программ, но и активности студента, его способности к самообразованию. Чтобы приобщить студента к данным видам деятельности, необходимо стимулировать, поощрять его стремление и труд, способствовать его желанию работать, организовывать необходимые мероприятия и конференции.

В-пятых, противоречие между учебной программой, задачами образовательного процесса и качеством учебных занятий. Не все преподаватели имеют навыки преподавательской деятельности. Преподаватель и ученый – это два разных понятия. К сожалению, в учебном процессе преподавание и научно-исследовательская деятельность не разделены и функционируют совместно. Но не все ученые могут быть блестящими преподавателями, и наоборот, что мешает в полной степени студенту усвоить предмет.

Следует упомянуть систему оценивания в российских вузах. Сегодня многие ученые говорят о пользе и вреде перехода к Болонскому процессу. Конечно, в целом можно вынести много полезного из данной системы, но так как она введена относительно недавно, то мы не можем в совершенстве её внедрить и использовать [7].

В вышесказанном затрагиваются противоречия лишь в образовательном стандарте бакалавриата, но не затрагиваются они в приобретении степени магистра, хотя также имеются.

В стандарте подчеркивается, что дипломированный политолог должен уметь: использовать знание иностранного языка в профессиональной деятельности, профессиональной коммуникации и межличностном общении; создавать базы данных и использовать ресурсы Интернета; применять навыки и умения в этой области для решения профессиональных задач; использовать методы современной политической науки и политического анализа; понимать, излагать и критически анализировать базовую общеполитологическую информацию. Все эти навыки необходимы для решения профессиональных задач в сферах трудовой деятельности политолога.

Несмотря на все недостатки в учебном процессе, в целом о политической науке можно сказать, что она продвинулась вперед, проделала большой путь в России. В стране насчитывается более ста лицензированных вузов, осуществляющих специализированную подготовку по политологии, и до двухсот кафедр, где политология преподается как общегуманитарная дисциплина. Можно говорить о том, что в России сложился целый ряд самостоятельных научных школ, причем не только в классических университетах, но также и в специализированных вузах. На данный момент в России сложилась инфраструктура, необходимая для становления и развития современной политической науки, а также соответствующей системы образования. Однако в ней встречаются противоречия, рассмотрение и решение которых следует учесть.

Список литературы

1. Нинюк І. Професійна культура як єдність професіоналізму і культури в діяльності людини // Вісник УАДУ. – 2003. – №1. – С.91-94; Панарин Л. Российская политическая культура: прогнозы на XXI век // Власть. – 1997. – №11. – С.44-49; Соколова Г. Н. Социология труда: Учебник / Г. Н. Соколова. – М.: Высшая школа, 2002. – 316 с.; Соловьев А. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? // Политическая мысль. – 1999. – №1-2. – С.28-52; Тихомиров В. Б. Профессионализм политолога: анализ, принятие решения, управление событиями // Социально-политический журнал. – 1993. – №3. – С.123-128; Щербинин А. И. Политическое образование: Учебное пособие / А. И. Щербинин. – П.: Весь Мир, 2005. – 288 с.
2. Коваленко В. И. Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник московского ун-та / Серия 12. Политические науки. – 2009. – №1. – С.4-9.
3. Шестопал Е. Б. Российская политология в европейском контексте // Вестник московского университета / Серия 12. Политические науки. – 2008. – №6. – С. 71-74.
4. Иваненко К. С., Кузьмин П. В. Профессия-политолог. – Симферополь, 1999. – С.70.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 политология (квалификация (степень) «бакалавр») // Вестник московского университета / Серия 12. Полит. науки. – 2011. – №2.

Raskosova A.V. Professional Culture of Political Scientist and Contradictions of its Formation at the University // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 105-112.

This article is devoted to the professional culture of the political scientist and contradictions of its formation at the university. Political science is a comparatively young science, so it has many fields which have not studied yet. A large experience has accumulated in both public and international affairs for many centuries and history has developed, so such profession as a political scientist has appeared for research of political situations, for explore of world events and for the preparation of analyzes and forecasts of political developments. Of course, politicians have been much earlier, but called them anyway: philosophers, thinkers, etc. Today they are a qualified analysts, experts and political consultants, technologists, journalists, etc. Profession of political scientist and the study of its professional culture are actual today. There is a need to study the policy in general and its various manifestations in particular. Profession of political scientist is becoming more and more popular in our society and the state. But often we are faced with non-professionals, who are far from professional ethics and culture, but the future development of the state and all of its components depends on the professionalism of the political scientist.

Key words: political science, political education, political culture, professional culture of political scientist, professional standards, contradictions.

References

1. Ninyuk I. Professional Culture as the Unity of Professionalism and Culture of Human Activity // Herald of the UAGP. – 2003. – №1. – P.91-94; Panarin L. Russian Political Culture: Forecasts for the XXI Century // Power. – 1997. – №11. – P.44-49; Sokolova G.N. Labour Sociology: Textbook / G.N. Sokolova. – High School. – 2002. – P. 316; Soloviev A. Culture of the Russian elite: the Temptation of Constitutionalism // Political Thought. – 1999. – №1-2. – P.28-52; Tikhomirov V.B. Professionalism of Political Scientist: Analysis, Decision-Making, Event Management // Socio-Political Magazine. – 1993. - №3. – P.123-128; Shcherbinin A.I. Political Education: Textbook / A.I. Scherbinin. – P. : All the World. – 2005. – P. 288.
2. Kovalenko V.I. Political Science and Political Education in Russia and the Moscow University // Moscow University Herald / Series 12. – Political Science. – 2009. – №1. – P. 4-9.
3. Shestopal E.B. Russian Political Scientists in the European Context // Herald of the Moscow University, Series 12. Political Science. – 2008. – №6. – P. 71-74.
4. Ivanenko E.S., Kuzmin P.V. Political Scientist Profession. – Simferopol, 1999. – P.70.
5. Federal State Educational Standard of Higher Education in the Direction of Preparation 030200 Political Science (Qualification (Degree) "Bachelor") // Herald of Moscow University / Series 12. Political Sciences. – 2011. – №2.

УДК: 323.23 + 321.8

КРЫМ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Халанская Л. Г., Межова М. С.

Статья посвящена вопросу культурной глобализации и разным подходам к пониманию этого процесса. На сегодняшний день феномен глобализации становится всё более ощутимым и значимым фактором трансформации мира, и к тому же – самым противоречивым. Наука изобилует трактовками и подходами, нередко взаимоисключающими друг друга. В статье рассматриваются самые популярные из этих воззрений в рамках единого всеобъемлющего процесса – культурной глобализации. Мы поставим опыт: каждая из моделей будет применена к обществу Крымского полуострова, рассмотрены механизмы влияния различных глобальных процессов и их последствия. Таким образом, мы подкрепим теорию наглядным примером, реальными фактами и их анализом.

Ключевые слова: глобализация, культурная глобализация, вестернизация, мультикультурализм, глокализация.

Глобализация является очень молодым, но при этом одним из наиболее влиятельных процессов в наши дни. Сегодня невозможно рассматривать какие-либо проблемы человеческого развития в отрыве от процесса глобализации. Именно этот процесс затрагивает все области общественной жизни, включая экономику, политику, социальную сферу, культуру, экологию, и вносит значительные коррективы в дальнейшие перспективы развития всего мирового сообщества. Данная работа включает в себя наиболее сложный и противоречивый аспект глобализации – культурный. Обилие теоретических концепций и подходов, порою откровенно противоречащих друг другу, зачастую лишь препятствуют пониманию содержания происходящих процессов.

В этой статье осуществляется попытка обобщения подходов к понятию глобализации, в частности её культурной сферы, а также влияния глобальных процессов на общество крымского полуострова. Актуальность темы обусловлена как исторически сложившимся культурным многообразием Крыма, совмещение которого с процессами культурной глобализации делает рассматриваемую тему особо значимой, а также процессом политической трансформации Республики Крым, которая формирует новые, отсутствовавшие ранее вызовы межэтническому, межконфессиональному и т.д. взаимодействию в этом регионе.

Соответственно, цель работы можно определить как анализ процессов, происходящих в современном Крыму в контексте культурной глобализации.

Для достижения поставленной цели, прежде всего, необходимо:

1. Ознакомиться с литературой, посвящённой вопросам глобализации как отечественных (В. И. Добреньков, В. Толстых, М. Г. Делягин, В. Л. Иноземцев, А. С. Панарин, А.И. Уткин), так и зарубежных авторов (К. Поппер, Ф. Фукуяма, Зб. Бжезинский, З. Бауман, У. Бек, Э. Гидденс, М. Кастельс).

2. Определить основные тенденции культурной глобализации, сопоставив различные взгляды учёных, постараться понять каждый из подходов к трактовке культурной глобализации.

3. Описать влияние основных глобализационных процессов на общественную жизнь крымского полуострова, руководствуясь научной литературой и статистическими данными, подтверждающими реальность этих процессов

4. Оценить масштаб социокультурных и ментальных трансформаций на нашем полуострове.

Объектом данной статьи является культурная глобализация и её тенденции в современном мире, а предметом – её влияние на процессы крымского полуострова.

Подходы к определению глобализации

Глобализация – это, прежде всего современный динамичный мировой процесс, который основан на всё более уплотняющейся сетевой структуре мировых процессов. Более того, этот процесс неизбежный, повсеместный, многогранный и сложный. Сложность его начинается с трактовки понятия. Существует огромное множество определений глобализации, нередко даже противоречащих друг другу.

В самом широком значении под глобализацией понимают объективный естественный процесс интеграции человечества в единое целое. Один из наиболее выдающихся отечественных политологов А. С. Панарин определяет глобализацию вот как: «процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими от их неупорядоченных внешних воздействий» [11].

Стоит обратить внимание на то, что первоначально процесс глобализации рассматривался с экономической точки зрения. По мнению А. И. Уткина, известного российского политолога, глобализация – это «слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационному сближению, планетарной научной революции» [15].

На втором этапе в дискуссию подключились социологи, трактующие данный феномен исключительно с позиции своей дисциплинарной принадлежности, и в основе глобализации рассматривались разного рода глобальные социальные трансформации. На этой волне эволюция «глобализационной» мысли пополняется подходами с точки зрения политики, культуры, экологии и др. Немецкий социолог Ульрих Бек пишет: «рядом друг с другом существуют различные собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации, несводимые друг к другу и не копирующие друг друга,

а поддающиеся расшифровке и пониманию только с учетом их взаимозависимостей» [3].

Более того, глобализацию можно назвать революцией миропонимания, от ограниченного взгляда к открытому, который видит сквозь барьеры национальных государств, конфессиональных убеждений и всё чаще не замечает национальных предрассудков. Происходит ускорение время и сжатие пространства, меняется мировоззрение, и, что более важно, ощущение мира, его восприятие.

Современные технологии, «в особенности микроэлектроника, которая сократила расстояния в общественной, экономической и политической сферах деятельности, ускорила движений идей, изображений, валют и информации, тем самым усилив взаимодействие людей и событий» [13]. Благодаря вышесказанному межгосударственные границы становятся все более прозрачными, а перемещение людей, капиталов и идей более свободным.

Выделяется глобализация экономической среды, политических процессов, информационного пространства, а также той сферы, о которой и пойдёт речь в данной статье – культурной.

Культурная глобализация

Термин «культурная глобализация» возник в конце 80-х годов в связи с расширением культурного взаимодействия представителей разных наций по всему миру и процессом сближения и интеграции народов в единую мировую систему. Благодаря развитию уже упомянутых нами технологий, которые представляют собой комплекс взаимосвязанных и расположенных по всему миру узлов распространения и обмена информацией, глобализация обеспечила возможность для безграничного культурного диалога. Расширение культурных контактов, заимствование культурных ценностей, взаимное обогащение, обмен, миграции людей способствуют сближению народов. Это широкий слой культуры, и в его основе лежат мощные общие процессы интеграции [9].

Культурная глобализация является наиболее противоречивой из всех глобальных процессов, ведь именно на этом этапе происходит столкновение с рядом «вечных проблем», которые затрагивают самое фундаментальное – миропонимание человека, его уклад жизни, набор ценностей, традиций, верований и проч. «Традиция, вероятно, является главной концепцией консерватизма, ведь по мнению консерваторов, в ней содержится накопленная мудрость поколений» [5].

Именно поэтому существует большое количество теоретического материала на тему культурной глобализации, в том числе и «специализированных» трактовок процесса, которые раскрывают его с довольно узкой точки зрения. Обобщив материал, можно сказать, что культурная глобализация включает в себя ряд таких процессов как: вестернизация, унификация, мультикультурализм, космополитизм и, наконец, даже обратный процесс – глокализацию. Каждый из этих процессов был подкреплён аргументацией в научной литературе и имеет своих сторонников, которые настаивают на верности исключительно одной из теорий. Обилие теоретических концепций размывает понятие о культурной глобализации к пониманию ее сущности: слишком противоположны взгляды. Сложность

гуманитарных наук состоит в том, что часто приходится работать с абстрактным материалом, как в нашем случае: взаимоотношения представителей различных цивилизационных групп, становление нового миропонимания. Но не стоит забывать, что глобализация – это многогранный процесс и может объединять все вышеперечисленные явления, поэтому мы рассмотрим в нашей статье самые популярные из этих подходов на примере Крымского полуострова.

Республика Крым в процессе культурной глобализации

Крым – это уникальное место, ведь этот полуостров приходится древним историческим перекрестком народов и торговых путей, здесь сосредоточено невероятное количество исторических событий, а огромное количество народов издревна учились сосуществовать на столь маленькой территории. История и самобытность Крыма формировались под влиянием многих культур: древнегреческой, древнеримской, иранской, византийской, мусульманской, иудаистской, геноуэзской, армянской и русской культуры.

«Крым – евразийский микрокосмос, многомерное коммуникационное пространство, на геополитических, геоэкономических и социокультурных рубежах которого вырабатывались отношения между народами, человеком и природой. За многовековую историю Крым неоднократно был рубежом вражды и мира. Военно-стратегическое положение превратило Крым в арену геополитических, этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов, в полигон выяснения отношений между странами, разрешения вопросов евразийской и мировой политики» [7].

Нельзя не согласиться с тем, что крымчане имеют достаточный опыт сосуществования, ведь в Крыму тысячелетиями собирался целый букет народов родом из диаметрально противоположных уголков Земли, разных языковых семей, цивилизационных и религиозных групп. Век за веком между представителями различных этносов устанавливались контакты – торговые, культурные и информационные. Интенсификация такого взаимодействия приводила не только к взаимообогащению культур и терпимости, она всё более приобретала черты «плавильного тигеля». Такие условия 30 лет назад называли глобализацией. Следовательно, Крым может рассматриваться как своеобразная проекция всего мира, на которой мы и проведём «опыты» теоретических подходов.

1. Вестернизация

Некоторые учёные (С. Амин, Л. Бентон, Н. Глейзер) рассматривают процесс глобализации исключительно как распространение в мире регулируемых Западом информационных потоков и средств развлечения, идёт распространение и навязывание норм именно западной культуры. Причина такого одностороннего влияния очевидна. Именно западные государства являются «менеджерами» глобализации, благодаря техническим и технологическим возможностям формируют ее идеологическое наполнение. Результатом этого «западнического» проявления вестернизации является кризис идентичностей, отказ от собственных ценностей, традиций и норм в пользу западных образцов.

Что касается крымского полуострова, то его население также ощущает процесс ветернизации. Во-первых, мы являемся частью единого информационного пространства, самый яркий пример – Интернет, который доступен большинству населения (по данным киевского международного института социологии, в феврале 2012 года интернет-аудитория на Украине [регионом которой являлся Крым] составила 43% взрослого населения) и содержит в себе большой процент контента, производимого западной культурой – начиная от научных статей и исследований, заканчивая голливудскими фильмами, музыкой, играми.

Во-вторых, это английский язык, в нашем регионе изучение этого языка является обязательным в большинстве школ, кроме того, всё больше людей понимают необходимость изучения иностранных языков, в первую очередь – английского, потому что даже на полуостров широко распространилось мнение, что именно этот язык является «мировым языком». Доказательство этому мы находим в данных переписи населения 2014 года, согласно которым владеют: русским языком – 99,79 %, украинским языком – 22,36 %, английским языком – 6,13 % или 112 871 человек. Мы видим, что достаточно большой процент населения владеет английским языком, опережая даже крымско-татарский язык (4,94 %), а также татарский (2,75 %), узбекский (1,66 %), немецкий (1,09 %), армянский (0,27 %) и белорусский (0,25 %), - языки, которые принадлежат этническим группам, проживающим на полуострове [12].

2. Унификация

Приверженцы данного подхода говорят о том, что повсеместно возникают и распространяются общие эталоны универсальной и наднациональной культуры, которая обращена ко всему миру и представляет такие ценности, нормы, модели поведения, которые близки всему человечеству. Авторитетный учёный Ульрих Бек отмечает, что «все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения» [1].

Интересы человечества при реальном объединении обуславливают необходимость проекта глобальной культуры. Условно его можно назвать «гуманистическим», потому что речь идёт о ценностях, которые имеют объединяющий смысл и при этом уже достаточно укоренены в культуре. Прежде всего, нужно рассматривать такие ценности, как свобода, справедливость, любовь и творческое деяние. Новое поколение бесконтрольно перенимает моду, привычки, стиль жизни, молодёжь разных уголков нашей планеты становится всё более похожей между собой.

С другой стороны, чрезмерно активное заимствование опасно потерей культурной самобытности. И молодое поколение отрывается от «своих корней» и, забывая собственные традиции, нормы и особенности, зачастую становится просто безликим. Кроме того, «утрата культурной самобытности и культурное растворение может быть полным и частичным, что ведёт к культурному истощению за счет унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру» [10].

Подтверждением этой теории можно считать референдум 16 марта 2014 года. За присоединение Крыма к России выступило 96,77 % жителей полуострова, это говорит о большой доле русского населения, обратим внимание на карту (рис. 1.). Мы видим, что большая часть населения – этнически русские, причём сохраняют свой язык (по итогам переписи населения в КФО 2014 года 84 % родным языком назвало русский [12]).

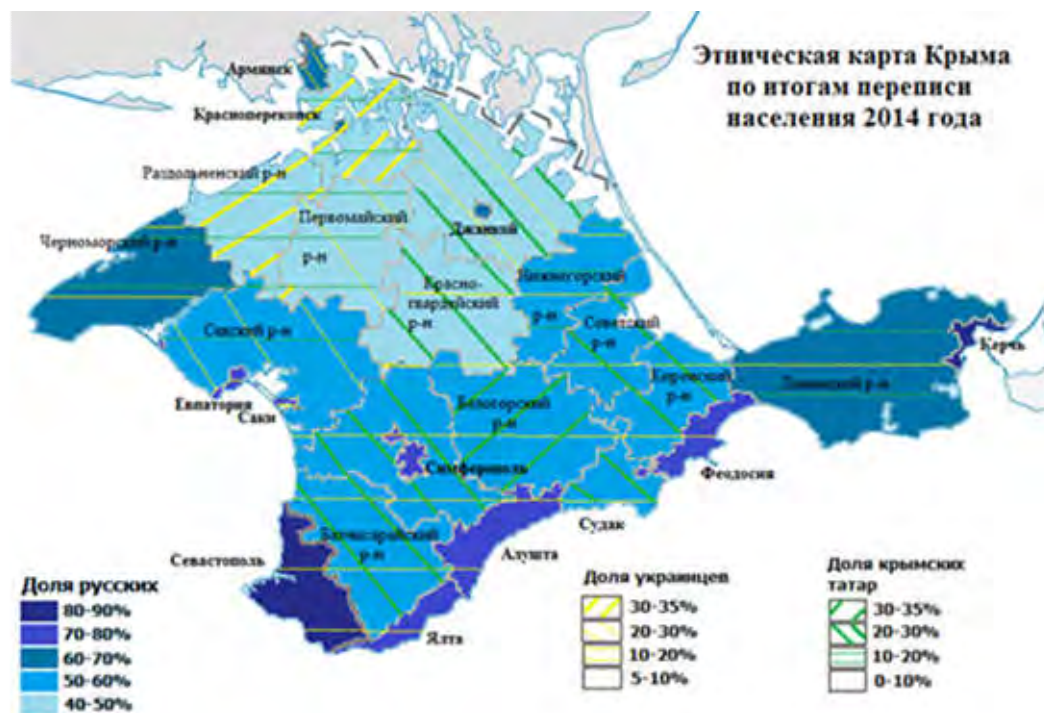

Рис.1. Этническая карта Крыма по итогам переписи населения 2014 года.

Стоит обратить внимание на то, что это общество более 20 лет находилось под влиянием государства с другим языком и национальностью большинства, при этом не было сделано ни одной попытки возврата в своё культурное пространство. Многие называют это инфантильностью или политической пассивностью населения (однако явка на референдум 83 % заставляет усомниться), но это является и ярким подтверждением глобального процесса унификации. Благодаря ему явные культурные различия были растворены, а приматом стало нечто обобщённое, например, идея славянской культуры. В этом случае произошло поглощение малой культуры со стороны более крупной, растворение культурных особенностей национального меньшинства в культуре большой нации.

3. Мультикультурализм

Яркое выражение длительного культурного сосуществования крымчане нашли в мультикультурализме – идеологии, утверждающей возможность и необходимость

мирного проживания множества различных культур в рамках одного (чаще государственного) пространства. Это не ассимиляция, а равноправное сосуществование, исключающее возможность потери этнической, национальной, религиозной и т. п. идентичности. Крым – территория многонациональная и мультикультурная, по итогам переписи населения, в Крыму (на столь компактной территории в 26,5 км² с населением 2,3 млн. жителей) проживают представители 175 национальностей. Каждый этнос стремится сохранить свои корни и представителей, передать будущим поколениям традиции и наследие своего народа, сохранить свой язык, конфессиональные особенности и многое другое. Доказательством этому является большое количество национальных организаций, по исследованиям, проведённым в ноябре 2015 г., было насчитано более 20 активно функционирующих открытых организаций. Они играют большую роль для своего народа: это и защита прав, и осваивание культурного наследия, сохранение ценностей, поддержка и консолидация.

Кроме отдельных организаций, эта политика проводится и на уровне общегосударственного среднего образования. Председатель Государственного Совета Республики Крым привел следующую статистику: всего в Крыму функционируют 330 школ с русским языком обучения, 7 – украинским, 15 – крымскотатарским, 171 – русским и украинским, 1 – крымскотатарским и украинским, 27 – русским и крымскотатарским, 38 – русским, украинским и крымскотатарским. Также в автономии работают 5 армянских, 4 болгарских и 2 немецких воскресных школы [8].

4. Космополитизм

Следующая трактовка культурной глобализации гласит о становлении идеологии мирового гражданства, ставящей интересы граждан выше интересов отдельной нации. Приверженцы этого направления полагают, что стремиться к такому мировому гражданству должен каждый, и при этом быть гражданином мира в полной мере – исключительная честь и ответственность. Большинство величайших гуманистов – А. Эйнштейн, А. Швейцер, Л. Толстой, М. Ганди, А. Сахаров и другие – были такими гражданами.

С другой стороны, именно это направление подвергается наибольшей критике, и неспроста: оно требует наибольшего абстрагирования человека от его привычного уклада жизни и ответственности. Предпосылкой развития космополитического движения является становление гражданского общества, в рамках этого подхода оно рассматривается как фундамент, а в рамках мировых реалий – как утопия. Более того, космополитизм требует высокого уровня политической грамотности, отсутствия «заидеологизированности», что не соответствует современным реалиям крымского общества. Но и здесь можно найти пример по Крыму. Многие считают это продуктом современности, но ошибочно, ведь термин был введён ещё в античности [6]. Апогеем развития космополитических идей в Крыму стал рубеж XIX – XX веков, золотой, а позже серебряный век русской культуры и поэзии. За это время наш полуостров посетило большое количество русских интеллигентов,

мыслителей, деятелей искусства и культуры, здесь пересекались люди, вершившие историю того времени.

Неоценимый вклад был внесён Максимилианом Волошиным, дом которого стал центром интеллектуалов того времени, ведь в нём побывали Марина Цветаева и Осип Мендельштам, Андрей Белый и Алексей Толстой, Сергей Эфрон и Михаил Зощенко, Николай Гумилев и Михаил Булгаков, Валерий Брюсов, Александр Грин и Максим Горький, Корней Чуковский. Идеи эпохи того времени сводились к понятиям социального равенства и свободы. В центре внимания находился человек как индивидуальность: с его правами на жизнь, свободу мысли, совести, религии, справедливость, братство, милосердие и т. д.

Волошина называют русским поэтом, но это только на том основании, что он использовал русский язык. Он писал: «до революции я пользовался репутацией поэта наименее национального, который пишет по-русски так, как будто по-французски». Сам Волошин нигде не называет себя ни русским поэтом, ни русским по национальности. В «Доме поэта» он пишет «Я не изгой, а пасынок России. Я в эти дни ее немой укор» [4]. Конечно, речь не идёт о массовом увлечении космополитизмом, но о зарождении и поддержке таких взглядов на территории нашего полуострова. Деятели, поставленные в пример, совсем не позиционировали себя как представители этого феномена, но их воззрения совпадают.

5. Глокализация

«С точки зрения экономики и геополитики, мы все – полуостровные... Россия была и остаётся для нас материком», - писал Леонид Грач, Председатель Верховного Совета АРК [16]. На каждое действие есть противодействие – и мы сталкиваемся с явлением локализации. Общества организуются и локализуются внутри себя, сохраняя и развивая свою уникальность в ответ на глобальную попытку размывания культурных идентичностей [14]. В этом отношении мы наблюдаем интересную ситуацию на крымском полуострове – разнородное по этническим и конфессиональным признакам общество консолидируется перед влиянием извне. Образовывается «островное мышление», общество абстрагируется от внешнего мира, разделяя его на «своих и чужих». В словах Л. Грача явно прослеживается ослабевание связи с материком, следовательно, и с государством.

Подводя итог данной статье, стоит сказать, что каждая из теорий культурной глобализации была применена и «сработала», каждый из подходов может служить в качестве объяснений и комментариев того, что происходит в современном Крыму. Не остаётся сомнений, что крымский полуостров является неотъемлемой частью всё более глобализирующегося мира. Глобализация сталкивает мир с рядом проблем, против которых у Крыма уже есть тысячелетний иммунитет, а его формула написана на гербе полуострова: «Процветание в единстве».

Список литературы

1. Бек, У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У.Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. – 464 с.
2. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У.Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
3. Бек, У. Что такое глобализация? / У.Бек / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
4. Волошин, М. Автобиография / М.Волошин // Воспоминания о Максимилиане Волошине. – Сборник; сост. Купченко В. П., Давыдов З. Д. – М.: Советский писатель, 1990. – 720 с.
5. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М.: Мысль, 1986. – 624 с.
7. Дергачев, В. А. «Забытый гул погибших городов» Тавриды / В. А. Дергачев; под ред. А. И. Уёмов. – Одесса: Судостроение, 1996. – 11 с.
8. Интервью с Константиновым // [Официальный сайт Милли Фирка] URL: <http://www.milli-firka.org/content/JDJJ>
9. Круглова, Л. К. Проект глобальной культуры: поиск системообразующих ценностей / Л.К.Круглова // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: Сыктывкар, 2013. – С. 56–63.
10. Культурология: Учебник для вузов / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М.: Юрайт, 2005. – 410 с.
11. Панарин, А. С. Глобализация / А. С.Панарин // Глобалистика: Энциклопедия; Гл. ред. И. И. Мазур, А.Н. Чумаков. – Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 183с.
12. Перепись населения в Крымском федеральном округе // [Сайт Федеральной службы государственной статистики] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm
13. Розенау, Д.Н. Турбулентность в мировой политике / Д. Н. Розенау; пер. с англ. В. М. Кузьмин, 1990. – С. 22-23.
14. Robertson, R. The Globalization Paradigm: Thinking Globally. – 1991. – 207 p.
15. Уткин, А.И. Определения глобализации / А.И. Уткин // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – С. 181-183.
16. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан- оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму в 2013г.) / Губогло М. Н., Старченко Р. А. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 239. – М.: ИЭА РАН, 2014. – 72 с.

Halanskaya L. G., Mezheva M. S. The Crimea in the Context of Cultural Globalization // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 113-122.

The article is devoted to the question of cultural globalization and the different approaches to the understanding of the process. Despite globalization is a quite young process, its phenomenon is becoming more tangible and significant factor in the transformation of the whole world. Today it is impossible to ignore the process of globalization in issues of human development. This process affects all areas of public life, including the economy, politics, culture, environment, moreover it makes forecast to the future prospects of the development of the entire world community. This work includes the most difficult and controversial aspect of globalization - cultural. In this article, we make an attempt to summarize the approaches to the concept of globalization and describe the impact of global processes on the society of the Crimean peninsula. To achieve this goal we need to:

- study literature that is devoted to the issues of globalization
- identify the main trends of cultural globalization by comparing different views of scientists and try to understand each of the approaches of cultural globalization.

-describe the major impact of globalization processes on the social life of the Crimean peninsula
- identify the socio-cultural and mental transformations in our peninsula.

Thus, we will contribute to the development of scientific thought about such a complex modern process as globalization, its side which refers to culture and give it a good example, the real facts as a confirmation and their analysis.

Key words: globalization, cultural globalization, Westernization, multiculturalism, glocalization.

References

1. Beck, U. Government and Opponents in the Era of Globalization. The new World-Political Economy / U.Beck / Translation by A.Grigoreva and V.Sedelnika - M.: Progress-Tradition, the Future Territory, 2007. - 464 p.
2. Beck, U. Cosmopolitan Vision / U.Beck. - M.: Center for Post-Industrial Studies, 2008. - 336 p.
3. Beck, U. What is Globalization? / U.Beck / per. with it. A. Grigoriev and V. saddler; General revision and Afterword. Filippova. - M.: Progress-Tradition, 2001. - 304 p.
4. Voloshin, M. Autobiography / M. Voloshin // Memoirs of Maximilian Voloshin. - Collection, Ed. Kupchenko VP Davydov ZD - Moscow, Soviet writer, 1990-720 p.
5. Giddens, E. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives / E.Giddens. - M.: The world 2004. 116 p.
6. Diogenes L. Lives and Opinions of Eminent Philosophers / Diogenes Laertius. - M.: Thought 1986. – 624 p.
7. Dergachov, V.A. Forgotten hum of dead cities of Tavrida / V.A.Dergachev; ed. A.I.Uëmov. - Odessa: Shipping, 1996. – 11 p.
8. Interview with Konstantinov // [Official site of Milli Firka] URL: <http://www.milli-firka.org/content/JDJJ>
9. Kruglov, L.K. Global Culture Project: Search of System Values / L.K.Kruglova // Semiosis and Culture: Intellectual Practice: Syktyvkar, 2013. - P. 56-63.
10. Cultural Studies: Textbook for Universities / general edition of Solonin and Kagan.- M.: Yurayt, 2005. - 410 p.
11. Panarin, AS Globalization / AS Panarin // Global Studies: Encyclopedia / Ch. Ed. II Mazur, A. Chumakov; Center for Scientific and Applications "Dialogue". - M.: OAO Izdatelstvo "Raduga", 2003. – 183 p.
12. The population census in Crimean Federal District // [site of the Federal State Statistics Service] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm
13. Rosenau, Turbulence in World Politics Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity / D.N.Rozenau / Translation from English. V.M.Kuzmin, 1990. – P. 22-23.
14. Robertson, R. The Globalization Paradigm: Thinking Globally. - 1991. – 207 p.
15. Utkin, A.I. Definitions of Globalization / A.I.Utkin // Global Studies: Encyclopedia / general edition of Mazur, A. Chumakov; The center "Dialogue" research and applied programs. - M.: JSC "Raduga" Publishing House, 2003. - P. 181-183.
16. Language life and regional identity of Crimean people- stronghold of antiukrainianization (from the experience of ethno-sociological research in Crimea in 2013.) / Guboglo M.N, Starchenko, R.A // Research in applied and urgent ethnology №239 - Moscow: Russian Academy of Sciences, 2014.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 4. С. 123–136.

УДК 327. 39

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ В МОСУЛЬСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ СПОРЕ (1918-1926 гг.): УРОК ПРОШЛОГО ДЛЯ ОТВЕТА НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Макаров Р. В.

В статье рассматривается вопрос о территориальном споре между Великобританией и Ираком с одной стороны и Турцией с другой за территорию бывшей провинции Османской империи – Мосульского вилайета в 20-е гг. XX в. Спор длился с 1918 по 1926 г. и возник в результате того, что, по мнению официального Лондона, провинция должна была войти в состав руководимого британским ставленником эмиром Фейсалом аль-Хашеми Иракского королевства, до 1932 г. находившегося под британским мандатным управлением. Однако Турецкая республика, пришедшая на смену рухнувшей Османской империи, не признала условий Севрского мирного договора, закреплявшего Мосульский вилайет за британским мандатом Месопотамия (Ираком), и потребовала передачи его территории под свою юрисдикцию. Это привело к тому, что Мосульский вопрос стал предметом ожесточённых дебатов между Великобританией и Турцией на Лозаннской конференции (1922 - 1923 гг.), затем на протяжении нескольких лет Мосульский вопрос рассматривался на сессиях Совета Лиги Наций, а позже был вынесен и на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия в Гааге. В это же время стороны спровоцировали на территории провинции и ряд вооружённых конфликтов. Одним из главных факторов, к которому постоянно апеллировали стороны конфликта, был этнический и религиозный состав населения региона и его право на самоопределение и свободное, прогрессивное развитие, в частности к курдскому и ассирийскому фактору.

Ключевые слова: Мосульский вилайет, Великобритания, Турция, Ирак, курды, ассирийцы, территориальный спор.

Цель данной статьи: рассмотрение вопроса об использовании этнического и религиозного факторов Великобританией и Турцией в политико-дипломатической борьбе за богатую месторождениями нефти провинцию Мосул, в частности

курдского и ассирийского национально-освободительного движения в 20-е гг. XX в. как опыта прошлого для объективной оценки проблем современности.

Новизна работы: состоит в отсутствии отдельных работ, посвящённых изучаемой теме, так как данный вопрос всегда рассматривался советскими и современными российскими исследователями как часть общей проблемы британской мандатной политики в Ираке или проблемы международных отношений в 20-х гг. XX в.

Вооружённое противостояние, развернувшееся на Ближнем Востоке, вновь обнажило проблему межэтнических и межрелигиозных противоречий, издавна существующих в данном регионе. Используя данные противоречия, террористические (запрещённые в России) группировки «Исламское государство», «Джабхат ан-Нусра» и др. сумели завоевать серьёзную поддержку в среде радикально настроенной части арабо-суннитского населения Сирии и Ирака, захватить достаточно обширные территории данных государств, опираясь на агрессивную пропаганду и поражающий своим цинизмом кровавый террор, в первую очередь в отношении представителей иных этнических и религиозных общностей.

Благодаря стойкости вооружённых сил Сирии и Ирака, иных союзных правительств этих государств вооружённых формирований, в частности курдского ополчения, военным и политическим усилиям России, Ирана и др. государств ситуация на Ближнем Востоке постепенно меняется не в пользу террористических группировок, теряющих стратегическую инициативу. Недавно достигнутые договорённости между Москвой и Вашингтоном о перемирии между правительством Сирии и силами конструктивной оппозиции могут стать началом широкого диалога между представителями различных общностей, населяющих регион, что окончательно лишит террористов главного фактора влияния — межэтнических и межрелигиозных противоречий.

Вышеупомянутое очередной раз подтверждает, что от мирного сосуществования на одной территории различных этнических и религиозных общностей зависят политическая стабильность, экономическое процветание, территориальная целостность и престиж на международной арене каждого отдельно взятого государства, в частности имеющего неоднородный состав населения. Различие в представлениях об окружающем мире, месте и роли в нём человека, образе жизни и понимании того, что является истинными ценностями, всегда порождает минимальную взаимоотчуждённость между представителями разных религиозных и этнических общностей, соседствующих друг с другом. Однако религиозное и культурное различие само по себе не способно перерасти в глубокое взаимное неприятие дающее начало жестокому и кровопролитному конфликту, если чьи-либо политические или иного рода амбиции не станут катализатором для подобной негативной реакции. В этой связи следует отметить, что срыву достигнутых договорённостей по урегулированию конфликта в Сирии и дальнейшей эскалации насилия на всём Ближнем Востоке могут стать деструктивные действия властей Турции, опасаящихся усиления курдского национального движения у своих границ, а потому также использующих противоречия между курдским и арабо-туркменским населением в своих интересах.

Упомянутые противоречия во многом связаны с проблемой самоопределения курдского народа, существующей уже на протяжении нескольких веков. Особое обострение вопроса началось ещё в начале XX в., когда стремление Великобритании к контролю над крупными месторождениями нефти и стратегически важными территориями сделало Курдистан объектом её политико-экономической и военной экспансии. Британские войска в 1918 г. оккупировали населённые курдами районы, но на эти территории заявила свои претензии Кемалистская Турция. Следствием возникшей между ними борьбы за нефтеносный Южный Курдистан стал дипломатический конфликт вокруг бывшего вилайета Османской империи – Мосул, продлившийся с 1918 по 1926 г., помимо главных его участников – Великобритании и Турции – в него было втянуто и новое государство – Ирак, созданное при участии Великобритании на территории британского мандата Лиги Наций – Месопотамии.

Одним из главных факторов, который постоянно использовали стороны спора, был неоднородный этнический и религиозный состав населения региона и его право на самоопределение, вследствие чего межэтнические и межрелигиозные противоречия, обострившиеся в результате их действий, не только не были сглажены прекращением спора, но и получили своё продолжение в трагических событиях последующих десятилетий, в том числе откликнулись историческим эхом в современном кризисе на Ближнем Востоке.

История учит правильно оценивать настоящее, опираясь на примеры прошлого, для того, чтобы предвидеть будущее. Это значит, что вопрос о роли этнорелигиозного фактора в крупном территориальном споре прошлого актуален и в наши дни, когда проблема конфликтов на этнорелигиозной почве стоит весьма остро.

В статье поставлены следующие задачи:

1. Обзор событий связанных с возникновением, развитием и завершением дипломатического конфликта вокруг провинции Мосул.
2. Рассмотрение вопроса о курдском и ассирийском национально-освободительном движении в провинции Мосул и того, какими были последствия влияния на него турецкой и британской политики в регионе.
3. Формулировка вывода о роли этнорелигиозного фактора в политико-дипломатическом противостоянии Великобритании и Турции за Мосул.

Начиная со второй половины XIX в. район междуречья Тигра и Евфрата, который в Европе традиционно именовали Месопотамией, приобретает для ведущих европейских держав особое значение. Большой интерес к нему проявляла Великобритания, что было связано с целым рядом причин. Среди главных было то, что Месопотамия имела небольшой выход к Персидскому заливу, ведущий к Индийскому океану, в силу чего регион являлся ключевым звеном кратчайшего пути из Европы в Юго-Восточную Азию. Сближение основного соперника Великобритании на международной арене – Германии с Османской империей, позволило ей заполучить первенство в соперничестве за влияние в Месопотамии, что особенно проявлялось в реализации плана по строительству Багдадской железной дороги. Это вызывало серьёзное беспокойство в Лондоне, ибо угрожало жизненным интересам Великобритании [1, с. 75, 79–80; 2, с. 500-502].

В конце XIX в. в Северной Месопотамии (Южном Курдистане), вблизи города Мосул, были обнаружены крупные месторождения нефти. В начале XX в. за их разработку также стала разгораться борьба между Англо-Персидской нефтяной компанией, поддерживаемой британским Адмиралтейством и правительством и Анатолийским обществом железных дорог, контролируемым Германским Банком [1, с. 81–82; 3, с. 117, 119, 123–124; 4, с. 11–13]. В силу названных причин с самого начала Первой мировой войны Месопотамия стала театром ожесточённых боевых действий между британскими и османскими войсками. В течение ноября 1914 г. британцам удалось захватить портовые города Басру и Фао, однако дальнейшее продвижение британских войск на север, вглубь региона было долгим и проблематичным, сопровождавшимся немалыми потерями. Только лишь когда войскам союзников удалось добиться общего превосходства на других театрах боевых действий, а в Месопотамии была сосредоточена 160-тысячная армия, был взят Багдад. Однако к моменту заключения Мудросского перемирия, которое прекратило боевые действия между войсками союзников и Османской империи, британцы смогли продвинуться только до линии Тикрит-Рамади-Ханакин [1, с. 83; 5, с. 66–67]. Самый северный из трёх вилайетов, составлявших территорию Месопотамии – Мосул, в целом оккупирован не был.

Одним из условий Мудросского перемирия было право союзных войск оккупировать любые стратегически важные пункты за пределами демаркационной линии, установленной перемирием, в случае если бы «Создалось положение, которое угрожало бы безопасности союзников» [6, с. 4]. Именно ссылаясь на данное положение, британские войска оккупировали территорию Мосульского вилайета в ноябре 1918 г. [7, с. 117]. При этом османские войска были заранее выведены из провинции, так как стамбульское правительство опасалось возобновления боевых действий [1, с. 84; 8, с. 9]. Мосульский вилайет был населён преимущественно курдами, а не арабами, как Басрский и Багдадский вилайеты, также составлявшие территорию Месопотамии, и фактически представлял собой территорию южной части области расселения курдов.

Курды – самобытный этнос со своей культурой и языком, относящимся к иранской группе [9, с. 28]. Происхождение курдов по сей день остаётся спорным вопросом, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что этот народ имеет древнее происхождение, на что указывает и ряд древних письменных источников. Само слово «курд» вошло в употребление с начала арабомусульманской экспансии в Сасанидскую державу в VII в. Так арабы называли племена, населявшие горные районы Загруса [10, с. 42–43]. Второй по численности этнической общностью Мосульского вилайета являлись арабы. Точную их численность в регионе определить довольно трудно в силу того, что сначала османские, а затем британские и иракские статистические данные существенно завышали их количество. То же самое относится и к туркменам (туркоманам) – народа тюркско-огузского происхождения, сформировавшемся на территории Северной Месопотамии в результате нескольких волн эмиграции тюркских племён огузов из Центральной Азии, в частности в период сельджукского завоевания в XI в.

[10, с. 49–50]. Культурным и экономическим центром туркмен являлся город Киркук [10, с. 52].

Существенное изменение в этнорелигиозный состав населения региона внесла Первая мировая война, следствием которой стал наплыв в Мосульский вилайет ассирийцев. Ассирийцы (айсоры), самоназвание которых «атуран», народ, говоривший на новосирийском языке, относившемся к семитской группе, являлись далёкими потомками народа – творца древней Ассирийской империи и арамейев [11, с. 11-12]. Ассирийцы исповедовали христианство и принадлежали преимущественно к Восточным и Восточно-католическим церквям. Начиная ещё с VII в. до н. э., когда Ассирийская империя была уничтожена коалицией Вавилонского и Мидийского царств, ассирийцы были вынуждены жить в условиях господства других народов, так и не сумев воссоздать своё государство.

Точная численность ассирийцев в данный период неизвестна, различные авторы приводят цифры от 80 до 900 тыс. человек [11, с. 40-41; 12, с. 219]. До Первой мировой войны ассирийцы жили преимущественно в вилайетах Ван, Диярбакыр, Битлис и Карс, а также в персидской провинции Азербайджан (преимущественно в районе Урмии), в Месопотамии количество ассирийцев было значительно меньше, тем не менее они проживали здесь компактной общиной [11, с. 32; 12, с. 218].

Несмотря на то, что подавляющее большинство ассирийцев исповедовало христианство, в силу неблагоприятных исторических обстоятельств они оказались разделены по конфессиональному признаку. Большинство из них являлись приверженцами Ассирийской церкви Востока, вероучение которой основывалось на несторианстве, а во главе стоял патриарх Мар-Шимун (Святой Симон) [11, с. 20-21], который в то же время пытался брать на себя и роль светского предводителя всего ассирийского народа [12, с. 219-220]. 10 мая 1915 г. Мар-Шимун поднял ассирийское восстание против Османской империи, но османским войскам и курдским племенным ополченцам удалось нанести ассирийским повстанцам ряд поражений и вытеснить их на территорию Персии в район Урмии, где они соединились с русскими войсками. Из них были сформированы три батальона (два под командованием русских офицеров и один под командованием самого Мар-Шимуна), они находились в этом районе до весны 1917 г. В связи с событиями Февральской революции в России фронт стал распадаться, а русские войска – покидать Персию. После ухода русских войск персидское правительство потребовало от ассирийцев сдать оружие. Ассирийцы отказались подчиниться и тогда губернатор Тебриза решил использовать против них урмийских курдов. Он стал подстрекать авторитетного курдского предводителя Исмаила-ага Симко убить патриарха Мар-Шимуна, что и было сделано в марте 1918 г. Однако ассирийцы не утратили боевой дух и решительность бороться до конца против османского владычества. Некоторое время им удавалось самостоятельно удерживать фронт, однако, не получив обещанной помощи от британских союзников, они всё же оставили район Урмии и стали отходить на юг к Хамадану, где наконец-то соединились с британскими войсками. После окончания военных действий ассирийские лидеры поставили вопрос о возвращении в родные места, однако британское командование, ссылаясь на неблагоприятные политические условия момента, предложило им временно поселиться на территории подконтрольной

британским войскам Месопотамии. В конце концов, они были размещены в лагере для беженцев под городом Баакуба. Когда же встал вопрос о статусе Мосульского вилайета, а ассирийским беженцам так и не удалось вернуться на родину, британские мандатные власти предложили им поселиться на территории спорной провинции и сформировать специальные батальоны для охраны пределов якобы их будущей автономии в регионе, обещанной британцами [11, с. 84–106; 12, с. 224–229].

Желая заручиться поддержкой местного населения и принимая во внимание его широкое недовольство жестоким османским игом, британские оккупационные власти не скупились на заявления о благих намереньях. Командующий британскими войсками в регионе – генерал Стенли Мод, заявил: «Наши армии занимают ваши города и земли не как завоеватели и враги, а как освободители и ваши друзья... Такова воля не только моего короля и народа, но и великих наций» [13, с. 12]. Особенно важной задачей для себя британцы считали завоевание симпатий со стороны курдского населения края и в частности, племенной знати. Пользуясь благоприятной ситуацией и расположением британской оккупационной администрации, курдские племенные лидеры Хамавенда и Сулеймании обратились к британцам с предложением создать курдское временное правительство во главе с шейхом Махмудом Барзанджи. В ноябре 1918 г. стоявший во главе британской оккупационной администрации в Сулеймании политический офицер, майор Ноэль провозгласил шейха Махмуда Барзанджи хукумдаром (правителем) Сулейманского района [13, с. 12, 13-14; 14, с. 75-76]. Это был первый шаг по укреплению британского влияния в регионе, основанного на принципе «разделяй и властвуй». Он заключался в том, что создание нескольких курдских автономных районов должно было усилить борьбу за власть между представителями знати различных племён и тем самым способствовать подрыву национально-освободительного движения в Курдистане [13, с. 15].

Тем не менее такая политика быстро возымела противоположный эффект для британских оккупационных властей и привела к ряду курдских антибританских восстаний в 1919 г., самым крупным из которых и стало восстание под руководством шейха Махмуда Барзанджи в Сулеймании [12, с. 192–193; 14, с. 76]. Восстание было подавлено, лишь когда британцы обрушили на мятежников всю свою военную мощь, включая тяжёлую артиллерию и авиацию [12, с. 194].

В это же время курдский вопрос вместе с вопросом о судьбе других нетурецких территорий Османской империи встал на повестке дня Парижской мирной конференции. Там было однозначно решено, что Курдистан должен быть отделён от Османской империи и взят под опеку великих держав в рамках системы мандатов Лиги Наций, создание которой обсуждалось на конференции. Но принятие какого-либо окончательного решения по этому вопросу было решено вынести за рамки работы конференции, также как не было определено на ней чёткое понятие того, что такое Курдистан, каковы его пределы и какая держава возьмёт его под свою опеку [15, с. 132-133]. Во многом данная неопределённость была вызвана и противоречиями, возникшими между Великобританией и Францией в связи с нежеланием первой выполнять условия тайного договора, заключённого ещё 9-16 мая 1916 г. о разделе нетурецких территорий Османской империи, согласно проекту,

подготовленному дипломатами Марком Сайксом и Француа Жоржем-Пико. По условиям данного соглашения, большая часть Мосульского вилайета, включая сам город Мосул, должна была войти во французскую зону политико-экономического влияния [1, с. 84; 8, с. 298; 16]. В конце концов, после длительной дискуссии на межправительственном уровне вопрос о Мосульском вилайете был решён в рамках работы конференции держав-победительниц, проходившей в итальянском городе Сан-Ремо с 19 по 26 апреля 1920 г. [8, с. 299]. Было заключено соглашение, по которому Франция уступала Мосульский вилайет в обмен на секвестрованную долю в т. н. «Турецкой нефтяной компании» — будущем разработчике мосульских нефтяных месторождений, составлявшую 25%. На основе данного соглашения участниками конференции было принято решение о передаче Мосульского вилайета под британское управление в рамках мандата Лиги Наций на Месопотамию, что будет закреплено и в Севрском мирном договоре [8, с. 289, 299; 17, с. 203]. Однако вскоре завоевания британского оружия и дипломатии оказались под угрозой. Это было связано с тем, что подписавшее Севрский мирный договор султанское (Стамбульское) правительство стало стремительно терять доверие народа и власть в Турции, чем всё больше овладевало начавшее свою работу 23 апреля 1920 г. Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ), созданное в Анкаре усилиями генерала Мустафы Кемаля. Сам он встал во главе учреждённого ВНСТ правительства, которое 7 июня 1920 г. объявило недействительными все прежние договоры Османской империи, в том числе отвергло и Севрский мир. Под руководством правительства ВНСТ была создана новая турецкая армия, задачей которой было освобождение турецких территорий от всех захватчиков. В течение 1920-1921 гг. армия ВНСТ одержала ряд побед сначала над войсками дашнакской Республики Армении, а затем и греческой армией, при этом кемалистам удалось овладеть всеми территориями Восточной Анатолии, в том числе и Северного Курдистана.

На прошедших в Лондоне 21 февраля — 14 марта 1921 г. переговорах Антанты и ВНСТ представителями Анкары был озвучен тезис о том, что «курды не желают ничего больше, как жить с турками, как с братьями» в составе единого государства [15, с. 244, 246, 248-249].

В конечном итоге Франция нанесла неожиданный и сокрушительный удар по дипломатической коалиции держав-победительниц, подписав 20 октября 1921 г. сепаратный мирный договор с Турцией, согласно которому Франция и Турция выходили из состояния войны, первая признавала правительство Анкары, а также устанавливалась турецко-сирийская граница, разделявшая территории расселения курдов на западе. Этот договор давал Турции весомое преимущество в предстоящем отныне дипломатическом споре с Великобританией. Решающие же победы турецкой армии над греками в августе - сентябре 1922 г. и вовсе не оставили шансов Севрской системе на существование [15, с. 251, 255]. Выработка положений нового мирного договора стала целью начавшей свою работу 20 ноября 1922 г. конференции в швейцарском городе Лозанна.

На этой конференции вопрос непосредственно о каком-либо самоопределении курдов уже не ставился, однако он стал неотъемлемой частью вопроса о принадлежности территории Мосульского вилайета, который Великобритания

решительно была настроена сохранить за образованным в 1921 г. государством Ирак, временно находящимся под её мандатным управлением [18; 19]. В этом её была готова активно поддержать Франция, желавшая сохранить в силе договорённости в Сан-Ремо. При этом Лондон стал делать активную ставку не столько на «опасения» за соблюдения прав курдов в Турции, сколько на идею единства и свободы арабского народа Месопотамии в составе государства Ирак, а также на национальное самоопределение ассирийцев.

В Лондоне было решено занять принципиальную позицию в этом вопросе, идя лишь на незначительные уступки касательно линии границы. Впоследствии между британской и турецкой стороной развернулась ожесточённая полемика. Глава турецкой делегации Исмет-паша постоянно настаивал на том, что курды вилайета желают воссоединения с Турцией и что необходим плебисцит, который бы окончательно внёс ясность в этот вопрос. Возглавлявший британскую делегацию Лорд Керзон же в свою очередь отвергал идею о плебисците, заявляя, что Анкара не вправе требовать плебисцита за местное население, ибо оно само его не требовало. При этом ещё раз подчёркивая, что Великобритания как государство-мандатарий обещала арабам никогда не возвращать их под власть турок. Исмет-паша же на это возражал, что Ирак всё ещё формально является частью Османской империи, так, как мирный договор ещё не подписан и Турция не признаёт систему мандатов Лиги Наций, к тому же в самом Ираке мандатное управление было установлено без согласия населения страны.

В конечном итоге вопрос о принадлежности Мосульского вилайета так и не был решён в рамках Лозаннской конференции, которая закончила свою работу 24 июля 1923 г. [12, с. 155-156; 20, с. 135-136]. Для решения данной проблемы в британо-турецком двустороннем формате был отведён девятимесячный срок.

С 19 мая по 9 июня 1924 г. в Стамбуле прошла конференция, посвящённая Мосульскому вопросу, но она также не принесла результатов, стороны остались на своих позициях и, в конце концов, вопрос был передан в Лигу Наций [12, с. 158].

В то время пока разворачивались баталии на дипломатическом фронте, турки решили открыть и второй, недипломатический фронт в борьбе за нефтеносную провинцию. Зная о сложностях во взаимоотношениях между курдским населением края и британской администрацией, турки развернули среди курдов активную антибританскую пропаганду, пытаясь убедить их в том, что воссоединение с Турцией максимально соответствует их интересам.

Летом 1922 г. в Ревандузе (север Мосульского вилайета) появился турецкий офицер Али Шафик-бек, больше известный как Ёз Демир, который объявил себя руководителем «национального восстания» и заявил, что его целью является освобождение Мосульского вилайета от британцев. Затем он с небольшими силами занял Ранию и Хой начал активно призывать курдов края примкнуть к нему [10, с. 174-175; 13, с. 29]. На призывы Ёз Демира откликнулись шейх джаббарских курдов Сеид Махмуд и соратник шейха Махмуда Барзанджи Керим Фатих-бек, возглавлявший племя Хамавенд. Поднятое ими восстание начало быстро распространяться по региону и в конечном итоге привело к эвакуации британских гарнизонов из Сулеймании и Амадии [10, с. 174-175].

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, британский верховный комиссар в Ираке Перси Кокс, решил реализовать план по созданию курдской «автономии» с центром в Сулеймании и вернуть из ссылки шейха Махмуда Барзанджи, дабы заключить с ним мировое соглашение и предложить ему возглавить «автономию». Шейх Махмуд был возвращён из Индии и после переговоров в Багдаде, в октябре 1922 г., сопровождаемый британским политическим офицером Ноэлем, прибыл в Сулейманию.

Приезд шейха Махмуда был воспринят жителями Сулеймании с большим воодушевлением, многие курдские племенные лидеры, через своих представителей сразу же изъявили желание «войти в состав курдского государства». Шейх Махмуд вновь был провозглашён хукумдаром Сулеймании, собственно территорией казы (округа) Сулеймания временно и была ограничена курдская автономия. Из представителей племенной знати было образовано правительство Южного Курдистана во главе с братом шейха Махмуда Кадыром. Это правительство объявило курдский язык официальным, были выпущены свои денежные знаки, почтовые марки, проведены другие мероприятия, в том числе начался выпуск официальных правительственных газет «Банги Курдистан» (Зов Курдистана), «Умеди истикляль» (Надежда независимости) и «Рожи Курдистан» (Солнце Курдистана).

Провозглашение курдской автономии совпало с подписанием британо-иракского договора в октябре 1922 г., условия которого ставили Ирак в экономически и политически зависимое положение от Великобритании, что вызвало широкое недовольство в стране. Этот договор вызвал недовольство и в Сулеймании, ибо он, по мнению сторонников шейха Махмуда, не давал никаких гарантий сохранения автономного статуса Южного Курдистана. Статья о «свободе совести и равноправии национальностей» не удовлетворяла сулейманских автономистов. В конце 1922 г. сулейманское правительство направило своих представителей в Багдад для переговоров относительно расширения полномочий властей автономии, однако британо-иракская сторона сочла выдвинутые требования чрезмерными и переговоры зашли в тупик. Таков же был итог и следующего раунда переговоров. Однако шейх Махмуд не питал иллюзий относительно британских обещаний с самого начала и потому параллельно вступил в переговоры с Ёз Демиром [13, с. 34-36]. В январе 1923 г. между ними была достигнута договорённость о совместной борьбе против британских оккупантов [10, с. 176].

Узнав о сговоре шейха Махмуда с турками, британо-иракские власти поспешили избавиться от мятежного хукумдара, 24 февраля по багдадскому радио было передано правительственное заявление, в котором Махмуд Барзанджи был обвинён в нарушении договорённостей с британо-иракскими властями, и в ультимативной форме прозвучало требование немедленной явки шейха и его соратников в Багдад для сложения с себя полномочий. Но укумдар Сулеймании отверг этот ультиматум, чем фактически распалил огонь нового восстания, и британо-иракским властям ничего не оставалось, как силовыми мерами восстановить контроль над Сулейманией и другими неподконтрольными территориями Мосульского вилайета [10, с. 178].

В начале марта британские ВВС начали бомбардировку Сулеймании и её окрестностей. Махмуд Барзанджи объявил священную войну против британских империалистов и покинул Сулейманию для перехода к партизанской войне. Однако попытки шейха Махмуда поднять и возглавить общекурдское восстание провалились, так как другие авторитетные племенные лидеры видели в нём серьёзного конкурента в борьбе за власть и выступили на стороне британцев против повстанцев и их турецких союзников. В конце марта – начале апреля 1923 г. британо-иракские войска и лояльные им курдские племенные формирования начали широкое наступление на очаги восстания и овладели практически всеми неподконтрольными территориями. В целом противостояние длилось до конца 1925г. и окончилось поражением повстанцев [13, с. 37, 38, 43]. Сам шейх Махмуд, спустив свой отряд, бежал в Иран [10, с. 181].

В подавлении восстаний, спровоцированных Ёз Демиром и Махмудом Барзанджи, значительная роль принадлежала ассирийским подразделениям, сформированным в 1918 г. в лагере ассирийских беженцев под Баакубой. Их штаб-квартира находилась в Мосуле. Ассирийский первый полк, четыре батальона и пулемётный взвод постоянно использовались в военных операциях против восставших курдов. [11, с. 116]. Как уже отмечалось выше, ассирийцы вступали в создаваемые британским командованием вооружённые формирования, питая надежду на помощь Лондона в обретении ими родины, будь – то возвращение в места прежнего проживания, будь - то поселение на территории Ирака, в том числе с возможностью создания тут ассирийской автономии. Однако ни на одну из конференций, где обсуждалась судьба бывших территорий Османской империи и проживавших на них народов, ассирийские делегаты допущены не были, так как Лондон не видел в этом необходимости и заявлял о том, что берёт на себя защиту ассирийских интересов. Это приводило к тому, что ассирийцам не оставалось ничего, как полагаться лишь на веру в честное слово Великобритании и активно сотрудничать с британской мандатной администрацией и командованием.

Вместе с тем расквартировка ассирийских частей в Мосуле, Киркуке, Эрбиле и др. населённых пунктах Мосульского вилайета вместе с расселением семей бойцов вызывало подозрение мусульманского населения края, среди которого разболтались слухи о том, что британские мандатные власти намерены заселить регион ассирийцами-христианами. А участие ассирийских частей в подавлении курдских восстаний и вовсе обострило отношения между ассирийскими христианами и мусульманами. Так 4 мая 1924 г. произошёл кровавый инцидент в Киркуке, конфликт возник на базаре между местными торговцами-арабами и бойцами ассирийского батальона, а затем перекинулся на улицы города. Британское командование было вынуждено ввести в город бронированные части, и только тогда столкновения прекратились [11, с. 121-122].

Возникшая неприязнь между этими этноконфессиональными общинами будет сохраняться долгое время и ещё сыграет свою роль в Мосульском конфликте, а также станет одной из причин ассирийских погромов в 1933 г. устроенных иракскими властями и их курдскими пособниками.

6 августа 1924 г. Мосульский вопрос был в одностороннем порядке передан Великобританией на рассмотрение Лиги наций. Совет Лиги наций принял решение о создании специальной комиссии, которая должна была изучить ситуацию в районе ирако-турецкого размежевания [10, с. 180], а также с согласия сторон определил временную демаркационную линию, которая должна была соблюдаться до вынесения окончательного решения [10, с. 180-181; 12, с. 158-159]. Специальная комиссия посетила Лондон и Анкару, а затем в середине января 1925 г. приехала в Багдад. Её сопровождали британо-иракские и турецкие эксперты. 11 февраля она прибыла в Мосул [12, с. 159].

Комиссия работала над поставленной ей задачей почти год. Был изучен этноконфессиональный состав населения, его лингвистические особенности, изучена социально-экономическая ситуация в регионе и проведён опрос относительно включения провинции в состав Турции или Ирака. В начале сентября 1925 г. комиссия представила свой отчёт Совету Лиги наций. В отчёте было отмечено, что обе спорящие стороны ранее представляли необъективные статистические данные об этноконфессиональном составе населения вилайета, его лингвистических особенностях и численности, а также были предоставлены неверные карты его расселения. Неверными были и данные об этногенезе и истории, проживавших в регионе народов. Это связано с произволом спорящих сторон в толковании этнических, расовых и лингвистических особенностей турок и туркмен, курдов и арабов и т. д. [10, с. 181]. В конечном итоге комиссия пришла к выводу о том, что наиболее приемлемым решением проблемы было бы создание на территории Мосульского вилайета независимого курдского государства, ввиду того, что курды составляли $\frac{5}{8}$, а с учётом езидов (представителей специфической религиозной общности) – $\frac{7}{10}$ от общей численности жителей провинции. Но этот вариант, по мнению авторов отчёта, был неосуществим вследствие политической незрелости и архаичности социальной организации курдского этноса. Учитывая же тот факт, что большинство населения провинции высказалось за включение в состав Ирака, а также принимая во внимание особенности социально-экономического характера, комиссия рекомендовала включить спорную территорию в состав Ирака. При этом была подчёркнута необходимость сохранения британского мандатного управления на срок до 25 лет и развития самоуправления в Мосульской провинции [10, с. 182-183].

Вынесение окончательного решения по Мосульскому вопросу с учётом рекомендаций комиссии должно было состояться на тридцать четвёртой сессии Совета Лиги наций, которая открыла работу в сентябре 1925г., однако турецкий представитель Рушди-бей заявил, что Совет не правомочен отдать Мосул Ираку на том условии, что мандат будет продлён на 25 лет, поскольку Турция не признала условий Севрского мира относительно мандатной системы. Совет Лиги наций, поставленный в затруднительное положение выступлением турецкого представителя, был вынужден обратиться за разъяснением к Постоянной палате международного правосудия в Гааге относительно правомочности принимаемого решения. Постоянная палата международного правосудия вынесла заключение, что решение Совета Лиги наций по Мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон, и оно должно предусматривать окончательное установление границы между Турцией и Ираком.

Также решение должно быть принято единогласно, а голос одной из заинтересованных сторон, идущий в разрез с мнением остальных, учитываться не должен [21].

Несмотря на протесты Турции, 16 декабря 1925 г. Совет Лиги наций постановил, что турецко-иракской границей должна стать т. н. «Брюссельская линия» – демаркационная линия, определённая на время урегулирования спора. При этом Совет настоял на непосредственном соглашении между Великобританией и Турцией по экономическим вопросам [12, с. 163].

Окончательно спор был урегулирован заключением британо-ирако-турецкого трёхстороннего договора в Анкаре 5 июня 1926 г., согласно которому Турция окончательно отказалась от притязаний на Мосульский вилайет, признав «Брюссельскую линию» границей с Ираком. В обмен на 10 % доходов Ирака от мосульской нефти в течение 20 лет.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что этнический и религиозный фактор в Мосульском споре играл решающую роль и был эффективным, но чудовищным образом использован спорящими сторонами в борьбе за территории, имевшие стратегически важное в экономическом плане значение.

Безусловно и то, что напряжённость в отношениях между различными этноконфессиональными общинами, возникшая в годы Мосульского спора, сыграла свою роль и в дальнейших событиях трагической истории Ирака.

Список литературы

1. Макаров Р. В. Створення королівства Ірак – наслідок часткової невдачі експансіоністських планів Великобританії (з досвіду практичного сходознавства зовнішньополітичного відомства України) / Руслан Владимирович Макаров // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Исторические науки». – Т. 24 (63), № 1: спецвыпуск «История Украины», 2011. – С. 72 – 89.
2. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века / А. С. Ерусалимский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1951. – 606 с.
3. Фурсенко А. А. Нефтяные войны (конец XIX – начало XX в.) / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: «Наука», 1985. – 207 с.
4. О. Герасимов Иракская нефть / Олег Герасимов. – М.: «Наука», 1969. – 186 с.
5. Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке / Лев Николаевич Котлов. – М.: Издательство академии наук СССР, 1958. – 208 с.
6. Корсун Н. Г. Греко-турецкая война 1919–1922 гг. / Николай Георгиевич Корсун. – М.: Воениздат НКО СССР, 1940. – 56 с.
7. Поцхверия Б. М. Турция между двумя Мировыми войнами: очерки внешней политики / Поцхверия Борис Михайлович. – М.: «Наука», 1992. – 253 с.
8. Турция: рождение национального государства. 1918 – 1923: по документам РГАСПИ / Федер. архив. Служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН: [сост. Н. Б. Шувалова]. – М.: Гуманитарий, 2007. – 352 с.
9. Данциг Б. М. Ирак: Краткий географический очерк / Борис Моисеевич Данциг. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1955. – 134 с.
10. Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата / Елена Викторовна Тихонова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.

11. Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время / Константин Петрович Матвеев. – М.: «Наука», 1979. – 203 с.
12. Ментешашвили А. М. Ирак в годы английского мандата / Альберт Михайлович Ментешашвили. – М.: «Наука», 1969. – 289 с.
13. Мгои Ш. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время / Шакро Худоевич Мгои. – М.: «Наука», 1991. – 324 с.
14. Duru O. Irak kürt muhalafet hareketinde uluslararası boyut: 1918 – 1975 arası dönemin analizi / Ogün Duru // Alternatif Politika, Özel Sayı 1, Kasım 2010. – S. 74 – 112.
15. Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917 – 1923) / Михаил Семёнович Лазарев. – М.: «Наука», 1989. – 325 с.
16. Arrangement of May 1916, commonly known as the Sykes-Picot Agreement. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/89. – Image Reference: 0060 [the electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/89/0/0060>
17. Степанова Н. В. Межконфессиональный и межэтнический конфликт в Ираке / Надежда Васильевна Степанова // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 126 – 256.
18. THE QUESTION OF MOSUL. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 11, 1922. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/140. – Image Reference: 0003 [the electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/140/0/0003>
19. CABINET. IRAQ AND THE MOSUL QUESTION. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 10, 1925. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/175. – Image Reference: 0072 [the electronic resource]. – access mode: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/175/0/0072>
20. Sarıkoyuncu Değerli E. Lozan Barış konferansı'nda Musul / Esra Sarıkoyuncu Değerli // Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi Cilt 10 Sayı 18 Aralık 2007. – S. 127 – 140.
21. Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Frontier between Turkey and Iraq) [электронный ресурс]. – URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1925.11.21_lausanne.htm

Makarov R.V. Ethnic and religious factors in Mosul territorial dispute (1918 - 1926 gg.): Lesson from the past to respond to today's challenges // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 123-136.

In article the question of territorial dispute between Great Britain and Iraq on the one hand and Turkey with another for the territory of the former province of the Ottoman Empire — the Mosul vilayet in the 20th of the 20th century is considered. Dispute lasted from 1918 to 1926, and has arisen as a result according to official London, the province had to be a part of the Iraq kingdom directed by the British protege emir Feysal al-Hashemi which till 1932 was under the British mandatory management. However the Republic of Turkey which has succeeded the failed Ottoman Empire didn't recognize conditions of the Sevres peace treaty assigning the Mosul vilayet to the British mandate Mesopotamia (Iraq) and has demanded transfer of his territory under the jurisdiction. It has led to the fact that the Mosul question became a subject of the hardened debate between Great Britain and Turkey at Lausanne conference (1922 - 1923) then for several years the Mosul question was considered at sessions of Council of League of the nations, and has been submitted also for consideration of Constant chamber of the international justice in the Hague later. In the same time of the party have provoked to territories of the province and a number of armed conflicts. The ethnic and religious structure of the population of the region and its right for self-

determination and free, progressive development, in particular to the Kurdish and Assyrian factor was one of the main factors to which parties of the conflict constantly appealed.

Key words: Mosul vilayet, Great Britain, Turkey, Iraq, Kurds, Assyrians, territorial dispute

References

1. Makarov R. V. Creation of the Kingdom Iraq – result of partial failure of expansionist plans of Great Britain (from experience of practical oriental studies to Foreign Ministry of Ukraine) / Ruslan Vladimirovich Makarov // Scientific notes of Taurian national university of V. I. Vernadsky the Historical Sciences Series. – V. 24 (63), No. 1: special issue "History of Ukraine", 2011. – Page 72 – 89.
2. Erusalimsky A. S. Foreign policy and diplomacy of the German imperialism at the end of the 19th century / A. S. Erusalimsky. – M.: Publishing house of academy of Sciences of the USSR, 1951. – 606 p.
3. Fursenko A. A. Oil wars (the end of 19th – the beginning of the 20th century) / Alexander Aleksandrovich Fursenko. – L.: "Science", 1985. – 207 p.
4. O. Gerasimov Iraq oil / Oleg Gerasimov. – M.: "Science", 1969. – 186 pages.
5. Kotlov L. N. National liberation revolt of 1920 in Iraq / Lev Nikolaevich Kotlov. – M.: Publishing house of academy of Sciences of the USSR, 1958. – 208 p.
6. Korsun N. G. Greek-Turkish war of 1919-1922 / Nikolay Georgiyevich Korsun. – M.: Voenizdat of NPO of the USSR, 1940. – 56 p.
7. Potskhveriya B. M. Turkey between two World wars: sketches of foreign policy / Potskhveriya Boris Mikhaylovich. – M.: "Science", 1992. – 253 p.
8. Turkey: birth of the national state. 1918 – 1923: according to documents RGASPI / Feder. archive. Service of Russia, I Grew. state. archive cou. - it is watered. stories, Ying t of the countries of Asia and Africa at Lomonosov Moscow State University, Ying t hayч. information on societies. to sciences of the Russian Academy of Sciences: [ed. N. B. Shuvalova]. – M.: Humanist, 2007. – 352 p.
9. B. M. Danzig Iraq: Short geographical sketch / Boris Moiseevich Danzig. – M.: State publishing house of geographical literature, 1955. – 134 p.
10. Tikhonova E. V. Ethnoconfessional communities of Iraq in days of the British mandate / Elena Viktorovna Tikhonova. – M.: LKI publishing house, 2007. – 240 p.
11. Matveev K. P. Assyrians and the Assyrian problem during modern and latest times / Konstantin Petrovich Matveev. – M.: "Science", 1979. – 203 p.
12. Menteshashvili A. M. Iraq in days of the English mandate / Albert Mikhaylovich Menteshashvili. – M.: "Science", 1969. – 289 p.
13. Mgoi Sh. H. Kurdish ethnic question in Iraq in the latest time / Shakro Hudoyevich Mgoi. – M.: "Science", 1991. – 324 p.
14. Ogun Duru Iraqi Kurdish opposition within the movement on an international scale: 1918 - 1975 period from the analysis / Ogun Duru // Alternative Policy, Special Issue 1, November 2010. — P. 74 — 112.
15. Lazarev M. S. Imperialism and Kurdish question (1917 - 1923) / Mikhail Semyonovich Lazarev. – M.: "Science", 1989. – 325 p.
16. Arrangement of May 1916, commonly known as the Sykes-Picot Agreement. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/89. – Image Reference: 0060 [electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/89/0/0060>
17. Stepanova N. V. The interfaith and interethnic conflict in Iraq / Nadegda Vasilyevna Stepanova // the Conflicts in the east: Ethnic and confessional / under the editorship of A. D. Voskresensky. – M.: Aspect Press, 2008. – Page 126 – 256.
18. THE QUESTION OF MOSUL. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 11, 1922. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/140. – Image Reference: 0003 [the electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/140/0/0003>
19. CABINET. IRAQ AND THE MOSUL QUESTION. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 10, 1925. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/175. – Image Reference: 0072 [the electronic resource]. – access mode: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/175/0/0072>
20. Sarikoyunchu Degerli E. The Lausanne Peace conference Mosul / Esra Sarikoyunchu Degerli // Balikesir University, Institute of Social Science Journal. Volume 10, Issue 18, December 2007 — P. 127 — 140.

21. Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Frontier between Turkey and Iraq) [An electronic resource]. – URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1925.11.21_lausanne.html

УДК 327 (73)

РОЛЬ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОСТРАТЕГИИ США (1991–2013 гг.)

Тупота О. М..

Статья посвящена анализу роли Черноморского региона в глобальной геостратегии США в 1991-2013 гг. Автор впервые в отечественной историографии проведен системный анализ Стратегии национальной безопасности США с целью выявления эволюции подходов в отношении Черноморского региона. Сделан вывод, что Черноморский регион в период после окончания «холодной» войны является объектом стабильного интереса США в связи с их стремлением установить контроль над Евразией, которое формализуется в проектах по поддержке фрагментации геополитического пространства, диверсификации маршрутов транспортировки энергоносителей, стабилизации Большого Ближнего Востока. Доминирующим фактором в политике США в отношении ЧР является заинтересованность в маршруте транспортировки энергоносителей из Центральной Азии и Каспия в Европу.

Ключевые слова: Черноморский регион, США, геостратегия.

Цель данной статьи: показать роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США в 1991-2013 гг.

Новизна работы: впервые проведен системный анализ Стратегии национальной безопасности США с целью выявления эволюции подходов в отношении Черноморского региона.

Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза ознаменовали начало формирования современной системы международных отношений, одной из характеристик которой является «новое качество США как вершины (финансово-экономической, научно-технической, военной) иерархии государств по любому из объективных показателей и по всей их совокупности» [14, с. 3]. Этот статус обуславливался активным внешнеполитическим курсом США с периода Второй мировой войны и вплоть до настоящего времени. В его основе находятся геополитические концепции, постулирующие задачу недопущения доминирования враждебного Соединенным Штатам государства или группы государств в Евразии, что нашло отражение в стратегиях национальной безопасности США 1988-1990-х гг. [12; 21, с. 23; 23, с. 292; 53, p.2; 54, p.1].

В данных доктринальных документах реализация этой задачи была связана с обеспечением двух условий: во-первых, сохранением политического и военного присутствия в Европе, залогом которого является сохранение целостности «ткани жизненно важного партнерства в сфере политики и безопасности» с европейскими государствами» [54, р. 21]; во-вторых, наличием свободной и открытой международной экономической системы, обеспечением свободного доступа на международные рынки, и как следствие этого – утверждением демократических ценностей в политической сфере во всём мире, расширение круга демократических государств.

Анализ последующих стратегий национальной безопасности, вплоть до 2010 г., показывает, что эти задачи не потеряли актуальность. По оценке доктора политических наук А. Богатурова и профессора В. Кременюка, «именно эта цель – устранять любого соперника американским интересам в масштабах Евразийского материка – систематически воспроизводилась и будет воспроизводиться в качестве первоочередной при любых переменах власти в Вашингтоне» [15, с. 7]. На преемственность целей и задач администраций разных партий указывали и другие специалисты в области международных отношений: В. Батюк, М. Вишневский, В. Дергачев, А. Ирхин, Н. Колотухина, В. Согрин, С. Труш, А. Уткин, В. Фролов, Т. Шаклеина, С. Юрченко [3; 6; 9; 11; 13; 18; 20; 21; 22; 23].

Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза открыли новые возможности по реализации политики США в Евразии. Если в условиях биполярности активный внешнеполитический курс мог быть реализован только в отношении пояса прибрежных территорий Евразии – римленда (морские страны Европы, Ближний и Средний Восток, Индия, Юго-Восточная Азия), – то с образованием «ваккуума силы» в Евразии стал доступен центр континента – хартленд. Среди американских аналитиков, разделяющих взгляды о необходимости контроля над «евразийским центром» и вовлеченных в процесс формирования внешнеполитического курса США, российские ученые А. Дугин и А. Уткин указывали на Зб. Бжезинского, П. Вулфовица Г. Киссинджера, С. Хантингтона, оказавших влияние на формирование американской внешнеполитической стратегии в 1991-2009 гг. [10, с. 131; 21, с. 77]. Администрация Б. Обамы продолжает реализацию геополитических проектов, запущенных при администрациях Б. Клинтона и Дж. Буша-мл., предусматривающих в качестве форм по контролю над Евразией проект по созданию единой Европы, диверсификацию путей транспортировки энергоносителей из стран Центральной Азии и Каспийского региона в Европу и «стабилизацию» Ближнего Востока.

Концепция единой Европы впервые нашла отражение в Стратегии национальной безопасности США 1990 г. [54, р. 11]. Процесс её практической реализации был начат администрацией Б. Клинтона в 1994 г. через запуск механизмов расширения ЕС и НАТО. В понятие «Европы», наряду с государствами бывшего социалистического лагеря и части новых независимых государств (Молдова, Украина, Грузия), была включена и Россия. Актуальность рассматриваемой задачи неоднократно подтверждалась в выступлениях Дж. Буша и представителей его аппарата [31; 55].

В своей речи в Варшаве 15 июня 2001 г. президент Дж. Буш-мл. очертил границу планируемого расширения от Балтики до Черного моря с включением всех лежащих между этими морями государств. Из них наряду со Словакией и государствами Балкан, Дж. Буш выделил Украину. «Европа, которую мы строим, должна быть также открыта для России, – подчеркнул он. – Мы заинтересованы в успехе России и ждем день, когда Россия станет полностью реформированной, демократизованной и крепко связанной с остальной частью Европы. Такие крупные европейские институты как НАТО и ЕС могут и им следует наладить партнерство с Россией и с другими странами, возникшими после распада СССР» [31]. Данный подход был подтвержден Дж. Бушем на заседании Североатлантического Совета в преддверии Саммита в Праге и госсекретарем США К. Пауэллом в выступлении в Комитете по международным отношениям Сената США [55].

Задача завершения процесса объединения Европы путем расширения ЕС и НАТО сохранила актуальность и во внешнеполитической стратегии администрации Б. Обамы. Об этом неоднократно заявлял помощник госсекретаря по вопросам Европы и Евразии Ф. Гордон [41; 43; 44; 45].

В основе курса на содействие расширению Европы с включением в неё наряду с Турцией государств постсоциалистического и постсоветского пространств лежит идея, озвученная в середине 1990-х гг. Зб. Бжезинским: «Европа является важнейшим геополитическим плацдармом Америки на европейском континенте», «пока союзные европейские государства в значительной степени зависят от обеспечиваемой американцами безопасности, «любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением границ прямого американского влияния» [4, с. 233, 76]. При этом он подчеркивал, что нельзя допустить «одновременное образование такой интегрированной в политическом плане Европы, которая могла бы вскоре бросить вызов Соединённым Штатам в геополитических вопросах, имеющих крайне важное для Америки значение, в частности, на Ближнем Востоке» [4, с. 233]. По выраженному аналитиком убеждению, Европа в геополитическом плане должна оставаться частью евроатлантического пространства, системы, создаваемой под руководством США.

Задача диверсификации путей транспортировки энергоносителей впервые была актуализирована в 1997 г.: в Стратегии национальной безопасности США впервые фигурировал приоритет разработки энергоресурсов Каспийского бассейна [25, р.27]. США изначально рассматривали Каспийский регион как одну из возможностей развития альтернативных Персидскому заливу источников получения энергоносителей [57, sec.2, § 6; 8, с. 36].

Однако впоследствии результаты проведенных исследований показали, что запасы Каспийского региона не соответствуют ожиданиям и не сопоставимы, например, с Персидским заливом или Мексикой. В частности, этот факт в 2001 г. подчеркнула специалист в области энергетической политики Э. Джеффе – директор энергетического Форума в Институте Бэйкера [48].

Это стало одной из причин того, что задача разработки энергоресурсов Каспия и развития инфраструктуры в направлении Европы перешла в другую плоскость. В мае 2001 г. администрацией Дж. Буша-мл. был выработан Энергетический план, в

основу которого, по словам исполнительного вице-президента Московского международного нефтяного клуба, доктора политических наук Т. Багирова, легла идея о том, что «США не должны рассматривать свою энергетическую безопасность отдельно от положения в мире. Энергетическая и экономическая безопасность США прямо зависит не только от внутренних и внешних источников снабжения энергоресурсами, но и от источников снабжения торговых партнеров США» [1, с. 21].

В таком содержании «энергетическая дипломатия» заняла ключевую позицию во внешнеполитическом курсе администрации Б. Обамы, и её базовым элементом стала диверсификация источников энергоресурсов и путей их транспортировки [38; 42; 50; 51]. Высокопоставленными сотрудниками госдепартамента в качестве ключевого элемента политики США по обеспечению безопасности Евразии не раз называлась диверсификация маршрутов транспортировки энергоносителей из Каспийского региона и Центральной Азии на рынки Европы. Об этом заявлял помощник госсекретаря по вопросам Европы и Евразии Д. Фрид, выступая в Конгрессе 21 июня 2007 г., заместитель госсекретаря по политическим вопросам У.Бернс – 7 октября 2007 г. в Торговой палате США, специальный посол США по евразийской энергетике Р. Морнингстар – июня 2011 г. в Конгрессе [37; 30; 52].

События 11 сентября 2001 г. актуализировали ближневосточное направление во внешней политике США. В Стратегии национальной безопасности США 2002 г. было обозначено несколько очагов сосредоточения террористических сил: Северная и Южная Америка, Европа, Африка, Средний Восток, Азия [60, р.5]. Однако та кие государства, как Ирак и Афганистан были выбраны политической элитой США в качестве источника появления терроризма и стали объектом первоочередного внимания.

Во внешнеполитическом курсе администрации Б. Обамы политика в отношении Афганистана, Ирака и Ирана сохранила приоритет не только в военном, но, главным образом, в экономическом аспекте: в контексте политики по диверсификации маршрутов энергоносителей, строительства транспортных коммуникаций, развития торговли. В июле 2009 г. госсекретарем Х. Клинтон в г. Ченнаи (Индия) была озвучена инициатива «Новый Шелковый путь», включающая два дополняющих друг друга компонента: энергетика и инфраструктура (дороги, мосты, железные дороги, трубопроводы) и либерализация торговли, включающая снижение тарифных барьеров, улучшенные предписывающие режимы, прозрачные методики проверки на границах, скоординированная политика [56].

В рамках данной инициативы администрация Б. Обамы поддерживает строительство газопровода по маршруту Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия [27, 32; 47]. Обсуждение проекта началось ещё в 1990-х гг., межправительственное соглашение о строительстве было подписано 11 декабря 2010 г. Реализация данного проекта, как и ряда других планов в рамках новой инициативы, актуализирует военное присутствие США в регионе для обеспечения благоприятной военно-политической обстановки и защиты создаваемой

инфраструктуры. Задача борьбы с терроризмом, являясь известным приоритетом, тем не менее отошла на второй план.

Реализация рассмотренных выше проектов США в Евразии актуализирует значение ЧР. На сегодняшний день в сфере международных отношений нет единого определения понятия «ЧР», так как этот регион является геополитическим и его конфигурация зависит от интересов тех субъектов международных отношений, которые реализуют в отношении его определенный внешнеполитический курс.

Согласно подходу США, регион формирует десять государств: Россия, Украина, Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Болгария, Румыния, Молдова и Греция. Данный подход относительно геополитического районирования региона был озвучен в 2006 г. М. Брайза, заместителем помощника госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии [28].

Из этих государств действующей администрацией, так же как и предшествующими, в качестве геополитических опорных точек (или геополитических центров) были выбраны Украина, Турция, Азербайджан. Во внешнеполитической стратегии США под геополитическими центрами подразумеваются государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а, скорее, из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц – государств, обладающих способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ с целью изменения существующего положения в пользу Америки [14, с. 55, 54]. Сквозь призму значения Украины, Турции и Азербайджана выступает и роль ЧР в евразийской геостратегии США.

В то время как стратегическое значение Украины для США было обусловлено её ролью в трансформации европейских государств постсоветского пространства, роль Турции была аналогичной и заключалась в трансформации государств Ближнего Востока. Об этом неоднократно заявляли представители администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы [33; 36; 39; 40; 46; 49]. Представителями администрации Дж. Буша-мл. подчеркивалась роль Турции в поддержке военных операций США в Ираке и Афганистане обеспечением наземных и воздушных коридоров [35]. Действующей администрацией, помимо роли Турции в процессах на Ближнем Востоке, подчеркивалась её роль на Кавказе, в ЧР, в транзите энергоносителей из Каспийского региона в Европу [40; 58]. 26 января 2011 г. госсекретарь Х. Клинтон оценила американо-турецкое партнерство как самые важные двусторонние отношения в мире [34].

Значение Азербайджана во внешнеполитическом курсе США было определено в двух аспектах. С одной стороны, он, по словам У. Бернса, заместителя госсекретаря Х. Клинтон по политическим делам, является «ключевым игроком в диверсификации и обеспечении безопасности мировых поставок энергоносителей. Его трубопроводы стали главными артериями, связывающими Каспийское море с Западом. Стабильность и процветание Азербайджана обещает стабильность и процветание Кавказа. ... Азербайджан стал намного больше, чем просто торговая остановка на Шелковом пути» [29]. С другой стороны, по оценке Ф. Гордона,

помощника Х. Клинтон по делам Европы и Евразии, «Азербайджан служит жизненно важным транспортным путем для поддержки операций НАТО в Афганистане».

Однако ключевая роль ЧР во внешнеполитическом курсе США определяется энергетическим фактором. Регион важен для решения задачи «преодоления проблемы «горлышка Босфора» обеспечения доставки энергоносителей на мировые рынки путем создания новых трубопроводов и новых маршрутов экспорта», – подчеркнул помощник госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Дж. Теффт, выступая в Конгрессе 8 марта 2005 г. [59, р. 2]. По оценке одного из ведущих аналитиков ГФМ Р. Асмуса «Большое Причерноморье охватывает почти весь евроазиатский коридор энергоносителей от нефте- и газопроводов, пролегающих через Украину по направлению к рынкам Северной Европы, и до трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), проложенного к Средиземноморью». Это подтверждает тот факт, что пространство ЧР, являющегося геополитическим, смоделировано в соответствии с маршрутом транспортировки энергоносителей из стран Центральной Азии и Каспия в Европу. Поэтому для представителей администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы в выступлениях, посвященных ЧР как геополитической единице, характерно соотнесение региона, в первую очередь, с энергетикой.

Геополитические интересы Соединенных Штатов заключаются, во-первых, в том, что диверсификация путей транспортировки энергоносителей, пролегающих через страны ЧР, делает возможным сдерживать РФ, так как доход от транзита энергоносителей является главной составляющей российского бюджета. Задача сдерживания России для США актуализируется тем, что Россия в настоящее время на фоне эрозии однополярной структуры мира, создаваемой Соединенными Штатами после окончания «холодной войны», «в сущности, потеряв субъектность в международных отношениях в 1990-е годы, возвращает статус «великой державы», используя экспорт энергоресурсов и влияние на рынках нефти и газа в качестве инструмента наступательной внешнеполитической стратегии» [24, с. 4].

Во-вторых, диверсификация ослабит экономическую зависимость от России государств постсоветского пространства, и, следовательно, сделает их более независимыми в политической сфере.

В-третьих, диверсификация позволит сократить зависимость государств Европейского союза от российских энергоносителей. В одном из выступлений старший научный сотрудник Джеймстоун Фаундейшн В.Сокор обозначил эту проблему во внешней политике США: «Чем выше уровень зависимости ЕС от российских энергопоставок, тем меньше способность ЕС принимать решения, не затрагивая интересов России» [19].

В-четвертых, обеспечивая безопасность путей транспортировки энергоносителей из Центральной Азии и Каспийского региона в Европу, что ЕС пока не в состоянии делать, США сдерживают их, по образному выражению российского исследователя А. Паршева, «держат руку на кислородном шланге» западноевропейской экономики [17, с. 324]. На эту сохраняющуюся уязвимость ЕС

указывает и бывший советник по национальной безопасности президента США Зб.Бжезинский [4, с. 76; 5, с. 123-125].

В 2001 г. руководитель Центра трансатлантической безопасности при ИСКРАН В. Батюк отметил, что инициативы европейцев по созданию собственного потенциала в области обороны и безопасности были встречены с определенной долей озабоченности представителями Демократической и Республиканской партий. Общим было опасение, что это может привести к созданию параллельных Альянсу, а затем и конкурирующих с ним, структур, а также приведет к «распылению и без того скудных ресурсов, выделяемых европейцами на оборону» [2; с. 41].

В-пятых, диверсификация создаст зависимость Турции от энергоносителей, транспортируемых по её территории в рамках плана США, и обусловит её большую лояльность американскому внешнеполитическому курсу. В 2006 г. Турция и Россия отклонили предложение США о расширении на Черное море реализуемой в Средиземноморье антитеррористической операции НАТО «Активные усилия» [7, с.41]. Во время «пятидневной войны» в августе 2008 г. Турция не пропустила корабли США через проливы в Черное море. В последнее время американские аналитики выражают опасение по поводу российско-турецкого сближения с целью противодействия усилению позиций США в ЧР [26].

В-шестых, переориентация энергопотоков из Каспийского региона и Центральной Азии станет одним из факторов, сдерживающих экономический рост Китая, ВВП которого, по прогнозам, к 2020 г. по объемам выйдет на 2-е место после США [12, с. 27].

По оценке руководителя Центра Стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС доктора исторических наук С. Лузянина, озвученной в июне 2011 г., «КНР является одним из крупнейших в мире потребителей энергетических ресурсов. В настоящее время газовая промышленность объективно становится определяющим фактором дальнейшего развития экономики Китая» [16].

Таким образом, участие США в диверсификации маршрутов транспортировки энергоносителей дает им определенные возможности по сдерживанию России, ЕС, Турции, Китая, выводу постсоветских государств из сферы влияния России и обуславливает стабильность интереса к ЧР в качестве ключевого звена в маршруте транспортировки энергоносителей из государств Центральной Азии и Каспия в Европу.

Список литературы

1. Багиров Т. Новый энергетический план США в мировом контексте / Т.А.Багиров // Международная жизнь. – 2001. – № 7. – С. 20-24.
2. Батюк В. И., Мазинг В. А. Европа в военной политике администрации Буша / В. И. Батюк, В. А. Мазинг // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2001. - № 10. – С. 38 – 51.
3. Батюк В. Российско-американские отношения после «восьмерки» в Глениглсе / В. И. Батюк // Международная жизнь. – 2005. – № 9. – С. 60 – 70.
4. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Зб. Бжезинский – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.

5. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. / Зб. Бжезинский – М. : Международные отношения, 2005. – 288 с.
6. Вишневский М. Л. О доктрине «американского мирового лидерства» / М. Л. Вишневский // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2005. - № 9. – С. 68 – 82.
7. Волович О. Військово-політична активність США і НАТО в Чорноморсько-Каспійському регіоні після грузинсько-російського конфлікту у серпні 2008 року / О. Волович // Чорноморська безпека. – 2010. - № 1 (15). – С. 33 – 50.
8. Гегелашвили Н. А. Политика Вашингтона в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии / Н.А.Гегелашвили // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2007. - № 5. – С.35 – 52
9. Дергачев В. А. Геополитика: учебник для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 526 с.
10. Дугин А. Г. Геополитика: учебное пособие для вузов. – М. : Академический проект; Гаудеамус, 2011. – 583 с.
11. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь : Рибэст, 2011. – 294 с.
12. Камінський Е. Е. Світ переможців і переможених. Міжнародні відносини і українська перспектива на початку ХХІ століття / Е. Е. Камінський. – К. : Центр вільної преси, 2008. – 336 с.
13. Колотухина Н. В. Концепции нового мироустройства в американской теории международных отношений в конце 1980-х - первой половине 1990-х гг. : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. : спец. 07.00.03 «Всеобщая история» / Н. В. Колотухина. – М., 2005. – 22 с.
14. Косолапов Н. Формирование глобального миропорядка и Россия / Н. А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. - № 11. – С. 3 – 13.
15. Кременюк В. А. , Богатуров А. Д. Российско-американские отношения: между конфронтацией и партнерством / А. Д. Богатуров, В. А. Кременюк // США: экономика, политика, идеология. – 1996. - № 7. – С. 3 – 12.
16. Лузянин С. Г. Евразийские энергетические измерения. Возможны ли нефтегазовые компромиссы? [Электронный ресурс] / С. Г. Лузянин // Интернет-журнал «Новое Восточное Обозрение» - 2011, 21 июня. – Режим доступа: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/7263>
17. Паршев А. Почему Америка наступает / А. Паршев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Астрель» (серия «Великие противостояния»), 2003. – 373 с.
18. Согрин В. В. Двухпартийная система США: преемственность и обновление / В. В. Согрин // Полис. Политические исследования. – 2003. - № 3. – С. 164 – 170.
19. Сокоп В. Региональные конфликты в Черноморско-каспийском регионе [Электронный ресурс] / Речь на Гарвардской Программе Черноморской Безопасности / Владимир Сокоп – 2005 // Гарвардская программа Черноморской безопасности – 2005. – С. 86 – 96. – Режим доступа: <http://www.harvard-bssp.org/static/files/26/bulletin.pdf>
20. Труш С. М. США – КНР: борьба за лидерство / С. М. Труш // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2005. - № 12. – С. 25 – 38.
21. Уткин А. В Америке снова просыпается имперское мышление / А. И. Уткин // Международная жизнь. – 2002. – № 7. – С. 75-86.
22. Фролов В. Л. «Глобальное лидерство» США и перспективы «стратегического партнерства с Россией» / В.Л.Фролов // США: экономика, политика, идеология. – 1996. - № 5 – С. 47 – 59.
23. Юрченко С. В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы: Дис... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Юрченко Сергей Васильевич. - Симферополь, 2001. – 430 с.
24. Юрченко С. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государства / С. В. Юрченко // Чорноморська безпека. – 2008. - № 4 (10). – С. 3 – 5.
25. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource]. - Washington : The White House, 1997. - 34 p. – Access : <http://history.defense.gov/resources/nss1997.pdf>
26. A 2020 Vision for the Black Sea Region [Electronic resource] / A Report by the Commission on the Black Sea. Istanbul and Athens, May 2010. – 72 p. – Access :http://alleuropa.ru/filesserver/2010/45/A_2020_Vision_for_the_Black_Sea.pdf
27. Blake O. The Obama Administration's Priorities in South and Central Asia [Electronic resource] / Robert O. Blake (Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs). - Houston, TX. - January 19, 2011. – Access :<http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/155002.htm>

28. Bryza J. M. The policy of the United States toward the Black Sea region [Electronic resource] / Matthew J. Bryza (Deputy Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs) // Next steps in forging a Euroatlantic strategy for the wider Black Sea region / Edited by Ronald D. Asmus. – Washington : The German Marshall Fund of the U.S., 2006. – P. 37 – 42. – Access : <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf>
29. Burns W. U.S.-Azerbaijan Relations [Electronic resource] / Remarks. Georgetown University / William J. Burns (Under Secretary for Political Affairs). - Washington, DC, September 18, 2009. - Access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/129375.htm>
30. Burns W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S.-Central Asia Economic Ties [Electronic resource] / Remarks at U.S. Chamber of Commerce / William J. Burns (Under Secretary for Political Affairs). - Washington, DC. - October 7, 2009. - Access : <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>
31. Bush G. Remarks by the President of the United States in address to Faculty and Students of Warsaw University [Electronic resource] / George Walker Bush. - Warsaw, Poland. - June 15, 2001. - Access : <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/06/20010615-1.html>
32. Clinton H. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting [Electronic resource] / Hillary Rodham Clinton (Secretary of State). - New York City, New York. - September 22, 2011. - Access : <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/09/173807.htm>
33. Clinton H. Remarks at the 2011 Annual Conference on U.S.-Turkey Relations [Electronic resource] / Remarks at the 2011 Annual Conference on U.S.-Turkey Relations. Ritz-Carlton Hotel / Hillary Rodham Clinton (Secretary of State). - Washington, DC. - October 31, 2011. - Access : <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/10/176445.htm>
34. Fernandez J. U.S.-Turkey Relationship [Electronic resource] / TUSKON Business Association / Jose W. Fernandez (Assistant Secretary, Bureau of Economic, Energy and Business Affairs). - Istanbul, Turkey. - January 26, 2011. - Access : <http://www.state.gov/e/eb/rls/rm/2011/155868.htm>
35. Fried D. Ukraine: Developments in the Aftermath of the Orange Revolution [Электронный ресурс] / Testimony Before the House International Relations Subcommittee on Europe and Emerging Threats / Ambassador Daniel Fried (Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs) / . - Washington, DC. - July 27, 2005. - Режим доступа : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/50304.htm>
36. Fried D. U.S.-Turkish Relations and the Challenges Ahead [Electronic resource] / Testimony Before the House Foreign Affairs Committee Subcommittee on Europe / Daniel Fried (Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 15, 2007. - Access : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/81790.htm>
37. Fried D. Russia and U.S.-Russia Relations [Electronic resource] / Remarks before the U.S. Senate Foreign Relations Committee / Daniel Fried (Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - June 21, 2007. Access : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/86990.htm>
38. Goldwyn D. On-the-Record Briefing on International Energy Affairs [Electronic resource] / Remarks / David L. Goldwyn (Coordinator for International Energy Affairs). - Washington, DC. - October 9, 2009. - Access : <http://www.state.gov/s/ciea/rmk/130461.htm>
39. Gordon Ph. U.S.-Turkey Relations [Electronic resource] / Remarks. Press Event at U.S. Embassy, Ankara / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs). - Ankara, Turkey, November 12, 2009. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2009/132649.htm>
40. Gordon Ph. The United States and Turkey: A View from the Obama Administration [Electronic resource] / Sabanci Lecture, The Brookings Institution / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 17, 2010. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/138446.htm>
41. Gordon Ph. Remarks at the Sejm of the Republic of Poland. European Security Roundtable [Electronic resource] / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs). - Warsaw, Poland. - October 28, 2010. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/150246.htm>
42. Gordon Ph. U.S.-EU Relations Under the Hungarian Presidency [Electronic resource] / Remarks at the Hungarian Institute for International Affairs / - Budapest, Hungary. - January 13, 2011. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2011/154648.htm>
43. Gordon Ph. Secretary Clinton's Paris Speech on European Security. FPC Briefing [Electronic resource] / Philip H. Gordon (Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC : Foreign Press Center. - February 1, 2011. - - Access : <http://fpc.state.gov/136344.htm>

44. Gordon Ph. Overview of U.S. Relations with Europe and Eurasia / Testimony. House Foreign Affairs Subcommittee on Europe and Eurasia [Electronic resource] / Philip H. Gordon (Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 10, 2011. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2011/158214.htm>
45. Gordon Ph. Administration Priorities for Europe in the 112th Congress [Electronic resource] / Statement before the Subcommittee on European Affairs of the Senate Foreign Relations Committee / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs) - Washington, DC. - May 18, 2011. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2011/163616.htm>
46. Hormats R., Jeffrey J. Speech to American Business Forum in Turkey [Electronic resource] / Robert D. Hormats (Under Secretary for Economic, Energy and Agricultural Affairs), James Jeffrey (Ambassador to Turkey). - Istanbul, Turkey. - October 9, 2009. - Access : <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2009/132592.htm>
47. Hormats R. The United States' "New Silk Road" Strategy: What is it? Where is it Headed? [Electronic resource] / Address to the SAIS Central Asia-Caucasus Institute and CSIS Forum / Robert D. Hormats (Under Secretary for Economic, Energy and Agricultural Affairs). - Washington, DC. - September 29, 2011. - Access : <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm>
48. Jaffe A. US policy towards the Caspian region: can the wish-list be realized? [Electronic resource] / Amy Jaffe // HYPERLINK "<http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=the%20security%20of%20the%20caspian%20sea%20region%3A%20sipri&source=web&cd=4&ved=0CGAQFjAD&url=http%3A%2F%2Fbooks.sipri.org%2Ffiles%2Fbooks%2FSIPRI01Chufrin%2FSIPRI01Chufrin16.pdf&ei=1foAUKSAH4vbsgbursiaBg&usg=AFQjCNFfrkMq3jMsJRG8kR1PNUpCWEzLtA>" \t "_blank" The Security of the Caspian Sea Region - SIPRI, 2000. - P. 136 – 150. - Access : <http://books.sipri.org/files/books/SIPRI01Chufrin/SIPRI01Chufrin07.pdf>
49. Jones E. The Administration's Priorities in Europe [Electronic resource] / Testimony Before the House International Relations Committee Subcommittee on Europe / Elizabeth Jones (Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 3, 2004. - Access : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/30090.htm>
50. Morningstar R. Briefing on U.S.-EU Energy Council [Electronic resource] / Special Briefing via Teleconference / Richard Morningstar (Special Envoy for Eurasian Energy). - Washington, DC. - November 4, 2009. - Access : <http://www.state.gov/s/eee/rmk/131402.htm>
51. Morningstar R. Pipeline Politics in Asia: The Intersection of Demand, Energy Markets, and Supply Routes [Electronic resource] / Keynote Speech at the National Bureau of Asian Research Conference / Richard Morningstar (Special Envoy for Eurasian Energy). - Washington, DC. - May 4, 2010. - Access : HYPERLINK "<http://www.state.gov/s/eee/rmk/141580.htm>" <http://www.state.gov/s/eee/rmk/141580.htm>
52. Morningstar R. European and Eurasian Energy: Developing Capabilities for Security and Prosperity [Electronic resource] / Testimony Before the Subcommittee on Europe and Eurasia of the House Committee on Foreign Affairs / Richard Morningstar (Special Envoy for Eurasian Energy). - Washington, DC. - June 2, 2011. - Access : <http://www.state.gov/s/eee/rmk/164833.htm>
53. National Security Strategy of the United States [Electronic resource]. - Washington : The White House, 1988. - 48 p. - Access : <http://history.defense.gov/resources/nss1988.pdf>
54. National Security Strategy of the United States [Electronic resource]. - Washington : The White House, 1990. - 37 p. - Access : <http://history.defense.gov/resources/nss1990.pdf>
55. Powell C. Testimony on U.S. relations with Europe in Senate Foreign Relations Committee [Electronic resource] / Colin L. Powell (Secretary) - Washington, DC. - June 20, 2001. - Access : <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/3673.htm>
56. Pyatt G. Next Steps on the Silk Road [Electronic resource] / Remarks / Geoffrey Pyatt (Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs). - Chennai, India. - November 15, 2011. - Access: HYPERLINK "<http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177179.htm>" <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177179.htm>
57. Silk Road Strategy Act of 1999 [Electronic resource] / H.R. 1152 (106 th). Text as of Aug 03, 1999. - Access : <http://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text>
58. Special Briefing: Secretary of State Hillary Rodham Clinton's Upcoming Travel to the Middle East and Europe [Electronic resource] / Office of the Spokesman. - Washington, DC: February 27, 2009. - Access : <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/02/119888.htm>

59. Tefft J. The Future of Democracy in the Black Sea Area [Electronic resource] / Testimony at Senate Foreign Relations Committee on European Affairs / Ambassador John Tefft (Deputy Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs). - March 8, 2005. - 22 p. - Access: <http://foreign.senate.gov/testimony/2005/TefftTestimony050308.pdf>
60. The National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource]. - Washington: The White House, 2002. - 31 p. - Access : <http://history.defense.gov/resources/nss2002.pdf>.

Tupota O.M. The role of the Black Sea Region in the United States global geo-strategy in 1991 – 2013 // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 137-150.

This article analyzes the role of the Black Sea region in the United States global geo-strategy in 1991 – 2013. For the first time in the national historiography the author has conducted a systematic analysis of the US National Security Strategy in order to identify the evolution of approaches to the Black Sea region. It was concluded that since the end of the "cold war" the Black Sea region has been the object of a stable US interest in connection with their desire to establish control over Eurasia, which is formalized in projects to support the fragmentation of the geopolitical space, diversification of energy transportation routes, and stabilizing the Greater Middle East. The dominant factor in US policy towards the Black Sea region is an interest in the energy transportation route from Central Asia and the Caspian Sea to Europe.

Key words: Black Sea region, the United States, geo-strategy.

References

1. Bagirov T. The new power plan of the USA in a world context / T. A. Bagirov // International life. – 2001. - No. 7. – P. 20-24.
2. Batyuk V. I., V. A. Evrop's Mazing in military policy of administration of Bush / V. I. Batyuk, V. A. Mazing // the USA, Canada: economy, policy, culture. – 2001. - No. 10. – P. 38 – 51.
3. Batyuk V. The Russian-American relations after "eight" in Gleneagles / V. I. Batyuk//the International life. – 2005. – No. 9. – P. 60 – 70.
4. Brzezinski Zb. Great chessboard. Domination of America and his geostrategic imperatives / Zb. Brzezinski – M.: International relations, 2005. – 256 p.
5. Brzezinski of Zb. Choice. World supremacy or global leadership / Lane with English / ZB. Brzezinski – M.: International relations, 2005. – 288 p.
6. Vishnevsky M. L. About the doctrine of "the American world leadership" / M. L. Vishnevsky // the USA, Canada: economy, policy, culture. – 2005. - No. 9. – P. 68 – 82.
7. Volovich O. Military and technical activity of the USA and NATO in Black Sea –Caspian region after Russian-Georgian conflict at august 2008 to fate / O. Volovich // Chornomorska bezpeka. – 2010. - No. 1 (15). – Page 33 – 50.
8. Gegelashvili N. A. Policy of Washington in the states of South Caucasus and Central Asia/N. A. Gegelashvili // USA, Canada: economy, policy, culture. – 2007. - No. 5. – Page 35 – 52
9. Dergachev V. A. Geopolitics: the textbook for higher education institutions. – M.: UNITY-DANA, 2004. – 526 p.
10. Dugin A. G. Geopolitics: manual for higher education institutions. – M.: Academic project; Gaudeamus, 2011. – 583 p.
11. Irkhin A. A. Geopolitical cycles of Eurasia and national interests of Ukraine / A. A. Irkhin. – Sevastopol: Рибэст, 2011. – 294 p.
12. Kaminsky E. E. World of the winners and losers. The international relations and the Ukrainian prospect at the beginning of the 21st century / E. E. Kaminsky. – Keiv: Center of the free press, 2008. – 336 p.
13. Kolotukhina N. V. Concepts of a new world order in the American theory of the international relations in the late eighties - the first half of the 1990th: thesis for obtaining a scientific degree of Candidate of historical science specialization 07.00.03 "General history" / N. V. Kolotukhina. – Moscow, 2005. – 22 p.

14. Kosolapov N. Formation of a global world order and Russia / N. A. Kosolapov // World economy and international relations. – 2004. – No. 11. – P. 3 – 13.
15. Kremen'yuk V. A., Bogaturov A. D. Russian-American relations: between confrontation and partnership. D. Bogaturov, V. A. Kremen'yuk // USA: economy, policy, ideology. – 1996. – No. 7. – P. 3 – 12.
16. Luzyanin S. G. Euroasian power measurements. Whether oil and gas compromises are possible? [Electronic resource] / S. G. Luzyanin // the New East Review Internet magazine - 2011, on June 21. – Access: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/7263>
17. It is nasty And. Why America comes / A. Parshev. – the second edition corrected and added. – Moscow.: LLC Publishing House Astrel (Favourable oppositions series), 2003. – 373 p.
18. Sogrin V. V. Two-party system of the USA: continuity and updating / V. V. Sogrin // Policy. Political researches. – 2003. – No. 3. – P. 164 – 170.
19. Sokor V. The regional conflicts in the Black Sea and Caspian region [An electronic resource] / the Speech on the Harvard Program of the Black Sea Safety / Vladimir Sokor – 2005 // the Harvard program of the Black Sea safety – 2005. – P. 86 – 96. – Access: <http://www.harvard-bssp.org/static/files/26/bulletin.pdf>
20. Trush S. M. of the USA – the People's Republic of China: fight for leadership / S. M. Trush // the USA, Canada: economy, policy, culture. – 2005. – No. 12. – P. 25 – 38.
21. Utkin A. V to America wakes up imperial thinking / A. I. Utkin // the International life again. – 2002. – No. 7. – P. 75-86.
22. Frolov V. L. "Global leadership" of the USA and prospects "strategic partnership with Russia / V. L. Frolov // the USA: economy, policy, ideology. – 1996. – No. 5 – P. 47 – 59.
23. Yurchenko S. V. Geostrategiya of the USA in the course of formation of the global power: Dis... Dr.s it is watered. sciences: 23.00.04 / Yurchenko Sergey Vasilyevich. - Simferopol, 2001. – 430 pages.
24. Yurchenko S. Main tendencies of development of system of the international relations and problem of updating of public impact on foreign policy of the state / S. V. Yurchenko // Chornomorsk a bezpek. – 2008. – No. 4 (10). – P. 3 – 5.
25. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource]. - Washington : The White House, 1997. - 34 p. – Access : <http://history.defense.gov/resources/nss1997.pdf>
26. A 2020 Vision for the Black Sea Region [Electronic resource] / A Report by the Commission on the Black Sea. Istanbul and Athens, May 2010. – 72 p. – Access : http://alleuropa.ru/filesserver/2010/45/A_2020_Vision_for_the_Black_Sea.pdf
27. Blake O. The Obama Administration's Priorities in South and Central Asia [Electronic resource] / Robert O. Blake (Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs). - Houston, TX. - January 19, 2011. – Access : <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/155002.htm>
28. Bryza J. M. The policy of the United States toward the Black Sea region [Electronic resource] / Matthew J. Bryza (Deputy Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs) // Next steps in forging a Euroatlantic strategy for the wider Black Sea region / Edited by Ronald D. Asmus. – Washington : The German Marshall Fund of the U.S., 2006. – P. 37 – 42. – Access : <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf>
29. Burns W. U.S.-Azerbaijan Relations [Electronic resource] / Remarks. Georgetown University / William J. Burns (Under Secretary for Political Affairs). - Washington, DC, September 18, 2009. - Access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/129375.htm>
30. Burns W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S.-Central Asia Economic Ties [Electronic resource] / Remarks at U.S. Chamber of Commerce / William J. Burns (Under Secretary for Political Affairs). - Washington, DC. - October 7, 2009. – Access : <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>
31. Bush G. Remarks by the President of the United States in address to Faculty and Students of Warsaw University [Electronic resource] / George Walker Bush. - Warsaw, Poland. - June 15, 2001. – Access : <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/06/20010615-1.html>
32. Clinton H. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting [Electronic resource] / Hillary Rodham Clinton (Secretary of State). - New York City, New York. - September 22, 2011. - Access : <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/09/173807.htm>
33. Clinton H. Remarks at the 2011 Annual Conference on U.S.-Turkey Relations [Electronic resource] / Remarks at the 2011 Annual Conference on U.S.-Turkey Relations. Ritz-Carlton Hotel / Hillary Rodham Clinton (Secretary of State). - Washington, DC. - October 31, 2011. – Access : <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/10/176445.htm>

34. Fernandez J. U.S.-Turkey Relationship [Electronic resource] / TUSKON Business Association / Jose W. Fernandez (Assistant Secretary, Bureau of Economic, Energy and Business Affairs). - Istanbul, Turkey. - January 26, 2011. - Access : <http://www.state.gov/eb/rls/rm/2011/155868.htm>
35. Fried D. Ukraine: Developments in the Aftermath of the Orange Revolution [Electronic resource] / Testimony Before the House International Relations Subcommittee on Europe and Emerging Threats / Ambassador Daniel Fried (Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs) / . - Washington, DC. - July 27, 2005. - Режим доступа : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/50304.htm>
36. Fried D. U.S.-Turkish Relations and the Challenges Ahead [Electronic resource] / Testimony Before the House Foreign Affairs Committee Subcommittee on Europe / Daniel Fried (Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 15, 2007. - Access : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/81790.htm>
37. Fried D. Russia and U.S.-Russia Relations [Electronic resource] / Remarks before the U.S. Senate Foreign Relations Committee / Daniel Fried (Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - June 21, 2007. Access : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/86990.htm>
38. Goldwyn D. On-the-Record Briefing on International Energy Affairs [Electronic resource] / Remarks / David L. Goldwyn (Coordinator for International Energy Affairs). - Washington, DC. - October 9, 2009. - Access : <http://www.state.gov/s/ciea/rmk/130461.htm>
39. Gordon Ph. U.S.-Turkey Relations [Electronic resource] / Remarks. Press Event at U.S. Embassy, Ankara / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs). - Ankara, Turkey, November 12, 2009. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2009/132649.htm>
40. Gordon Ph. The United States and Turkey: A View from the Obama Administration [Electronic resource] / Sabanci Lecture, The Brookings Institution / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 17, 2010. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/138446.htm>
41. Gordon Ph. Remarks at the Sejm of the Republic of Poland. European Security Roundtable [Electronic resource] / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs). - Warsaw, Poland. - October 28, 2010. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/150246.htm>
42. Gordon Ph. U.S.-EU Relations Under the Hungarian Presidency [Electronic resource] / Remarks at the Hungarian Institute for International Affairs / - Budapest, Hungary. - January 13, 2011. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2011/154648.htm>
43. Gordon Ph. Secretary Clinton's Paris Speech on European Security. FPC Briefing [Electronic resource] / Philip H. Gordon (Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC : Foreign Press Center. - February 1, 2011. - - Access : <http://fpc.state.gov/136344.htm>
44. Gordon Ph. Overview of U.S. Relations with Europe and Eurasia [Electronic resource] / Testimony. House Foreign Affairs Subcommittee on Europe and Eurasia [Electronic resource] / Philip H. Gordon (Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 10, 2011. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2011/158214.htm>
45. Gordon Ph. Administration Priorities for Europe in the 112th Congress [Electronic resource] / Statement before the Subcommittee on European Affairs of the Senate Foreign Relations Committee / Philip H. Gordon (Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs) - Washington, DC. - May 18, 2011. - Access : <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2011/163616.htm>
46. Hormats R., Jeffrey J. Speech to American Business Forum in Turkey [Electronic resource] / Robert D. Hormats (Under Secretary for Economic, Energy and Agricultural Affairs), James Jeffrey (Ambassador to Turkey). - Istanbul, Turkey. - October 9, 2009. - Access : <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2009/132592.htm>
47. Hormats R. The United States' "New Silk Road" Strategy: What is it? Where is it Headed? [Electronic resource] / Address to the SAIS Central Asia-Caucasus Institute and CSIS Forum / Robert D. Hormats (Under Secretary for Economic, Energy and Agricultural Affairs). - Washington, DC. - September 29, 2011. - Access : <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm>
48. Jaffe A. US policy towards the Caspian region: can the wish-list be realized? [Electronic resource] / Amy Jaffe
// HYPERLINK
["http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=%20security%20of%20the%20caspian%20sea%20region%3A%20sipri&source=web&cd=4&ved=0CGAQFjAD&url=http%3A%2F%2Fbooks.sipri.org%2Ffiles%2Fbooks%2FSPRI01Chufrin%2FSPRI01Chufrin16.pdf&ei=1foAUKSAH4vbsgbursiaBg&usg=AFQjCNfrkMq3jMsJ"](http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=%20security%20of%20the%20caspian%20sea%20region%3A%20sipri&source=web&cd=4&ved=0CGAQFjAD&url=http%3A%2F%2Fbooks.sipri.org%2Ffiles%2Fbooks%2FSPRI01Chufrin%2FSPRI01Chufrin16.pdf&ei=1foAUKSAH4vbsgbursiaBg&usg=AFQjCNfrkMq3jMsJ)

- RG8kR1PNUpCWEzLtA" \t " blank" The Security of the Caspian Sea Region - SIPRI, 2000. – P. 136 – 150. – Access : <http://books.sipri.org/files/books/SIPRI01Chufrin/SIPRI01Chufrin07.pdf>
49. Jones E. The Administration's Priorities in Europe [Electronic resource] / Testimony Before the House International Relations Committee Subcommittee on Europe / Elizabeth Jones (Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs). - Washington, DC. - March 3, 2004. – Access : <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/30090.htm>
50. Morningstar R. Briefing on U.S.-EU Energy Council [Electronic resource] / Special Briefing via Teleconference / Richard Morningstar (Special Envoy for Eurasian Energy). - Washington, DC. - November 4, 2009. – Access : <http://www.state.gov/s/eee/rmk/131402.htm>
51. Morningstar R. Pipeline Politics in Asia: The Intersection of Demand, Energy Markets, and Supply Routes [Electronic resource] / Keynote Speech at the National Bureau of Asian Research Conference / Richard Morningstar (Special Envoy for Eurasian Energy). - Washington, DC. - May 4, 2010. – Access : HYPERLINK "<http://www.state.gov/s/eee/rmk/141580.htm>" <http://www.state.gov/s/eee/rmk/141580.htm>
52. Morningstar R. European and Eurasian Energy: Developing Capabilities for Security and Prosperity [Electronic resource] / Testimony Before the Subcommittee on Europe and Eurasia of the House Committee on Foreign Affairs / Richard Morningstar (Special Envoy for Eurasian Energy). - Washington, DC. - June 2, 2011. – Access : <http://www.state.gov/s/eee/rmk/164833.htm>
53. National Security Strategy of the United States [Electronic resource]. - Washington : The White House, 1988. - 48 p. – Access : <http://history.defense.gov/resources/nss1988.pdf>
54. National Security Strategy of the United States [Electronic resource]. - Washington : The White House, 1990. - 37 p. – Access : <http://history.defense.gov/resources/nss1990.pdf>
55. Powell C. Testimony on U.S. relations with Europe in Senate Foreign Relations Committee [Electronic resource] / Colin L. Powell (Secretary) - Washington, DC. - June 20, 2001. – Access : <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/3673.htm>
56. Pyatt G. Next Steps on the Silk Road [Electronic resource] / Remarks / Geoffrey Pyatt (Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs). - Chennai, India. - November 15, 2011. – Access : HYPERLINK "<http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177179.htm>" <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177179.htm>
57. Silk Road Strategy Act of 1999 [Electronic resource] / H.R. 1152 (106 th). Text as of Aug 03, 1999. – Access : <http://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text>
58. Special Briefing: Secretary of State Hillary Rodham Clinton's Upcoming Travel to the Middle East and Europe [Electronic resource] / Office of the Spokesman. - Washington, DC: February 27, 2009. – Access : <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/02/119888.htm>
59. Tefft J. The Future of Democracy in the Black Sea Area [Electronic resource] / Testimony at Senate Foreign Relations Committee on European Affairs / Ambassador John Tefft (Deputy Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs). - March 8, 2005. - 22 p. – Access : <http://foreign.senate.gov/testimony/2005/TefftTestimony050308.pdf>
60. The National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource]. - Washington : The White House, 2002. - 31 p. – Access : <http://history.defense.gov/resources/nss2002.pdf>

УДК 321.022

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Обшарская А. В.

Япония – государство стратегического значения, которое претендует на господство в Азиатско-тихоокеанском регионе (в экономической, политической и других сферах) и является одним из крупнейших геополитических игроков в мире. Ее статус в современном мире неоднозначен, и формировался он под воздействием многих факторов на протяжении длительного периода времени. Политическая система в целом и ряд политических институтов, в частности также претерпели ряд изменений с момента создания демократических институтов в конце XIX – начале XX вв. и до периода современности, не говоря о тех политических институтах, которые функционировали веками. И ключевую роль в формировании современной политической системы сыграли реформы второй половины 40-х годов XX века, которые подробно рассматриваются автором в данной статье.

Ключевые слова: политическая система, Япония, трансформация, реформы, демилитаризация.

Цель данной статьи: кратко охарактеризовать политическую систему Японии до реформ, подробно рассмотреть сами реформы и доказать, что они имеют особое историческое и политическое значение.

Трансформация политической системы Японии в послевоенный период обладает особым значением, прежде всего, поскольку она проводилась в условиях оккупации, в связи с чем в мотивации реформ важное место занимали внешнеполитические соображения. Для США, выступивших инициатором и вдохновителем процесса модернизации, важно было устранить военную угрозу со стороны Японии и минимизировать даже теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего требовались прочные основы для развития демократии в стране.

Поэтому целью реформ являлись коренная демилитаризация и демократизация Японии. В процессе модернизации необходимо было устранить те характерные черты довоенной политической системы Японии, которые позволили установить политический авторитарный режим [1]. Этими особенностями, прежде всего, были:

- полуабсолютистская монархия;

- отсутствие четкого разделения властей и распределения объема властных полномочий между разными политическими институтами;
- гипертрофированная роль бюрократии (военной, в первую очередь);
- подчиненное место представительных органов в системе власти.

Одним из первых перед реформаторами встал вопрос о суверенитете. В отличие от Конституции Мэйдзи, где источником власти выступал император, в преамбуле новой Конституции 1947 г. отмечалось, что суверенитет принадлежит народу. Народ, в свою очередь, реализует его путем всенародного избрания Парламента [2]. Необходимо отметить этот принципиальный момент, потому что он определил демократический характер новой Конституции в дальнейшем.

Институт синтоизма как официальной идеологии упразднился. Император официально отказался от своего божественного происхождения, выступив со специальной речью по этому поводу по радио 1 января 1946 года [3]. Согласно новой Конституции, император являлся лишь символом государства и народного единства, и положение его определялось народной волей. Все специальные виды полномочий императора устранялись, включая те, что осуществлялись в случае чрезвычайных обстоятельств. Император и его функции отныне стали носить церемониальный характер. Все дела императорского дома перешли в сферу ведения специального управления канцелярии Премьер-министра. Данное управление к тому же утратило какой-либо политический характер, в отличие от министерства императорского двора до войны, обладавшего значительными полномочиями.

Одновременно в рамках реформы образования из школьных программ изымались положения, пропагандирующие национальную исключительность японцев и подданныческий долг перед императором [4, с. 156].

Императорская армия была расформирована, и в Конституции появилась уникальная для того времени статья 9, в которой японская нация отказывала себе в праве решать международные споры посредством войны. Другой гарантией против восстановления милитаризма стало положение, согласно которому Премьер-министр и члены Кабинетов министров могли быть исключительно гражданскими служащими (статья 66). В дальнейшем создавались «силы самообороны», политический вес которых, безусловно, не шел ни в какое сравнение с довоенным периодом. Министерство внутренних дел, в сферу полномочий которого в довоенной Японии входила охрана общественного порядка и деятельность полиции, выборы всех уровней, включая губернаторов префектур, а также вопросы деятельности местных органов власти, ликвидировалось [5, с. 403–407].

Устанавливалась кабинетно-парламентская модель государственного устройства. Она обладала определенной преемственностью по отношению к довоенной модели, но вместе с тем обрела некоторые принципиально новые черты. Так, в рамках новой политической модели Парламент стал избираться всенародно, а глава исполнительной власти – выбираться Парламентом из числа своих членов (статья 67). Он формирует Кабинет министров, и, как указано в Конституции, последний должен состоять в своем большинстве из членов Парламента (статья 68) [2]. Каждый из членов Кабинета является главой одного из министерств. Законопроекты вносятся преимущественно от имени правительства. Важным моментом также является положение статьи 66 о том,

что Кабинет министров, будучи центральным органом исполнительной власти, несет коллективную ответственность перед Парламентом.

Новая Конституция провела довольно четкие границы в ответственности различных политических институтов, что можно интерпретировать как шаг в направлении централизации политической власти. В довоенный период она была сильно размыта, так как отдельные элементы системы власти вообще не обозначались. Но она отличалась и от американской модели, где разделение властей было проведено жестко. В Японии члены Кабинета министров совмещали в своем лице и исполнительную, и законодательную власть. По мнению исследователей, инициаторы подобной трансформации ставили перед собой цель устранить неопределенность в разграничении ответственности, что до того позволило военным узурпировать значительную часть властных полномочий – тогда параллельно с официально существующим правительством существовало еще и теневое, где реальной властью обладали военные [6, с. 177].

Целый ряд положений Конституции был направлен на закрепление центральной роли Парламента в политической системе страны. Основопологающей в этом отношении стала 41-я статья, определившая Парламент как «высший орган государственной власти» и «единственный законодательный орган государства». Конституцией специально указывается монополия полномочий Парламента в отношении принятия государственного бюджета (ст. 60) и государственных финансов (ст. 83–91). Из текста Конституции исчезло старое положение о том, что в случае непринятия бюджета Парламентом в силу вступает бюджет предыдущего финансового года, которое в довоенный период являлось одной из форм контроля бюрократии над законодательной властью [7, с. 128].

Конституцией определялась двухпалатная модель парламентской системы, в целом нехарактерная для унитарных монациональных государств с демократическими принципами государственного устройства. Для Японии смысл существования двухпалатной системы заключается в создании более сбалансированной конфигурации Парламента за счет особого статуса Палаты советников, которая более устойчива к колебаниям политического процесса, поскольку, в отличие от Палаты представителей, не подвержена роспуску со стороны исполнительной власти. Депутаты Верхней палаты гарантированно получают шестилетний мандат пребывания у власти. Это обстоятельство заставляет их в большей степени думать об общенациональных интересах и долгосрочных государственных программах, чем о локальных интересах своих округов.

На вооружение были взяты и некоторые элементы американской политической системы, касающиеся, в частности, прерогативы Парламента изучать ситуацию в стране. Согласно ст. 62 Конституции, каждая из палат Парламента вправе проводить собственные расследования в отношении деятельности правительства, требовать вызова свидетелей и представления необходимых документов. В этой связи в стране создавалась система комитетов и комиссий, которые становились главной ареной проведения парламентских дискуссий. Такая система представлялась реформаторам в качестве механизма, обеспечивающего открытость процесса принятия

законодательных решений, приоритет общественных интересов, гарантию против партикуляризма в политике.

Вместе с центральным правительством была создана сильная местная власть с законодательно оговоренными прерогативами и независимым финансовым обеспечением. Так, местной администрации передавались многие функции, ранее находившиеся в ведении центральных органов власти, например, сфере образования, коммунального хозяйства, охраны общественного порядка, сбора налогов [7, с. 203-205]. Система эта основывалась во многом на американском опыте и ее целью было обеспечить больший уровень участия граждан в делах местного самоуправления и одновременно не допустить концентрации власти на центральном уровне. И в отличие от довоенной системы, руководители местных органов власти стали выборными.

Хотя процесс формирования модели местного самоуправления не был идеальным, данная реформа стала мощным толчком для демократических процессов на низшем уровне. Так, они проявлялись в таких формах политического противостояния, которые не существовали на уровне Парламента страны. В 1970-1990-е годы в ряде регионов к власти пришли левые администрации, в том числе возглавляемые коммунистическими мэрами, которые находились в оппозиции правительству и оказывали на него существенное давление по вопросам социальной и экономической политики [8, с. 190].

Была проведена судебная реформа. Так, гражданский кодекс был переписан на основе норм демократического права, а с целью повышения независимости судов ослаблены прерогативы Министерства юстиции, касающиеся контроля судебной системы, усилены полномочия Верховного суда.

Особое внимание в сфере политических преобразований следует уделить введению гарантий политических прав и свобод, таких как: свобода слова, собраний, объединений, право на создание профсоюзов, политических партий и общественных организаций. По старой Конституции права подданных могли ограничиваться действующими законами, что теперь ликвидировалось. До войны также деятельность любых политических организаций должна была быть оправдана необходимостью «защиты интересов государства». Теперь же перед реформаторами стояла цель гарантировать открытое выражение любых политических взглядов, не противоречащих при этом закону. Таким образом существовавшее до войны положение о запрете критики государственной власти предотвращалось.

Одним из важнейших шагов на пути к демократизации Японии стало введение всеобщего избирательного права. В отличие от закона 1925 г., новый закон дал избирательные права женщинам, а возрастной ценз активного избирательного права был снижен с 25 до 20 лет [там же]. Было провозглашено равенство всех граждан перед законом, а также запрещены все виды дискриминации по признакам расы, пола, религии и социального происхождения.

Отдельно в ряду реформистских мероприятий стоит изгнание из общественной жизни деятелей, занимавших ключевые посты в правительстве, политических партиях и крупнейших экономических структурах военного времени. Многие из них были привлечены к уголовной ответственности и оказались за решеткой. Это

дало шанс для выдвижения нового поколения политической элиты из числа управленцев второго эшелона, занимавших важные, но не ключевые посты в правительстве довоенного времени. Следует отметить, однако, что политические чистки не имели всеобъемлющего характера, как это было в послевоенной Германии в рамках политики денацификации, и не затронули костяк гражданской бюрократии довоенного времени. Вместе с этим институты Тайного совета и Гэнро и связанные с ними должности ликвидировались [7].

Именно из прежней бюрократии в дальнейшем черпались кадры для высшей политической элиты. Этому способствовала формировавшаяся в Японии на протяжении многих веков конфуцианская традиция высокого общественного кредита по отношению к чиновникам. Между тем с учетом того обстоятельства, что любые альтернативные политические институты, включая политические партии, были слишком слабы и не пользовались большим доверием в обществе, оккупационные власти, нуждавшиеся в институциональных инструментах проведения своей политики, были вынуждены опираться на существующие структуры правительства. Свою роль играло и то, что ограниченные чистки, проводившиеся оккупационными властями, затронули в первую очередь руководство довоенных политических партий, стоявших у власти, а также верхушку военной администрации. Таким образом, гражданская бюрократия оказалась, что называется, «вне конкуренции», заполнив собой тот вакуум власти, который образовался на волне указанных чисток.

Бюрократия стала выполнять чисто политические функции, связанные не только с реализацией стоявших перед обществом стратегических задач, но и с их формулированием. Именно из числа гражданской бюрократии вышли многие видные политические фигуры послевоенного времени, включая глав правительств (С. Ёсида, Н. Киси, Т. Исибаси, Х. Икэда и др.). В дальнейшем опыт рекрутирования бюрократии на руководящие посты в неправительственные структуры превратился в своего рода традицию, а переход на работу в частные корпорации либо отставка с целью начала политической карьеры («схождение с небес») превратились в неотъемлемую стадию карьеры для так называемой «карьерной бюрократии» [8, с. 210-211].

Земельная реформа была призвана покончить с помещичьим землевладением и создать в аграрном секторе эгалитарное сообщество, которое бы стало основой для демократических процессов на низовом уровне. Следует отметить, что именно фермерские слои служили в послевоенный период важнейшим элементом системы электоральной поддержки консервативного правления [9, с. 239]. Однако в долгосрочном плане мелкие фермерские хозяйства создавали для политиков большую проблему, поскольку с трудом поддавались экономической рационализации и не подходили для тех видов сельхозпроизводства, где требуется эффект масштаба. Поэтому в дальнейшем неконкурентоспособный аграрный сектор превратился в «головную боль» для правящей администрации, которая была вынуждена в интересах фермеров отстаивать протекционистские меры во внешнеэкономической сфере, даже если эти меры не соответствовали общенациональным интересам.

Тем не менее следует отметить ряд недостатков и неудач, сопровождавших трансформацию политической системы. Многие меры носили половинчатый,

незавершенный характер. Общественное сознание далеко не всегда успевало за ходом реформ, многие из которых не соответствовали или даже противоречили ожиданиям широких масс, политическая культура которых формировалась десятилетиями. В частности, именно по этой причине реформаторы были вынуждены сохранить институт императора, хотя и в ослабленном виде. Так, они понимали, что даже попытка привлечь его к ответственности за военные преступления может привести к социального хаосу, неважно, в качестве основного или дополнительного фактора.

Некоторые идеи оказались в принципе нежизнеспособными, так как переносились из американских реалий в японские, а при существовавшем разрыве традиций это было совершенно бесперспективно. Так, идея создания автономной системы местного самоуправления соответствовала американским демократическим традициям, а еще была вызвана географическими условиями – большой территорией США, особенно в сравнении с Японией. В итоге многие положения первоначального проекта реформы так и не были приняты [там же].

В ходе изменений не удалось и полностью преодолеть такие системообразующие особенности японской политической культуры, как отсутствие традиций гражданского общества, неразвитость политических партий как института представительской демократии, гипертрофированная роль бюрократии, выполнявшей в системе государственной власти, по сути, политические функции. Несмотря на все усилия реформаторов, партисипаторное сознание так и не укоренилось в широких слоях японского электората, последний предпочитал голосовать за определенных кандидатов, а не за программы и идеологии.

Таким образом, после поражения Японии во Второй мировой войне она на длительный период лишилась возможности самостоятельно определять вектор своего развития, так как государствами-победителями была поставлена задача исключить возможность возрождения японского милитаризма. И коренная перестройка государства, проводившаяся посредством реформ, происходила в том числе с этой целью.

Ведущую роль в разработке данных реформ сыграли США, которые были напрямую заинтересованы в том, чтобы Япония превратилась из врага в страну, разделяющую американские ценности – политические, экономические и культурные, – и стала союзником. Для этого в стране требовалось создать прочную демократическую основу. Реформы, проводимые в Японии, были направлены на ее серьезную демилитаризацию и демократизацию. В процессе модернизации при этом было необходимо устранить те черты, которые сделали возможным установление авторитарного военизированного режима.

Вместе с этим японское правительство не имело право самостоятельно устанавливать и поддерживать связь с другими государствами, и внешнеполитические функции Японии находились в руках оккупационных властей.

В целом можно заключить, что принятие Конституции 1947 года и демократические реформы второй половины 1940-х годов имели решающее значение для дальнейшего развития всей политической системы. Результаты этих реформ, которые были восприняты народом Японии, определили развитие политической системы страны на весь послевоенный период.

Список литературы

1. Молодякова Э. В. Японская демократия / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян // Японский опыт для российских реформ. – 1999. – №2. – С. 54–63.
2. Конституция Японии 1947 года [Электронный ресурс] // ЛитМир – Электронная библиотека [Официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.litmir.info/br/?b=52000>.
3. Саркисов К. О. Японский тип государства. Японский феномен / К. О. Саркисов. – М., 1996. – 102 с.
4. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Т. Г. Сила-Новицкая – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 206 с.
5. Jansen Marius B. The Making of Modern Japan / Marius B. Jansen – Harvard, USA: Harvard University Press, 2000. – P. 936.
6. Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011 – 280 с.
7. Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период / Д. В. Стрельцов. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 304 с.
8. Tipton Elise K. Modern Japan: A social and political history / Elise K. Tipton. – London and New York: Taylor & Francis Group, 2003. – P. 258.
9. Макаров А. А. Политическая власть в Японии / А. А. Макаров. – М., 1988. – 279 с.

Obsharskaia A.V. The Special Aspects of Japanese Political System Transformation in the Second Half of 1940s. // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 151-157.

Japan is the state of strategic significance that seeks leadership in the Pacific Rim (in economic, political and other fields) and is one of the largest world geopolitics players. In modern world its status is quite complex and has been shaping under the influence of different forces for a long period of time. Japanese political system in general and a number of political institutions in particular have also changed from the moment of democratic institutions founding in the end of XIX – beginning of XX centuries till modern time. That also goes for political institutions that had been operating for centuries before that. And political reforms performed in the second half of 1940s, which are described by the author of the article elaborately, played the key role in the shaping of modern political system of Japan.

Key words: political system, Japan, transformation, reforms, demilitarization

References

1. Molodiakova E. V. Japanese Democracy / E. V. Molodiakova, S. B. Markarian // Japanese Experience for Russian Reforms. – 1999, №2. – P. 54-63.
2. Constitution of Japan 1947 [Web resource] // LitWorld – Web library [Official site]. Access mode: <http://www.litmir.info/br/?b=52000>.
3. Sarkisov K. O. Japanese State Type. Japanese Phenomenon / K. O. Sarkisov. M., 1996. – 102 p.
4. Sila-Novitskaia T. G. The Emperor Cult in Japan: myths, history, theories, politics. / T. G. Sila-Novitskaia – M.: Science. Main Office of Eastern Literature, 1990. – 206 p.
5. Jansen Marius B. The Making of Modern Japan / Marius B. Jansen – Harvard, USA: Harvard University Press, 2000. – P. 936.
6. Japan: the Modernisation Experience / project leader E. V. Molodiakova – M., AIRO-XXI, 2011 – 280 p.
7. Streltsov D. V. The State Administration System in Japan in Post-war Period / D. V. Streltsov. – M.: MAKS Press, 2002. – 304 p.
8. Tipton Elise K. Modern Japan: A social and political history / Elise K. Tipton. – London and New York: Taylor & Francis Group, 2003. – P. 258.
9. Makarov A. A. Political Power in Japan / A. A. Makarov. – M., 1988. – 279 p.

Сведения об авторах

Басамак М. С. – студентка 4 курса кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Гаспарян Л. С. – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь). E-mail: llukashevich@mail.ru

Гросфельд Е. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: alegros@mail.ru

Данченко Н. Ю. – студент магистратуры первого года обучения кафедры политических наук и международных отношений, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. E-mail: natalya_danchenko@rambler.ru

Дихтемиров М. С. – студент магистратуры первого года обучения кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь). E-mail: dihtemirov@gmail.com

Киселёва Н. В. – руководитель филиала Фонда развития гражданского общества в Симферополе, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. E-mail: nvkis60@mail.ru

Кузьмин С. П. – студент магистратуры первого года обучения кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь).

Лазарев Ф. В. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной философии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь). E-mail: fellazarev@rambler.ru

Макаров Р. В. – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания МБОУ «Грушевская средняя общеобразовательная школа» городского округа Судак. E-mail: makarov_ruslan86@mail.ru

Межова М. С. – студентка 4 курса кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Обиарская А. В. – студент магистратуры первого года обучения кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь). E-mail: hespify@gmail.com

Пашковский П. И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: petr.pash@yandex.ru

Раскосова А. В. – студентка 4 курса кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: alina_raskosova@rambler.ru

Тупота О. М. – кандидат политических наук, Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 8» (г. Севастополь), учитель истории. E-mail: helga_sev@mail.ru

Туснетова А. И. – студент магистратуры первого года обучения кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь).

Филатов А.С. – кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: asfilatov58@gmail.com

Филимонов С. Б. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: filimonov@list.ru

Халанская Л. Г. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: larazbritskaya@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кузьмин С. П. Гражданское общество современной России: трудности формирования и развития.....	3
Филатов А. С. Особенности этнокультурных отношений в Крымском федеральном округе Российской Федерации.....	13
Гросфельд Е. В., Дихтемиров М. С. К проблеме государственного регулирования трудовой миграции в Крыму.....	24
Данченко Н. Ю., Киселева Н. В. Классификация современных государств по количеству преступлений, за которые предусмотрена высшая мера наказания.....	31
Пашковский П. И. Проблема интерпретации понятия «Постсоветское пространство».....	41
Халанская Л. Г., Басамак М. С. Пути осуществления телевизионного политического PR-дискурса в современной России.....	49
Гаспарян Л. С., Данченко Н. Ю., Обшарская А. В., Туснетова А. И. Информационное воздействие на общественное мнение: эффект «Спирали молчания» в региональном измерении.....	58

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Филимонов С. Б. Крымская интеллигенция в годы Первой мировой и Гражданской войн (по материалам Таврической ученой архивной комиссии).....	72
Лазарев Ф. В. О технологиях формирования ценностно-мировоззренческих систем в истории культуры.....	88
Раскосова А. В. Профессиональная культура политолога и противоречия ее формирования в условиях вуза.....	105
Халанская Л. Г., Межова М. С. Крым в контексте культурной глобализации.....	113

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Макаров Р.В. Этнический и религиозный факторы в Мосульском территориальном споре (1918-1926 гг.): урок прошлого для ответа на вызовы современности.....	123
Тупота О. М. Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991-2013 гг.).....	137
Обшарская А. В. Особенности трансформации политической системы Японии во второй половине 40-х годов XX века.....	151
Сведения об авторах	158
Содержание.....	160

About the Authors

Basamak M.S. – 4th year student of the Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Gasparyan L.S. – Ph.D. in Political Science, Lecturer of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: llukashevich@mail.ru

Grosfel'd E.V. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: alegros@mail.ru

Danchenko N.Y. – first year master student Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: natalya_danchenko@rambler.ru

Dikhtemirov M.S. – first year master student Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: dihtemirov@gmail.com

Kiseleva N.V. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: nvkis60@mail.ru

Kuzmin S.P. – First year master student Department of the Public and Municipal Administration of Institute of Economy and Management V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Lazarev F.V. – Doctor of Philosophy, Professor of Department of sociology and social philosophy Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: fellazarev@rambler.ru

Makarov R.V. – Ph.D. in Historical Sciences, Teacher of History and Social Disciplines, Grushevka Average Comprehensive School (urban district of Sudak). E-mail: makarov_ruslan86@mail.ru

Mezhova M.S. – 4th year student of the Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Obsharskaia A.V. – first year master student Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: hespify@gmail.com

Pashkovsky P.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: petr.pash@yandex.ru

Raskosova A.V. – 4th year student of the Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: alina_raskosova@rambler.ru

Tupota O.M. – Ph.D. in Political Science, Teacher of History, Average Comprehensive School №8 (Sevastopol). E-mail: helga_sev@mail.ru

Tusnetova A.I. – first year master student Department of Political Science and International Relations V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Filatov A.S. – Ph.D. in of Philosophical Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: asfilatov58@gmail.com

Philimonov S.B. – Doctor of History, Professor, Head of Department of History of Russia, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: filimonov@list.ru

Halanskaja L.G. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: larazbritskaya@gmail.com

CONTENT

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Kuzmin S.P. The Civil Society of Modern Russia: Problems of Formation and Development	3
Filatov A.S. Features of Ethnocultural Relations in the Crimean Federal District Russian Federation	13
Grosfeld E.V., Dihtemirov M.S. On the Issue of the State Regulation of Labor Migration in Crimea.....	24
Danchenko N.Y., Kiseleva N.V. Classification of Modern States in Amount of Crimes for Which the Death Penalty is Carrying out.....	31
Pashkovsky P.I. The Problem of Interpretation of the Concept «post-Soviet space».....	41
Halanskaya L.G., Basamak M.S. Ways of Carrying out a Political PR Television Discourse in Modern Russia.....	49
Gasparyan L.S., Obsharskaia A.V., Danchenko N.Y., Tusnetova A.I. Information Impact on Public Opinion: The Effect of "The Spiral of Silence" in Regional Measurement.....	58

POLITICS AND CULTURE

Filimonov S.B. The Crimean Intellectuals in the Years of World War I and Civil Wars (on materials of the Taurida scientific archival commission).....	72
Lazarev F.V. On the Technology of Formation of Values and Philosophical Systems in the History of Culture	88
Raskosova A.V. Professional Culture of Political Scientist and Contradictions of its Formation at the University.....	105
Halanskaya L.G., Mezhova M.C. The Crimea in the Context of Cultural Globalization.....	113

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Makarov R.V. Ethnic and Religious Factors in Mosul Territorial Dispute (1918 - 1926): Lesson from the Past to Respond to Today's Challenges.....	123
Tupota O.M. The Role of the Black Sea Region in the United States Global Geo-Strategy in 1991 – 2013.....	137
Obsharskaia A.V. The Special Aspects of Japanese Political System Transformation in the Second Half of 1940 s.....	151
About the Authors	158
Content.....	160